

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1890.

№ 4.

ФЕВРАЛЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Назюстинка и судьбы ея въ римско-католической церкви. Очеркъ изъ исторіи римско-католической морали <i>А. З—ва</i>	185—210
Воспоминанія священника Православной Церкви Д-ра о. Владимира Гетте, бывшаго священникомъ римской церкви (продоженіе). <i>К.</i>	211—252
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Объ образѣ существованія Абсолютнаго, или отношеніе между Безусловнымъ и условнымъ. Профессора Кіевской Духовной Академіи <i>П. Липицнаго</i>	151—170
Судьбы идеи о Богѣ въ исторіи религіозно-философскаго міросозерцанія древней Греціи (окопчаніе). <i>И. Корсунскаго</i>	171—190
III. ЛИСТОКЪ ДЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе: Воззваніе.—Журналы Харьковскаго XIII епархіальнаго съѣзда духовенства 1890 года февраля 5—7 дня.—Епархіальныя извѣщенія. — Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 16.

1890.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоуѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №
Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Брюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшиниковъ пер. д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова. Садовая ул., Гостинный дворъ, № 45.

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкой.

Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Февраля 28 дня 1890 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

КАЗУИСТИКА

И

СУДЬБЫ ЕЯ ВЪ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ.

Очеркъ изъ исторіи Римско-Католической морали ¹⁾.

Казуистика, ея сущность и происхожденіе.—Критика ея у Гиршера и Линценманна.—Происхожденіе ея пробабиллизмомъ; теорія и виды пробабиллизма; первые пробабиллисты.—Пробабиллизмъ и іезуиты.—Торжество пробабиллизма.

Нравственное богословіе, какъ научное развитіе и обоснованіе нравственнаго христіанскаго ученія, въ началѣ новыхъ вѣковъ излагалось католическими богословами, по примѣру ихъ средневѣковыхъ предшественниковъ (ближайшимъ образомъ—Томы Аквинита), въ связи съ богословіемъ догматическимъ, и эта составная наука называлась *умозрительнымъ или научнымъ богословіемъ* (*theologia speculativa, scholastica*). Наряду съ нею съ теченіемъ времени образовалась въ видѣ отдѣльной науки такъ называемая *казуистика*, имѣвшая своею задачею раскрытый и обоснованный уже всеобщій нравственный законъ примѣнить къ различнымъ конкретнымъ случаямъ нравственной

¹⁾ Предлагаемая статья составлена по книгѣ Дёллингера и Рейша: «Geschichte der Moralstreitigkeiten in der Römisch-katholischen Kirche seit dem XVI Jahrhundert», появившейся годъ тому назадъ. Имя Дёллингера хорошо извѣстно и въ Россіи, какъ имя вождя старо-католиковъ и одного изъ главныхъ дѣятелей по вопросу о воссоединеніи церквей. Сотрудникъ же и единомышленникъ его Рейшъ также принадлежитъ къ числу выдающихся богословскихъ писателей современной Германіи. Посвященный одному изъ самыхъ важныхъ и интересныхъ моментовъ церковно-исторической жизни католическаго запада и написанный съ полнымъ знаніемъ дѣла и замѣчательнымъ историческимъ безпристрастіемъ, трудъ этихъ двухъ ученыхъ заслуживаетъ полнаго вниманія не только со стороны богослововъ-спеціалистовъ, но и со стороны всякаго, кто сколько-нибудь интересуется вопросами богословскаго знанія и судьбами христіанской религіи. Для русскихъ-же читателей

жизни человека и разрешить недоумѣнія совѣсти, возникающія при этихъ случаяхъ (*casus conscientiae*) ¹⁾. Между тѣмъ, на примѣръ, какъ нравственное богословіе учитъ о томъ, что должно и какъ именно должно освящать воскресный день, и указываетъ основанія, по которымъ въ этотъ день должно прекращать работы и присутствовать при богослуженіи и т. д., у казуистовъ находятся лишь краткія общія замѣчанія о томъ, что католикъ въ воскресные и праздничные дни долженъ оставлять обычныя работы и слушать мессу; но на ряду съ этимъ мы встрѣчаемъ у нихъ: подробнѣйшія изысканія «о томъ, что требуется, для того чтобы слушать мессу соответствующимъ образомъ, и о тѣхъ основаніяхъ, которыя извиняютъ неисполненіе этого долга», «о работахъ, запрещенныхъ въ воскресный и праздничные дни, и о тѣхъ основаніяхъ, по которымъ эти работы могутъ иногда считаться позволительными», перечисленія запрещенныхъ работъ ²⁾ и т. д., затѣмъ указанія занятій, которыя, съ извѣстными ограниченіями, могутъ быть дозволены въ силу существующаго обычая, какъ покупка и

трудъ этотъ, по нашему мнѣнію, долженъ имѣть особый интересъ еще и потому, что за послѣднее время въ русскомъ обществѣ, собственно въ высшихъ слояхъ его, появились довольно ясныя признаки какой-то странной симпатіи къ католичеству, симпатіи, выразителями которой являются даже выдающіеся представители печати; между тѣмъ, знакомство съ трудомъ Дѣллингера и Рейна, было бы, намъ кажется, однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ противъ усиленія и распространенія этихъ симпатій.

Книга Дѣллингера и Рейна состоитъ изъ двухъ большихъ томовъ, при чемъ 2-ой заключаетъ въ себѣ собственно тѣ (доселѣ ягдѣ еще не обнародованные) историческіе документы, на основаніи которыхъ написанъ первый томъ, раздѣляющійся въ свою очередь на двѣ части; первая изъ нихъ посвящена спорамъ по вопросамъ христіанской морали, имѣвшимъ мѣсто въ римско-католической церкви съ конца 16 столѣтія, вторая сообщаетъ новыя и весьма интересныя данныя для исторіи и характеристика іезуитскаго ордена. Главный предметъ 1-ой части, вокругъ котораго группируется, можно сказать, все ея содержаніе, есть казуистико-пробабилитическая мораль іезуитовъ, ея сущность, происхожденіе и развитіе. Этотъ предметъ и составляетъ содержаніе настоящаго очерка, который мы старались сдѣлать законченнымъ и цѣльнымъ. Если позволить обстоятельства, мы познакомимъ читателей «Вѣры и Разума» въ подобныхъ же очеркахъ и съ остальнымъ содержаніемъ книги Дѣллингера и Рейна.

Авт.

¹⁾ См. Hirscher, Die christl. Moral, 4 Aufl. II, 154.

²⁾ На примѣръ: 1) *opera ruralia*, 2) *artium mechanicarum*, 3) *pleraque opera quae ad artem typographicam concurrunt* (excipiunt probabiler characterum collocationem Elbel etc.) и т. д.

продажа и т. п., и, наконецъ, цѣлый рядъ вопросовъ въ родѣ слѣдующихъ: позволительно ли въ воскресный и праздничные дни писать, переписывать, заниматься корректурой, считать, рисовать, вышивать, охотиться и т. д.; при этомъ естественно возникаетъ и вопросъ о томъ, запрещено ли то или другое подъ страхомъ смертнаго, или простительнаго грѣха? ¹⁾

Первыя основанія казуистики находятся еще въ литературѣ патристической. Оба, напримѣръ, сочиненія Блаж. Августина о лжи, «De mendacio» и «Contra mendacium ad Consentium», могутъ быть названы казуистическими сочиненіями. Но въ самой тѣсной связи развитіе казуистики стоитъ съ исторіею таинства покаянія. Такъ называемыя каноническія посланія восточныхъ епископовъ IV и слѣд. столѣтій, какъ Григорія Чудотворца, Григорія Нисскаго, Василія Великаго, даютъ указанія относительно примѣненія церковныхъ установленій, требующихъ всенароднаго покаянія въ грѣхахъ убійства, прелюбодѣянія и идолопоклонства, къ частнымъ случаямъ ²⁾. Западныя *покаянныя* или *исповѣдныя книги* (Libri poenitentiales) содержатъ въ себѣ подробнѣйшія предписанія для духовниковъ относительно эпитимій, налагаемыхъ за грѣхи, совершенные кающимся и состоявшихъ обыкновенно въ постѣ, иногда въ чтеніи псалмовъ, даже отлученіи, а для духовныхъ и въ изверженіи изъ сана ³⁾. Въ XII столѣтіи начинается новая практика покаянія. Съ этого времени разрѣшеніе обыкновенно дается кающемуся не по выполненіи эпитиміи, а вообще тогда, когда онъ, по мнѣнію духовника, окажется достаточно къ тому расположеннымъ, и духовники, при возложеніи эпитиміи, уже не руководятся обязательно опредѣленіями покаянныхъ книгъ, но налагаютъ ихъ по собственному разсужденію. Эпитиміи пріобрѣтаютъ теперь характеръ преимущественно дока-

¹⁾ Sury, Compendium theologiae moralis, 337—367. A. Lemkuhl, Theologia moralis, Ed. III, 1886, I, 330—334.

²⁾ H. I. Schmitz, Die Bussbücher und die Bussdisciplin der Kirche, 1883, s. 33. Freiburger kirchenlexicon, 2, 209.

³⁾ Schmitz, s. 102. 290. Kirchenlex. 2, 1580. Извѣстно, что вскорѣ возникло обыкновеніе выполнять эти эпитиміи чрезъ другихъ лицъ, замѣнять одні эпитиміи другими и освобождаться отъ нихъ за денежные взносы (редемпціи). Kirchenlex. 2, 1583. Schmitz, s. 144.

зательства дѣйствительности раскаянія и средства для предохраненія отъ извѣстнаго грѣха. Съ другой стороны появилась потребность въ исповѣди болѣе частой и полной, т. е. обнимающей собою не только важныя, но и менѣе значительныя проступки. Кромѣ того, исповѣдь, въ особенности послѣ введенія общеобязательной исповѣди однажды въ годъ у *собственного духовника* (sacerdos proprius), стала употребляться духовниками между прочимъ и въ качествѣ средства для удостовѣренія въ томъ, обладаетъ ли кающійся достаточнымъ религіознымъ познаніемъ, и для преподанія элементовъ послѣдняго незнающимъ и дѣтямъ ¹⁾).

Въ 21 правилѣ Латеранскаго собора (1215 г.) къ предписанію обязательной ежегодной исповѣди прибавлено: «духовникъ же долженъ быть остороженъ и мудръ, и, подобно искусному врачу, изливать вино и елей на раны пораженнаго (грѣхомъ), тщательно изслѣдуя обстоятельства грѣшника и грѣха, дабы узнать, какой совѣтъ должно подать и какое цѣлительное средство употребить для увраченія недуга». Какъ здѣсь задача духовника сравнивается съ задачей врача, такъ въ другомъ случаѣ она сравнивается еще съ задачей судьи: духовникъ долженъ произнести приговоръ надъ открывшеюся предъ нимъ на исповѣди совѣстію падшаго, точно также, какъ судья произноситъ приговоръ надъ дошедшимъ до его вѣдома нарушеніемъ права; онъ долженъ обращать усиленное вниманіе и на юридическую сторону данныхъ грѣховъ, напримѣръ, на то, долженъ ли и чѣмъ именно долженъ кающійся, по требованію строгаго права, возстановить или вознаградить то, что имъ нарушено. Такимъ образомъ, казуистика, обуславливавшаяся въ своемъ развитіи свойствомъ исповѣди и опиравшаяся одинаково какъ на развитое въ каноническомъ правѣ церковное законодательство, такъ и на развитыя въ нравственномъ богословіи основоположенія нравственности, не безъ основанія могла быть названа *Jurisprudencia divina* ²⁾; и относящіяся къ

1) I. Geffcken, Der Bilderkatechismus des XV Jahrh., 1855 s. 23.

2) См. Sass, Geschichte d. christl. Ethik, 1881, I, 375.

ней сочиненія принадлежатъ перу частію богослововъ, частію канонистовъ.

Средства для своей подготовки къ выполнению указанной задачи католическіе духовники получали не только въ сочиненіяхъ богослововъ - моралистовъ, которые съ конца среднихъ вѣковъ начинаютъ обращать на казуистическій элементъ усиленное вниманіе ¹⁾, но и въ цѣломъ рядѣ специально - казуистическихъ сочиненій; эти послѣднія представляютъ собою какъ руководства собственно для духовниковъ: обширныя научныя, и сокращенныя практическія, такъ и написанныя на народномъ языкѣ наставленія объ исповѣди для мірянъ.

Для характеристики этихъ сочиненій мы приводимъ въ качествѣ примѣра нѣсколько извлеченій изъ «Вопросника» Бартоломея де-Шеми (*Interrogatorium sive Confessionale*, 1496). Относительно третьей заповѣди, говоритъ этотъ авторъ, духовникъ долженъ спрашивать кающагося, не производилъ ли онъ въ воскресные и праздничные дни работъ машинныхъ, ручныхъ или крестьянскихъ. Это было-бы вообще грѣхомъ смертнымъ. Въ трехъ однако случаяхъ эти работы не составляютъ грѣха: 1) если онѣ производятся *по необходимости* (*ex necessitate*) и не могли быть отложены. Сюда относятся: возка хлѣбовъ и сѣна въ виду угрожающаго дождя, жатва или собираніе винограда по необходимости, или въ виду непріятельскаго нападенія, наводненія и т. п.; цирюльники, кузнецы и хозяева могутъ заниматься своими дѣлами, если ихъ вынуждаетъ къ этому не корысть, а необходимость, пекари и мясники готовить то, что потребуется для продажи въ слѣдующій день. Можно готовить кушанья, которыя нельзя было почему-либо приготовить днемъ ранѣе. Вполнѣ можно также допустить, что не грѣшатъ слуги, работающіе въ праздничные дни по принужденію господъ. Не грѣшатъ извозчики и путешественники, если не могутъ прекратить свои поѣздки безъ большого для себя ущерба. 2) *По благочестію* (*ex pietate*)

¹⁾ Таковы, напр., изъ обширныхъ: *summa theologica* Раймунда Пеннафортскаго (1235), алфавитная *сумма* францисканца Мональда, *Summa Astesana* (ок. 1317), *S. Pisana* (1338) и пр.; изъ краткихъ: *Manuale collectum de summa confessorum* І. Фрейбурга, цитуемый «Вопросникъ» В. де-Шеми и др.

можно распахивать участки, принадлежащія бѣднымъ, если подобный обычай существуетъ въ странѣ и не запрещенъ епископомъ, далѣе по нуждѣ строить церкви, монастыри и госпитали, лишь-бы изъ-за работы не пропускалась месса и работа не продолжалась цѣлый день. 3) *По незначительности труда* (*parvitas operis*) могутъ считаться позволительными недалекія поѣздки, работы на вѣтряныхъ и водяныхъ мельницахъ и т. п. Духовникъ, далѣе, долженъ спрашивать кающагося, не посвящалъ ли онъ весь воскресный день охотѣ или ловлѣ птицъ, что само по себѣ не представляетъ смертнаго грѣха, но при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ можетъ быть таковымъ; не увеселялся ли танцами, игрою или другими мѣрскими удовольствіями, не предавался ли объяденію и пьянству и т. д. Смертный грѣхъ, совершенный въ воскресный или праздничный день, вдвое тяжескъ (*duplicatur*)... Разсуждая о каждомъ отдѣльномъ случаѣ, Шеми цитируетъ различныхъ авторитетовъ.

Начиная съ XVI столѣтія въ болѣе части казуистическихъ сочиненій становится замѣтнымъ стремленіе поставить казуистику въ болѣе тѣсную связь съ теоретическимъ нравственнымъ богословіемъ: они примыкаютъ къ системѣ послѣдняго по своему расположенію, и рѣшенію отдѣльныхъ вопросовъ въ нихъ предпосылается краткое изложеніе общихъ началъ. Но элементъ казуистическій остается господствующимъ.

Превосходныя замѣчанія объ опасныхъ сторонахъ казуистической постановки нравственнаго богословія находятся въ сочиненіи Гиршера «Объ отношеніи Евангелія къ схоластическому богословію» (*Ueber das Verhältniss des Evangeliums zu den theologischen Scholastik.*, 1823). Въмѣсто того, говоритъ Гиршеръ, чтобы постараться прежде всего проникнуть въ самый духъ, который дѣлаетъ каждую отдѣльную добродѣтель добродѣтелью, и есть причина всякаго добра въ мѣрѣ, т. е. вмѣсто того, чтобы начать дѣло съ недѣлимой сущности всякаго добра, схоластика начинаетъ съ матеріальной стороны отдѣльныхъ нравственныхъ предписаній, не обращая вниманія на то, откуда они происходятъ, на какомъ основаніи покоятся, и изъ какого принципа получаютъ свою жизненность. Равнымъ образомъ, вмѣсто того, чтобы производить эти предпи-

санія изъ упомянутой недѣлимой сущности всякаго добра и чрезъ то давать твердость нравственному сужденію своихъ послѣдователей, она снабжаетъ ихъ безчисленными опредѣленіями и оговорками, и опутываетъ человѣка массою обязательнаго, полуообязательнаго и необязательнаго. Наконецъ, вмѣсто того, чтобы позаботиться о такомъ способѣ изложенія всей нравственной системы, при которомъ добро, будучи предметомъ изученія, вмѣстѣ съ тѣмъ пробуждалось бы и воспитывалось бы въ сердцѣ ученика, схоластика, озабоченная исключительно, или, по крайней мѣрѣ, ближайшимъ образомъ, полнотою и подробностью своего перечня обязанностей, должна была предлагать его уму и памяти агрегатъ заповѣдей и запрещеній, налагая на него, такимъ образомъ, бремя неудобноносимое, но не научая, какъ можно нести это бремя. Все, чѣмъ должно или можно, по мнѣнію схоластиковъ, облегчить исполненіе нравственнаго закона, состоитъ въ увѣщаніяхъ оставаться вѣрнымъ его буквѣ (s. 185). Схоластика трактуетъ христіанскую мораль не столько какъ ученіе добродѣтели, сколько какъ ученіе долга и закона, и, прилагая заповѣдь на заповѣдь и запрещеніе на запрещеніе, даетъ намъ «полную и утрясенную мѣру» нравственныхъ правилъ, вмѣсто того чтобы положить въ основаніе всего самый духъ христіанства, и изъ этого духа производить и въ немъ обосновывать всякое отдѣльное добро; а это болѣе соотвѣтствуетъ характеру закона Моисеева, чѣмъ характеру христіанства (s. 191). Важное значеніе при казуистическомъ изложеніи морали имѣетъ различеніе между трудными и легкими для выполненія нравственными требованіями, между великими и малыми преступленіями противъ закона, между смертными и простительными грѣхами. Никто не станетъ отрицать, что есть преступленія, которыя, происходя изъ состоянія нравственной смерти, вполне справедливо могутъ быть названы смертными, и что, съ другой стороны, есть погрѣшности, недостатки и проступки, отъ которыхъ не можетъ совершенно освободиться даже вполне добрый человѣкъ, и въ которыя, поэтому, тѣмъ легче впадаетъ человѣкъ слабой, хотя и доброй воли. Слѣдовательно, различеніе грѣховъ тяжелыхъ и легкихъ само по себѣ вполне основательно, и если оно опи-

рается преимущественно на различныя свойства воли и различныя степени добра и зла опредѣляются существомъ воли, напримѣръ, въполнѣ доброй и сильной, менѣ чистой и менѣ сильной, слабой, косной, нечистой, злой, ожесточенной, то противъ этого нечего и возразить. Другое дѣло, если различіе между смертными и простительными грѣхами понимается объективно и основывается на трудности и легкости нравственныхъ заповѣдей, если на скрижали заповѣдей одиѣ изъ нихъ обозначаются какъ запрещающія что-либо подъ страхомъ грѣха смертнаго, другія — простительнаго. Для иныхъ людей такое различіе грѣховъ, основанное на матеріальномъ различіи заповѣдей, можетъ послужить источникомъ постояннаго мучительно-боязливаго состоянія духа. Привыкнувъ всегда спрашивать совѣта и указанія у внѣшняго закона и никогда — у собственной совѣсти, они въ тысячѣ случаевъ будутъ не въ состояніи дать сами себѣ положительный отчетъ въ томъ, обязательна-ли данная заповѣдь подъ страхомъ смертнаго, или простительнаго грѣха; нарушивъ же ее, они мучатся мыслию, что совершили тяжкій грѣхъ, лишаящій ихъ благодати, дѣлающій ихъ неспособными къ добру и подвергающій вѣчному осужденію. Но такое мучительное состояніе духа рѣшительно неудобно для достиженія истинной нравственности. Оно никакимъ образомъ не можетъ породить въ чловѣкѣ ту тонкую чуткость совѣсти, которая, основываясь на духѣ чистой любви къ Богу, придаетъ великое значеніе даже малѣйшимъ нравственнымъ погрѣшностямъ; оно производитъ только ту хватающую за внѣшній законъ трусливость, которая, не имѣя истинно-христіанскаго смысла, безпокойно озабочена тѣмъ, какъ бы не переступить за линію слегка - запрещеннаго и позволительнаго (въ предѣлахъ которой все возможно) и, — такъ какъ линія эта не вездѣ обозначена закономъ со всею точностію, — не впасть въ смертный грѣхъ и не подвергнуться соединеннымъ съ нимъ вреду и наказаніямъ. У простаго-же народа мысль о раздѣленіи грѣховъ на смертныя и простительныя и о томъ, что первые влекутъ за собой совершенное лишеніе благодати, а послѣдніе только уменьшеніе ея, можетъ привести къ тому результату, — и это въ лучшемъ случаѣ, —

что многіе стануть воздерживаться отъ грѣховъ смертныхъ, но взамѣнъ этого будутъ не только снисходительно смотрѣть на грѣхи, причисляемые къ простительнымъ, но даже вознаграждать себя ими за то, чѣмъ пожертвовали они изъ страха вѣчнаго осужденія. Вполнѣ естественно, что люди, научившіеся познавать добро и зло не въ его собственной природѣ, а изъ опредѣленій закона, отнюдь не могутъ придавать большую важность тѣмъ проступкамъ, за которые законодатель опредѣлилъ лишь незначительныя наказанія. Но можетъ ли называться христіанскою та жизнь, въ которой это различіе между грѣхами смертными и простительными утвердилось на практикѣ и полагается въ основу дѣятельности? Неужели можно съ легкимъ сердцемъ вполнѣ сознательно совершать такъ называемые простительные грѣхи и въ то же время оставаться нравственнымъ? Клевета, напр., по казуистамъ, только въ важныхъ дѣлахъ считается грѣхомъ смертнымъ; по развѣ можетъ человѣкъ, живущій истинно-нравственною жизнію, предаваться обычнымъ сплетнямъ, свидѣтельствующимъ объ отсутствіи любви къ ближнимъ? (s. 200—204).

Въ качествѣ примѣра виѣшняго различенія грѣховъ смертныхъ и простительныхъ, Гиршеръ приводитъ (s. 226) слѣдующую выдержку изъ популярнаго казуистическаго сочиненія: «Грѣхъ противъ ближняго, состоящій въ похищеніи чужой собственности, въ большинствѣ случаевъ есть грѣхъ смертный. Вопросъ здѣсь въ томъ, какъ великъ вредъ, наносимый похищеніемъ, и трудно разрѣшить этотъ вопросъ въ приложеніи къ различнымъ отдѣльнымъ случаямъ. Вредъ, происходящій отъ воровства, можетъ быть великъ или самъ по себѣ, или по отношенію къ лицу, которое его испытываетъ. Кража 2—3 гульденовъ многими богословами считается за нѣчто значительное, хотя бы эти гульденны были похищены у богатаго. По отношенію же къ людямъ небогатымъ такая покража составляетъ уже смертный грѣхъ. Воровство и другія вредоносныя дѣйствія, сами по себѣ незначительныя, могутъ во многихъ случаяхъ быть смертными грѣхами, если, напр., даютъ поводъ къ оскорбленію Бога божбой и клятвой, если ими причиняется кому-либо кровная обида или сильная непріятность

и т. п. Наконецъ, мелкія нарушенія права ближняго дѣлаютъ человѣка виновнымъ въ смертномъ грѣхѣ, если взятыя вмѣстѣ получаютъ большое значеніе. При этомъ еще нужно замѣтить, что, во-первыхъ, въ случаѣ, на примѣръ, частаго повторенія мелкихъ кражъ — похищенные вещи, взятыя вмѣстѣ, могутъ имѣть бѣольшую цѣнность, чѣмъ одна крупная покража, и, слѣдовательно, совокупность такихъ кражъ тѣмъ легче можетъ вмѣниться въ смертный грѣхъ; во-вторыхъ, что мелкія нарушенія закона только тогда могутъ дойти въ своей совокупности до значенія смертнаго грѣха, когда между ними существуетъ извѣстная связь... Кто по своей винѣ не уплачиваетъ значительной части долга, достаточной для того, чтобы при-своеніе ея составляло смертный грѣхъ, тотъ подвергается вѣчному осужденію» ¹⁾. Читатель, замѣчаетъ Гиршеръ, безъ всякихъ поясненій съ нашей стороны, легко можетъ видѣть, какъ произвольно и съ какимъ одностороннимъ вниманіемъ только къ внѣшней сторонѣ поступковъ сказано все это. Тяжесть грѣха опредѣляется здѣсь итогомъ украденнаго или степенью вреда отъ послѣдствій кражи. Мелкія кражи таксируются по суммѣ, которая составляется изъ ихъ совокупности. Грѣховный образъ мыслей въ расчетъ не принимается. Если кто-либо совершилъ множество мелкихъ кражъ, то общая сумма ихъ для степени вины значитъ болѣе, чѣмъ если бы похищена была за одинъ разъ. Это положеніе должно быть очень выгоднымъ для всѣхъ торговцевъ, обмалывающихъ мѣрою и вѣсомъ, для фальсификаторовъ и т. п., особенно если при этомъ предполагается еще «извѣстная связь» между отдѣльными нарушеніями закона, — вѣроятно, однородность ихъ и совершеніе надъ одними и тѣми же лицами, — для того чтобы можно было соединить ихъ въ одно цѣлое; безъ этого условія они, какъ не соединимыя, остаются каждое въ отдѣльности грѣхомъ прости-тельнымъ. Впрочемъ, кто похититъ значительную сумму, напр., 3—4 гульдена, у бѣднаго, тотъ, подъ страхомъ ада, долженъ

¹⁾ Entwürfe zu einem vollständigen Unterricht zum Behuf der Geistlichen, aus d. franz. übers. und mit Zusätzen vermehrt von A. Räss und N. Weiss, Mainz, 1821. Сочиненіе Гиршера — подробная критика этой книги.

вознаградить потерпѣвшаго (вѣроятно, однако, — только суммою не бѣльшею украденной); слѣдовательно, меньшія суммы можно присвоить безнаказанно. Если авторъ пожелалъ пуститься въ казуистику, то онъ долженъ былъ руководиться извѣстными и притомъ правильными основаніями. При настоящей же постановкѣ дѣла его рѣшенія являются односторонними и почти совершенно произвольными. Далѣе казуистика не имѣетъ права скользить только по поверхности своего предмета, совершенно оставляя въ сторонѣ смыслъ и требованія христіанства, которое исходною точкою нравственной дѣятельности человека поставляетъ обновленіе и святость сердца. Въ противномъ случаѣ, — что же будетъ съ христіанскою честностью, съ тою входящею во всѣ подробности поступка справедливостью, которая не терпитъ у себя ни одной неправедно нажитой копѣйки? И можно ли назвать христіанскою ту нравственность, которая допускаетъ и, безспорно, даже покровительствуетъ такимъ ученіемъ воровству и обману? Христіанство требуетъ *novitas* человека, требуетъ полной честности и правдивости во всѣхъ дѣлахъ, а въ случаѣ причиненія кому-либо ущерба — готовности вознаградить четверницею. Этому и должно учить и на этомъ настаивать. Рѣчь о счетахъ должна быть по совершеніи грѣха, а не прежде и не такъ, что человекъ всегда можетъ напередъ сослаться на нихъ и ихъ снисходительностью побуждается къ преступленію. Кто прежде всего обращаетъ вниманіе на запрещеніе и дѣлаетъ его мѣриломъ своихъ поступковъ, тотъ, если не холоденъ, то только теплъ и, потому, хуже, чѣмъ если-бы былъ холоденъ и мертвъ (Апок. 3, 16). Не можетъ быть ученія, болѣе неосновательнаго и пагубнаго, чѣмъ то, которое вмѣсто преподаванія и утвержденія евангельскихъ началъ нравственности говоритъ: «до этой границы грѣхи прощительны; вотъ это все можно сдѣлать, не подвергаясь вѣчному осужденію; вотъ область грѣховъ прощительныхъ». Но, вѣдь, грѣхи прощительные не лишаютъ вѣчной жизни, а въ смертныхъ можно раскаяться: можетъ ли, спрашивается, на почвѣ такого ученія развиваться истинно-христіанскій образъ мыслей?

Другія опасныя стороны казуистической морали Гиршеръ

указываетъ только мимоходомъ, порицая, напр., ея «талмудическую мелочность» и указывая на то, что невозможно, особенно для простаго человѣка, ориентироваться въ этомъ безчисленномъ множествѣ нравственныхъ опредѣленій, и что такой человѣкъ, поэтому, не въ состояніи будетъ сдѣлать хоть одинъ шагъ безъ помощи своего духовнаго отца, вслѣдствіе чего въ популярныхъ казуистическихъ сочиненіяхъ и дается всегда наставленіе—въ сомнительныхъ случаяхъ обращаться за совѣтомъ къ духовнику (s. 234—239).

Относительно послѣдняго пункта другой нѣмецкій богословъ, Линзенманнъ, говоритъ слѣдующее ¹⁾: «Въ громадномъ большинствѣ случаевъ простому человѣку бываетъ необходимо самому быть въ силахъ—на основаніи собственнаго обычнаго религіознаго образованія и жизненнаго опыта—отличать добро отъ зла, христіанскую нравственность отъ не-христіанскихъ дѣлъ; невозможно назвать нормальнымъ то состояніе христіанскаго образованія и воспитанія, при которомъ возникаютъ въ обыденной жизни столь многочисленныя недоумѣнія совѣсти (*casus conscientiae*), впервые получающіе свое разрѣшеніе только отъ духовнаго отца на исповѣди, т. е. послѣ того уже какъ совершенъ былъ поступокъ, относительно котораго они возникли». (s. 65). Ближайшимъ послѣдствіемъ развитія казуистики является то, что рѣшеніе различныхъ *casuum conscientiae* поручается не отдѣльному личному сознанію, а авторитету специалистовъ. Но ученые специалисты, разрабатывая такія рѣшенія, поднимаютъ постоянно новые вопросы и вызываютъ искусственныя сомнѣнія, причемъ различіе мнѣній свидѣтельствуемъ о противорѣчій между направленіями строгимъ и снисходительнымъ, и, между тѣмъ какъ прежде школа принаровлялась къ жизни и изъ нея почерпала свои познанія, теперь жизнь должна принаровляться къ школѣ.. Время послѣ Тридентскаго собора имѣетъ нѣкоторое сходство съ послѣ-плѣннымъ періодомъ іудейства: мѣсто законодательства заступааетъ истолкованіе закона учеными; какъ по окончаніи преимущественно - догматическаго періода исторіи

¹⁾ Theolog. Quartalschrift, Tübingen, 1871.

церкви процвѣла схоластика, такъ теперь усилилась ученая обработка христіанской морали и права и создала казуистику (s. 242)».

Казуистика создалась, какъ мы видѣли, еще въ средніе вѣка, но полное свое развитіе получила, дѣйствительно, только послѣ Тридентскаго собора. Возникновеніе ея, какъ сказано, находилось въ связи съ измѣненіемъ покаянной дисциплины, а то обстоятельство, что въ послѣднія столѣтія среднихъ вѣковъ она особенно усердно была развиваема францисканцами и доминиканцами, находитъ свое объясненіе главнымъ образомъ въ томъ, что монахи этихъ орденовъ съ тринадцатаго столѣтія дѣйствуютъ въ качествѣ духовниковъ гораздо болѣе, чѣмъ бѣлое духовенство ¹⁾. Дальнѣйшее развитіе казуистики тѣсно связано съ дальнѣйшими измѣненіями покаянной дисциплины, вообще—съ историческими судьбами таинства покаянія въ римско-католической церкви. Съ XVI в. все болѣе и болѣе утверждается обычай исповѣдываться по возможности чаще и открывать на исповѣди грѣхи не только тяжкіе, но и простибельные, и вмѣстѣ съ тѣмъ—испрашивать у духовника совѣтовъ по различнымъ вопросамъ нравственной жизни. Въ связи съ этимъ съ указаннаго времени болѣе важность начинаетъ придаваться собственно исповѣди, ея полнотѣ и подробности и частому повторенію, чѣмъ другимъ сторонамъ таинства покаянія, именно—раскаянію и намѣренію загладить совершенные грѣхи ²⁾. Все это, естественно, весьма способствовало усиленію и развитію казуистики; а такъ какъ указаннымъ измѣненіямъ въ покаянной дисциплинѣ содѣйствовали преимущественно іезуиты, то понятно, что они-же должны были явиться и наиболѣе усердными сторонниками и ревностными защитниками казуистическаго ученія ³⁾.

1) Abhandlungen der hist. cl. Münch. Academie, 4 Bd, 3, Abth. 1846.

2) Cp. Hirsicher, Die kirche. Zustände d. Gegenwart, 1849, s. 69.

3) Извѣстно, напримѣръ, что во времени возникновенія іезуитскаго ордена во многихъ мѣстахъ католической Европы утвердилось мнѣніе, что частая исповѣдь не только не необходима для вѣрующаго, но является чѣмъ-то даже постыднымъ для него; іезуиты всюду, гдѣ только они ни появлялись, были непримиримыми борцами противъ такого мнѣнія.

Съ конца XVI ст. въ исторіи развитія казуистики начинается новый періодъ: въ казуистикѣ съ этого времени особенно усиливается тотъ, доселѣ находившійся только въ зачаточномъ состояніи элементъ, который извѣстенъ подъ именемъ *пробабиллизма* и который составляетъ самую непривлекательную и вмѣстѣ самую опасную ея сторону.

Происхожденіе и сущность пробабиллизма могутъ быть представлены въ слѣдующемъ видѣ. Во многихъ случаяхъ полная увѣренность въ соотвѣтствіи съ нравственнымъ долгомъ, обязательности или необязательности даннаго поступка или дѣйствія недостижима; тогда возникаютъ два противоположныя мнѣнія (*opinio*) относительно этого поступка или дѣйствія, изъ которыхъ каждое имѣетъ свою долю основательности, ни одно не безусловно (*opinio certa*), каждое только *вѣроятно* или *правдоподобно* (*opinio probabilis*). Оба мнѣнія, далѣе, могутъ быть *равно-вѣроятными* (*aeque probabiles*), или-же—одно, имѣющее болѣе основаній въ свою пользу, будетъ *болѣе вѣроятнымъ* (*opinio probabilior*), другое—*менѣе вѣроятнымъ* (*opinio minus probabilis*); если основанія одного мнѣнія значительно перевѣшиваютъ основанія другого, то первое есть *мнѣніе наиболѣе вѣроятнѣйшее* (*opinio probabilissima*), другое—*мнѣніе маловѣроятное* (*opinio tenuiter probabilis*). *Вѣроятность* даннаго мнѣнія (*probabilitas opinionis*) можетъ опираться на основанія внутреннія, быть *probabilitas intrinseca*, или—на внѣшнія, т. е., на авторитетъ свѣдущихъ людей, быть *probabilitas extrinseca*.

Отъ мнѣнія болѣе или менѣе вѣроятнаго должно отличать *мнѣніе болѣе или менѣе безопасное* (*opinio tutior* или *minus tuta*). *Мнѣніе болѣе безопасное* есть то, слѣдующему легче избѣжать нарушенія закона, чѣмъ слѣдующему противоположному; первое стоитъ на сторонѣ закона (*opinio legi favens*), послѣднее—на сторонѣ свободы (*opinio libertati favens*). Кто не рѣшается на поступокъ, позволительность котораго подлежитъ для него сомнѣнію, тотъ слѣдуетъ мнѣнію болѣе безопасному, кто рѣшается, не обращая вниманія на это сомнѣніе, тотъ слѣдуетъ мнѣнію менѣе безопасному; кто рѣшается на поступокъ за позволительность котораго говорятъ основанія болѣе сильныя, чѣмъ *противъ*, тотъ слѣдуетъ мнѣнію болѣе вѣроят-

ному; кто, наконецъ, рѣшается на поступокъ, за позволительность котораго говорятъ основанія слабѣйшія, тотъ слѣдуетъ мнѣнію менѣе вѣроятному.

Въ связи съ этими различеніями въ западно-христіанской морали за послѣднія столѣтія образовались слѣдующія теоріи:

1. *Туціоризмъ*: я долженъ слѣдовать мнѣнію болѣе безопасному—даже въ томъ случаѣ, если мнѣніе менѣе безопасное есть болѣе вѣроятное и даже наивѣроятнѣйшее, другими словами: въ случаѣ сомнѣнія въ *позволительности дѣйствія* я не долженъ совершать его даже и тогда, когда болѣе основаній *въ пользу*, чѣмъ *противъ* его позволительности, а въ случаѣ сомнѣнія въ *обязательности дѣйствія* я долженъ совершить его, хотя бы менѣе основаній было *за*, чѣмъ *противъ* его обязательности. Такой взглядъ, возведенный нѣкоторыми на степень всеобщаго нравственнаго правила, большинствомъ католическихъ богослововъ былъ признанъ слишкомъ строгимъ, слишкомъ ригористическимъ, и осужденъ папою Александромъ VIII въ 1690 г. Позднѣйшіе туціористы смягчили нѣсколько этотъ взглядъ, утверждая, что можно слѣдовать и менѣе безопасному мнѣнію, если только оно—наивѣроятнѣйшее.

2. *Пробабиліоризмъ*: болѣе безопасному мнѣнію можно слѣдовать даже и въ томъ случаѣ, если оно менѣе вѣроятное, менѣе безопасному—только въ томъ, если оно—болѣе вѣроятное, чѣмъ противоположное.

3. *Эквипробабиллизмъ*: менѣе безопасному мнѣнію можно слѣдовать даже и тогда, когда оно *столь же вѣроятно*, какъ и болѣе безопасное.

4. *Пробабиллизмъ*: менѣе безопасному мнѣнію можно слѣдовать даже и тогда, когда оно менѣе вѣроятно.

По ученію туціористовъ, напримѣръ, я не могу заключить договора, если не имѣю полной нравственной увѣренности въ томъ, что онъ не составляетъ нарушенія законовъ. Согласно съ пробабиліористами, я имѣю право заключить его, если на лицо болѣе основаній, доказывающихъ его позволительность, чѣмъ непозволительность, согласно съ эквипробабиллистами, — если количество основаній за и противъ одинаково, съ пробабиллистами,—даже и въ томъ случаѣ, если договоръ предста-

вляется мнѣ непозволительнымъ, лишь бы можно было подыскать *хотя какія-нибудь* основанія въ его пользу.

Въ пробабилизмѣ нужно различать три ступени: менѣе безопасному мнѣнію можно слѣдовать: а) только тогда, когда оно *почти такъ же вѣроятно, какъ и противоположное*; этотъ взглядъ весьма близокъ къ эквипробабилizmu; б) только тогда, когда оно хотя и менѣе вѣроятно, но все-таки опирается на *основанія истинныя и прочныя* (*vere et solide probabilis*); в) во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно хотя *нѣсколько вѣроятно* (*tenuiter probabilis*), и даже тогда, *когда вѣроятность его сомнительна или только вѣроятна* (*opinio dubie, probabiliter probabilis*); послѣднее, крайне пробабилистическое, воззрѣніе извѣстно еще подъ именемъ *лакцизма* (*laxus* — слабый, мягкій, потворствующій).

Несомнѣнно, что худшею изъ указанныхъ теорій, въ смыслѣ наибольшаго несоотвѣтствія съ духомъ истинно христіанской морали, въ общемъ должна быть признана послѣдняя, т. е. пробабилизмъ; и вотъ именно эта-то теорія съ конца 16 ст., какъ замѣчено выше, дѣлается господствующимъ ученіемъ казуистовъ.

Первымъ представителемъ пробабилизма былъ испанскій доминиканецъ Бартоломей де-Медина, который въ своемъ комментаріи къ сочиненіямъ Тома Аквината (1577 г.) защищалъ слѣдующее положеніе: *Если данное мнѣніе вѣроятно, то ему можно слѣдовать, хотя бы противоположное мнѣніе было больше вѣроятнымъ*. Впрочемъ, обосновывая это положеніе, онъ прибавляетъ: *Вѣроятнымъ называется не всякое мнѣніе, которое имѣетъ своихъ представителей и защитниковъ, ибо въ такомъ случаѣ все заблужденія были бы мнѣніями вѣроятными, но лишь то, которое проводится мужами мудрыми и утверждается на прочныхъ основаніяхъ*. Первый пробабилистъ, слѣдовательно, былъ еще довольно умѣренъ и остороженъ въ своихъ воззрѣніяхъ. Онъ нашелъ себѣ послѣдователей еще въ концѣ 16 столѣтія между испанскими богословскими писателями, принадлежавшими къ различнымъ монашескимъ орденамъ. и въ томъ числѣ къ іезуитскому; первымъ іезуитомъ-пробабилистомъ былъ Габріэль Васкецъ, который называетъ пробабилизмъ господствующимъ ученіемъ своего времени (1598 г.).

Въ первой половинѣ 17 ст. пробабилизмъ дѣйствительно былъ

господствующимъ возрѣніемъ не только въ Испаніи, гдѣ онъ долгое время находилъ себѣ безчисленныхъ и ревностныхъ защитниковъ, но и въ Италиі, Германіи и даже Франціи, гдѣ онъ вообще, не смотря на усилія іезуитовъ, привился очень мало ¹⁾. Уже въ это время нѣкоторые изъ пробабилистовъ успѣли развить свое ученіе до крайнихъ и худшихъ выводовъ. На первый планъ при оцѣнкѣ мнѣній въ отношеніи ихъ вѣроятности у такихъ пробабилистовъ выступаетъ *внѣшняя вѣроятность* (*probabilitas extrinseca*) даннаго мнѣнія: мы можемъ, утверждаютъ они, слѣдовать въ своей дѣятельности тѣмъ мнѣніямъ, которыя считаются за вѣроятныя признанными авторитетами, не взвѣсивая основанийъ за и противъ этихъ мнѣній, слѣдовательно, и не будучи сами лично убѣждены въ позволительности или непозволительности даннаго поступка, или даже—находя сами лично противоположныя мнѣнія болѣе основательными. Развивая далѣе понятіе внѣшней достовѣрности, эти крайніе пробабилисты учатъ: каждое мнѣніе достовѣрно и можетъ, слѣдовательно, служить правиломъ для дѣятельности, какъ скоро оно проводится нѣкоторыми или даже однимъ только авторомъ, хотя бы всѣ остальные и возставали противъ его достовѣрности; нужно только, чтобы оно не было со всею опредѣленностію осуждено авторитетомъ церкви. Такого взгляда изъ католическихъ богослововъ-казуистовъ даннаго времени держались, напримѣръ, Караміюэль и Антонинъ Діана. Первый говоритъ: «Если относительно какого-либо предмета рассуждаетъ одинъ только авторитетный писатель, то его рѣшеніе есть *мнѣніе безопасное*; если тотъ же самый предметъ обсуждается и другими важными писателями и мнѣніе перваго ими положительно отвергается, то оно перестаетъ уже быть *безусловно-вѣрнымъ* и становится *вѣроятнымъ*.—равно или мнѣніе *вѣроятнымъ*, смотря по количеству противниковъ; *невѣроятнымъ* оно дѣлается только въ томъ случаѣ, когда безусловно отвергается всѣми». Антонинъ Діана, о которомъ другіе пробабилисты отзываются съ восторженными похвалами и

¹⁾ См. Matignon, Le Probabilisme. въ Etudes relig. par des Pères de la Comp. de J 1866, 9. 4.

котораго Карамюэль называетъ *«Ангеломъ Божиимъ, взявлющимъ цркви міра»* (sic!), рассматриваетъ болѣе 3000 частныхъ вопросовъ нравственной дѣятельности и, для руководства, относительно каждаго приводитъ два мнѣнія — или равно-вѣроятныя, или такія. изъ которыхъ одно вѣроятно, другое болѣе вѣроятно. Онъ же утверждалъ, что въ практической жизни можно руководиться мнѣніемъ, которое защищается *однимъ только писателемъ*, хотя бы *по внутреннимъ основаніямъ* оно казалось *ложнымъ и невѣроятнымъ*.

Имѣвшій своимъ родоначальникомъ доминиканца, пробабилизмъ находилъ себѣ сторонниковъ и защитниковъ какъ во всѣхъ монашескихъ католическихъ орденахъ, такъ и среди бѣлаго духовенства. Но самыми усердными и самыми вѣрными слугами его явились іезуиты, начиная съ упомянутаго выше Габріэля Васкеца. Правда, и между іезуитами находились такіе, которые старались противодѣйствовать распространенію пробабилистическихъ взглядовъ; таковы, на примѣръ, изъ конца 16-го и первой половины 17-го столѣтія: Людовикъ Молина, кардиналъ Белларминъ, генераль ордена Muzio Vitelleschi и нѣкоторые другіе. Но число противниковъ пробабилизма въ іезуитскомъ орднѣ безконечно мало въ сравненіи съ числомъ его защитниковъ. Еще до половины 17-го столѣтія іезуиты-пробабилисты насчитывались десятками; а съ какимъ успѣхомъ распространяли они свое ученіе, можно судить, на примѣръ, уже по тому одному факту, что книга іезуита-пробабилиста Бузенбаума (*Medulla theologiae moralis*), напечатанная въ 1645 г., выдержала до 1776 г. болѣе 200 изданій. Въ началѣ второй половины того же столѣтія пробабилизмъ перестаетъ быть господствующимъ ученіемъ своего времени. Жестоко осмѣянный знаменитымъ Паскалемъ въ его извѣстныхъ *«Письмахъ»* и подвергнутый сильной критикѣ друзьями Паскаля — Арнольдомъ и Николемъ, онъ значительно падаетъ въ глазахъ современниковъ, особенно — во Франціи. Пробабилистическая мораль неоднократно осуждается Сорбонною, противъ нея возстаютъ многіе епископы, и (ок. 1677 г.) возникаетъ даже мысль о рѣшительномъ церковномъ осужденіи самыхъ принциповъ пробабилизма и только вмѣшательство королевской

власти спасаетъ пробабиллизмъ отъ окончательнаго позора ¹⁾. Анти-пробабилистическое движеніе распространилось по всей католической Европѣ и проникло даже въ Испанію, эту классическую страну пробабиллизма. Противъ послѣдняго выступаетъ, наконецъ, сама папская власть; такъ, Иннокентій X, Александръ VII и Иннокентій XI осудили множество положеній крайняго пробабиллизма (лаксиста), между тѣмъ какъ прежде пробабиллизмъ находилъ себѣ явное покровительство въ Римѣ ²⁾. Но все это не помѣшало пробабиллизму сдѣлаться господствующею доктриной (*sententia communis*) для іезуитскаго ордена. Первымъ генераломъ ордена, открыто принявшимъ пробабиллизмъ подъ свое покровительство, былъ Караффа, который (въ 1647 г.) одобрилъ крайне-пробабилистическое сочиненіе іезуита Тамбурини—*Methodus expeditae confessionis*. Между тѣмъ, этого автора даже сами пробабиллисты (позднѣйшіе) находили слишкомъ снисходительнымъ, а главный авторитетъ пробабиллизма, Лигуори, совѣтуетъ читать съ осторожностію. Преемники Караффы въ большинствѣ случаевъ всѣми силами старались сдѣлать пробабиллизмъ исключительнымъ ученіемъ ордена и такъ, или иначе подавлять всякія анти-пробабилистическія движенія между его членами. Опираясь на орденскій уставъ, предписывавшій іезуитамъ безусловное повиновеніе генеральской власти и полнѣйшее единомысліе и единогласіе въ ученіи о вѣрѣ и нравственности, они требовали, чтобы всѣ іезуиты были пробабиллистами. «Такъ какъ вы сами не сомнѣваетесь, писалъ генераль Олива возстававшему противъ пробабиллизма аббату la Quintinye (въ 1666 г.), въ существованіи людей болѣе ученыхъ, чѣмъ вы, то вы должны не унижать ихъ взгляды, а спокойно и благочестиво подчинять свои мнѣнія мнѣніямъ святыхъ отцовъ и другихъ богослововъ. Я рѣшительно требую, чтобы прекратился, наконецъ, тотъ шумный споръ изъ-за мнѣній, о которомъ я слышу столько лѣтъ

1) Людовикъ XIV запретилъ епископамъ подписывать посланіе къ папѣ епископа Алетскаго Павильона, наставлявшаго на принципиальномъ осужденіи пробабиллизма.

2) Такъ, напр., пробабиллисты Толетъ и де-Люго были кардиналами, Антонниъ Діана—экзаменаторомъ епископовъ, а Гонорать Фабри—папскимъ пенитенціаріемъ.

и въ которомъ вы принимаете участіе. Итакъ, присоединяйтесь скромно къ мнѣніямъ старшихъ, тщательно избѣгайте всякой обособленности, подчиняйтесь людямъ болѣе ученымъ и помните правило нашего устава: «Будемъ думать и, пока возможно, говорить, одно и то же»... Необходимо при этомъ замѣтить, что Лакинтини возставалъ именно противъ *крайняго* пробабиллизма. Онъ писалъ генералу, что въ южной Франціи мѣстными іезуитами въ качествѣ общаго ученія ордена предлагается слѣдующее: 1) все, что совершается *bona fide*, никогда не бываетъ грѣхомъ; кто совершаетъ зло, не сознавая въ моментъ совершенія своей грѣховности, тотъ не согрѣшаетъ; на этомъ основаніи нѣкоторые даже утверждаютъ, что люди необразованные иногда не грѣшатъ, предаваясь самому гнусному разврату; одинъ іезуитъ, на примѣръ, открыто говорилъ относительно одной женщины, находившейся въ преступной связи съ собственнымъ сыномъ, что она не совершила грѣха, ибо сама лично не была убѣждена въ грѣховности кровосмѣшенія; 2) кто слѣдуетъ мнѣнію, признанному за правильное нѣкоторыми богословами, которыхъ онъ считаетъ учеными и правомыслящими, или даже однимъ только такимъ богословомъ, тотъ поступаетъ благоразумно (*prudenter*); если вопросъ о грѣховности даннаго поступка рѣшается одними богословами положительно, другими отрицательно, то можно слѣдовать любому рѣшенію; 3) если мнѣніе кающагося вѣроятно, т. е. если оно опирается на нѣсколькихъ или одного автора, или — если кающійся слишкомъ невѣжественъ, то духовникъ долженъ сообразоваться въ своихъ рѣшеніяхъ съ убѣжденіемъ кающагося, а не съ своимъ собственнымъ; руководясь этимъ, одинъ патеръ разрѣшилъ одного знатнаго господина, который сказалъ ему на исповѣди, что недавно онъ далъ ложное свидѣтельство на судѣ, чтобы спасти отъ большого денежнаго штрафа своего друга, и котораго онъ, патеръ, не могъ убѣдить въ его неправотѣ; другой патеръ успокоилъ одну даму, вступившую въ бракъ безъ вѣдома родителей и затѣмъ, по ихъ уже желанію, повѣнчанную съ другимъ (о своемъ первомъ бракѣ она имъ не сказала изъ страха) и открывшую все это ему на исповѣди, слѣдующимъ соображеніемъ: распространив-

шійся во Франціи взглядъ, по которому бракъ, заключенный безъ согласія родителей, недѣйствителенъ, есть мнѣніе вѣроятное, а слѣдовательно, она можетъ считать дѣйствительнымъ только свой второй бракъ ¹⁾.

Вообще, вполне возможно сказать, что съ половины 17 столѣтія исторія пробабиллизма неразрывно связывается съ исторіею іезуитскаго ордена, такъ что начавшееся съ указаннаго времени упомянутое выше анти-пробабилистическое движеніе въ концѣ концовъ какъ бы отождествилось съ борьбой противъ іезуитскаго ордена. И нужно удивляться той энергіи и стойкости, съ какими этотъ орденъ отстаивалъ себя и вмѣстѣ свое излюбленное ученіе ²⁾ въ этой борьбѣ, которая проходитъ чрезъ все 18 столѣтіе и ареной которой была то Франція, то Италія. Ни сильная и основательная полемика противниковъ, ни епископскія осужденія, ни даже направленные противъ пробабиллизма декреты нѣкоторыхъ папъ,—ничто не могло въ общемъ поколебать іезуитовъ въ ихъ приверженности къ пробабиллизму ³⁾. Правда, въ видѣ исключенія и среди самихъ генераловъ ордена былъ одинъ сильнѣйшій противникъ пробабиллизма, именно Оирсъ Гонзалецъ (1687—1707), но и его усилія, поддерживаемыя притомъ папскою властію, не привели ни къ какимъ результатамъ: онъ встрѣтилъ непреодолимый отпоръ со стороны ордена вообще. Преданность іезуитовъ пробабиллизму была одною изъ важнѣйшихъ и существенныхъ причинъ того, что орденъ іезуитовъ былъ уничтоженъ папскою властію: несомнѣнно, что послѣдняя была вынуждена къ такому рѣшительному шагу между прочимъ и безчисленными и

¹⁾ Переписка Лавинтіи и Оливія напечатана (впервые) во 2 т. сочиненія Деллингера и Рейша, ss. 1—14.

²⁾ Во второй половинѣ 17 столѣтія пробабиллизмъ защищался, правда, не одними исключительно іезуитами; но, во 1-хъ, число пробабиллистовъ не-іезуитовъ за это время чрезвычайно мало, во 2-хъ, они не доходили до тѣхъ пробабилистическихъ крайностей, какія проповѣдывались іезуитами.

³⁾ Нѣкоторые іезуиты-пробабиллисты пытались даже доказывать, что папы, осуждавшіе пробабиллизмъ дѣйствовали не какъ главы церкви, а только какъ председатели инквизиціи (а слѣд., могли погрѣшать въ своихъ рѣшеніяхъ). Карамюзъ же положительно утверждаетъ, что «нѣтъ въ мірѣ авторитета, который могъ бы осудить достовѣрное мнѣніе».

громкими жалобами на разлагающее вліяніе іезуитской морали, раздававшимися со всѣхъ концовъ католической Европы. Уничтоженіе іезуитскаго ордена давало, повидимому, полное основаніе надѣяться, что и пробабилистическое ученіе, самую сильную поддержку имѣвшее въ этомъ именно орденѣ, навсегда исчезнетъ изъ міросозерцанія католическихъ богослововъ. Но случилось иначе. Орденъ іезуитовъ былъ возстановленъ, а вмѣстѣ съ нимъ возродилась и его излюбленная доктрина. Мало этого: она достигаетъ теперь такого господства, какого не достигала никогда прежде. «Въ то самое время, говоритъ іезуитъ Матиполь, когда уничтоженъ былъ іезуитскій орденъ, Богъ воздвигнулъ новаго защитника пробабилизма и тѣмъ обезпечилъ для ордена такое торжество въ будущемъ, на которое невозможно было рассчитывать по человѣческимъ предположеніямъ». Этимъ новымъ защитникомъ пробабилизма былъ итальянскій богословъ Альфонсъ Маріа де Лигуори (р. 1696 г.). Въ своихъ сочиненіяхъ по нравственному богословію онъ является вѣрнымъ ученикомъ и духовнымъ наслѣдникомъ іезуитовъ. Онъ былъ пробабилистъ въ полномъ смыслѣ слова, только болѣе умѣренный и осторожный въ выраженіяхъ, чѣмъ его предшественники, и иногда склонный къ эквипробабилизму. Казуистическая обработка христіанской морали, внѣшняя вѣроятность (*probabilitas extrinseca*) въ качествѣ мѣрила для оцѣнки мнѣній, признаніе вѣроятными мнѣній, явно противорѣчащихъ духу и требованіямъ христіанства, все это находитъ себѣ мѣсто и широкое примѣненіе у Лигуори. Его нравственно-богословскія сочиненія въ большинствѣ случаевъ суть не что иное, какъ подробнѣйшія изслѣдованія различныхъ частныхъ вопросовъ нравственной жизни и дѣятельности, а главный его трудъ въ этой области, *Theologia moralis*, представляетъ собою только подробный комментарий къ упомянутому выше сочиненію іезуита-пробабилиста (крайняго) Бузенбаума *Medulla Theologiae moralis*. По большей части онъ ограничивается только указаніемъ различныхъ мнѣній по данному вопросу, не указывая внутреннихъ основаній ихъ вѣроятности или не вѣроятности. Для характеристики его собственныхъ рѣшеній различныхъ *casuum conscientiae* могутъ служить слѣдующіе примѣры.

Въ клятвѣ, учить Лигуори, можно употреблять слова и выраженія совершенно не въ томъ смыслѣ, какой требуется обстоятельствами дѣла, для этого нужно выбирать слова и выраженія, имѣющія двойкій смыслъ (а amphibologiae); такъ, *volo* значить хочу и летаю, фраза: *Hic liber est Petri* можетъ означать и то, что книга принадлежитъ Петри, и то, что она имъ написана, фраза: *Disco non* можетъ означать и то, что говорящій на обращенный къ нему вопросъ отвѣчаетъ отрицательно, и то, что онъ произноситъ только слово «нѣтъ». «Мы можемъ, говоритъ Лигуори, пользоваться подобными двусмысленностями и даже подтверждать свои слова клятвою, потому что въ такихъ случаяхъ мы не обманываемъ ближняго, но только допускаемъ, чтобы онъ обманывался, и потому, съ другой стороны, что мы не обязаны употреблять слова въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ ихъ онъ». Такъ можемъ поступать мы въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о какихъ-либо предметахъ для насъ важныхъ и полезныхъ, въ виду опасности для нашей жизни и т. п. Напр., жена, нарушившая супружескую вѣрность, можетъ сказать мужу, требующему отъ нея признанія и угрожающему умертвить ее, если она окажется невѣрною ему, что она не нарушила брака, подразумевая при этомъ, что бракъ сохраняетъ еще свою силу; если она исповѣдала уже свой грѣхъ духовнику и получила разрѣшеніе, то она можетъ сказать мужу, что она невинна, употребляя это слово въ томъ смыслѣ, что она уже очистилась отъ грѣха и разрѣшена отъ него въ таинствѣ покаянія и т. п. По мнѣнію многихъ пробабилистовъ, знатный и богатый человѣкъ, соблазвившій простую и бѣдную дѣвушку обѣщаніемъ жениться на ней и опозорившій ее, не обязанъ исполнять свое обѣщаніе, если дѣвушкѣ было извѣстно различіе ихъ положеній; такое мнѣніе Лигуори признаетъ очень вѣроятнымъ; ибо, говоритъ онъ, различіе положеній представляетъ собою достаточное основаніе для сомнѣнія въ правильности обѣщанія, даннаго дѣвушкѣ, а если послѣдняя не сомнѣвается въ немъ, то это уже ея вина... Человѣкъ высшаго сословія (*honoratus*), впавшій въ бѣдность, можетъ, безъ грѣха, прибѣгнуть къ воровству, если до такой степени стыдится просить милостыню, что предпочелъ бы ско-

рѣе умереть съ голоду, чѣмъ принять ее. Если обстоятельства челоѣка, укравшаго что - либо по крайней нуждѣ (*extrema necessitate*) улучшатся, то онъ обязанъ вознаградить потерпѣвшаго только тогда, когда украденное имъ еще имѣется на лицо въ собственномъ видѣ (*in propria specie*) или когда, воруя, онъ былъ не абсолютно бѣденъ, но что-нибудь имѣлъ или надѣялся получить... Кража довольно большой суммы не представляетъ собою смертнаго грѣха, если похищающій намѣренъ возвратитъ въ короткое время, напр., въ $\frac{1}{4}$ часа, всю эту сумму или такую часть ея, чтобы невозвращенное не составляло достаточной матеріи для смертнаго грѣха, т. е. не превышало тѣхъ, обусловливающихъ собою простительность грѣха кражи размѣровъ, какіе указаны пробабилистами. Размѣры эти указаны у Лигуори со всею точностію; оказывается, что кража только тогда составляетъ смертный грѣхъ, если похищено на сумму: у нищаго 50, по другимъ—25 пфенниговъ, у рабочаго—1 марки, у челоѣка съ ограниченнымъ состояніемъ 1 мк. 80 пфенн., у состоятельнаго 2 м. 60 п., у капиталиста 5 м., у очень богатаго товарищества 7 м. 60 п., у короля 10 м. Если кража 2 марокъ у даннаго лица является смертнымъ грѣхомъ, то похищающій у этого лица въ разное время или у многихъ подобныхъ лицъ въ одно и то же время болѣе мелкія суммы только тогда совершаетъ смертный грѣхъ, когда общая сумма отдѣльныхъ покражъ достигнетъ 3 марокъ въ первомъ случаѣ и 4 во второмъ; но если между отдѣльными кражами, изъ коихъ ни одна не превышаетъ 2 м., протекло 2 мѣсяца, то кражи эти не могутъ считаться по совокупности ¹⁾). Приведенные примѣры говорятъ сами за себя. Можно прибавить еще, что для подтвержденія своихъ «вѣроятныхъ» мнѣній и для приданія имъ большей авторитетности, Лигуори иногда, и очень часто, не пренебрегалъ даже фальшивыми цитатами ²⁾).

¹⁾ См. Döllinger u. Reusch, B. 1, ss. 437—462, гдѣ указаны и соотвѣтствующія цитаты изъ Лигуори.

²⁾ См. *ib.* ss. 403—413. Одинъ писатель (*de Foos*) 15 лѣтъ употреблялъ на то, чтобы исправить фальшивыя цитаты Лигуори только въ его аскетическихъ трудахъ, но все-таки не могъ вполнѣ достигнуть своей цѣли s. 404.

Лигуори умеръ въ 1785 г. (въ 1762 г. онъ былъ возведенъ папой Климентомъ XIII въ епископскій санъ ¹⁾), но въ 1775 г., удрученный болѣзнями, отказался отъ каедры). Вскорѣ послѣ его смерти среди его почитателей возникла мысль о причисленіи его къ лику святыхъ. Мысль эта встрѣтила полное сочувствіе у папъ (начиная съ Пія VI) и была окончательно осуществлена папою Григоріемъ XVI въ 1830 г., при чемъ, впрочемъ, самое торжество канонизаціи было отложено на 9 лѣтъ (до 1839 г. 26 мая), такъ какъ только къ этому времени должны были окончиться всѣ, необходимыя для канонизаціи, предварительныя изслѣдованія. Въ 1867 г. 39 кардиналовъ, 10 патриарховъ, 135 архіепископовъ, 544 епископа, 25 генераловъ монашескихъ орденовъ и богословскіе факультеты Болонскій, Лувенскій (въ Бельгій) и Вѣнскій и пр. предложили папѣ Пію IX причислить Лигуори къ учителямъ церкви (*doctores ecclesiae*), а 7 іюля 1871 г. папа этотъ издалъ бреве, въ которомъ Лигуори, по выраженію іезуита Гуртера, «поставлялся на равнѣ съ свв. Аванасіемъ, Августиномъ, Бернардомъ, Томой (Аквинатомъ), Бонавентурой и другими столпами церкви и богословскаго знанія». Въ этомъ бреве между прочимъ говорилось: *«на немъ (Лигуори) сбывается похвала божественной премудрости: память о немъ не погибнетъ, и имя его будетъ жить въ роды родовъ. Народы будутъ прославлять его мудрость, и общество будетъ возносить хвалу его (Сир. 39, 12, 13). Посему, мы, въ силу нашего апостольскаго достоинства, утверждаемъ за св. Альфонсомъ Маріа де Лигуори званіе учителя (titulum doctoris), такъ именно, чтобы во всей католической церкви во всѣ времена онъ почитаемъ былъ за такового... Кроме сего желаемъ и повелѣваемъ мы, чтобы... всѣ писанія этого учителя, подобно писаніямъ другихъ учителей церкви, не только частнымъ образомъ, но и открыто—въ гимназіяхъ, академіяхъ, школахъ, коллегіяхъ, въ чтеніяхъ, диспутахъ, толкованіяхъ, проповѣдяхъ, лекціяхъ и при всѣхъ другихъ церковныхъ занятіяхъ и христіанскихъ упражненіяхъ—цитировались, приводились и, по нуждѣ, примѣнялись ²⁾».*

¹⁾ Къ городу С. Arata de Tomi (близъ Калуп).

²⁾ Döllinger u. Reusch, s. 466. Левъ XIII въ 1879 г. писалъ относительно Ли-

Канонизація Альфонса Лигуори была завершительнымъ моментомъ борьбы пробабализма и анти-пробабализма,—борьбы, изъ которой первый вышелъ полнымъ побѣдителемъ. Иезуитская мораль, съ половины XVII в. сильно и успѣшно тѣснимая многочисленными противниками, осужденная даже въ своихъ крайнихъ и худшихъ выводахъ самою папскою властью, теперь тою же властію торжественно возводится на степень непреложнаго общецерковнаго ученія, рекомендуется какъ наилучшее и безопаснѣйшее руководство въ нравственно-христіанской жизни. И едва ли нужно говорить о томъ, что послѣ канонизаціи Альфонса Лигуори, послѣ того какъ всѣ его—и въ томъ числѣ нравственно-богословскія—сочиненія были признаны безупречными высшей церковной властію ¹⁾, католичество никогда уже не будетъ въ состояніи,—не измѣняя своимъ основнымъ принципамъ, отречься отъ пробабализма: въ противномъ случаѣ оно вынуждено будетъ кассировать рѣшеніе *непогрѣшимости* папы; поэтому, какъ бы ни были многочисленны и сильны противники пробабализма среди самихъ католиковъ, *ex primitis* онъ навсегда останется именно *католическимъ ученіемъ*.

Впрочемъ, о такомъ отреченіи, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, не можетъ быть, повидимому, и рѣчи. Авторитетъ Лигуори и по сію пору продолжаетъ неослабно царить въ области католической морали, такъ что едва ли можно видѣть какое-либо преувеличеніе въ словахъ одного французскаго богословскаго писателя, который сказалъ, что «Лигуори въ области нравственнаго богословія сдѣлался тѣмъ же, чѣмъ Тома Аквинатъ является въ области богословія умозрительнаго» ²⁾.

А. З—въ.

гуори: «Его Нравственное Богословіе прославилось во всемъ мірѣ и даетъ совершенно безопасную норму пастырямъ душъ». Ib. s. 467.

¹⁾ *Nilhil censura dignum*,—таковъ былъ утвержденный еще папою Пиемъ VII приговоръ комиссіи, изслѣдовавшей сочаненія Лигуори.

²⁾ *Revue de sciences eccl.* 1867, 16, 303, ср. 1864, 10, 17.

ВОСПОМИНАНІЯ

СВЯЩЕННИКА ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Д-ра о. Владимира Гетте

БЫВШАГО СВЯЩЕННИКОМЪ РИМСКОЙ ЦЕРКВИ.

(Продолженіе *).

IV.

Какъ я узналъ о томъ, что мое сочиненіе подверглось запрещенію.—Прекрасная благодарность за мое самоотверженное служеніе во время холерной эпидеміи.—Я извѣщаю преосвящ. Сибура объ опредѣленіи Индекса.—Его распоряженіи.—Онъ обязываетъ меня согласиться съ нѣсколькими богословами для противудѣйствія Индексу.—Моя корреспонденція съ нунціемъ и префектомъ конгрегации Индекса.—Маленькія комедіи въ архіепископскомъ дворѣ.—Первая полемика съ газетами.—Я прошу назначенія изслѣдователей, которые отказываются отъ этого.—Письма преосвященныхъ Піа поатьерскаго; Гуссе реймскаго; Паллю блоасскаго.—Архіепископскій дворъ контролируетъ и одобряетъ мои письма для помѣщенія въ газетахъ.—Аббатъ Минь и его журналъ.—Забавное изъявленіе покорности книгопродавцевъ Гюйо.—Архіепископъ обойденъ ультрамонтанами.—Станный совѣтъ о. Лекё отъ имени архіепископа.—Я съ тѣхъ же поръ увидѣлъ, что архіепископъ оставитъ меня не смотря на его первоначальныя поощренія.—Я прошу его подвергнуть изслѣдованію мою книгу; онъ отказываетъ. — Милое изъявленіе покорности о. Лекё.—Онъ защищается самъ и съ помощью другихъ при посредствѣ анонимаго сочиненія, подъ названіемъ *Mémoire sur le droit coutumier*.—Мое поведеніе болѣе откровенное.

Въ то время, когда мои враги составляли противъ меня коалицію и предавались самымъ низкимъ интригамъ, я исполнялъ свой долгъ относительно несчастныхъ холерныхъ больныхъ, которыхъ приносили въ госпиталь Saint-Louis. Эпидемія свирѣпствовала страшно. Меня призывали и днемъ и ночью для исполненія моей служебной обязанности возлѣ

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1890 г. № 3.

этихъ несчастныхъ. Мой собратъ притворялся больнымъ, чтобы избавиться отъ своей обязанности, и я долженъ былъ трудиться за двухъ. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ я не могъ ни на минуту оставить госпиталя. Когда эпидемія начала ослабѣвать, то я рѣшился отправиться на бульваръ, чтобы немного развлечься и освѣжиться. Я купилъ газету называвшуюся *Assemblée nationale*, раскрылъ ее и моимъ глазамъ тотчасъ представилась маленькая замѣтка (*entre-filet*) изъ слѣдующихъ словъ: «*Gazett d'Augsbourg*» извѣщаетъ: «Исторія Французской Церкви аббата Гетте помѣщена въ Индексъ».

Мнѣ показалось, какъ будто граната разорвалась надъ моей головой. Это извѣстіе явилось ужъ очень кстати, чтобы наградить меня за усердіе и самоотверженіе, относительно больныхъ заразительной болѣзною.

Первою моею мыслью было бѣжать во дворъ архіепископа, чтобы узнать не было ли чего-нибудь извѣстно преосвященному Сибуру объ этомъ дѣлѣ. Когда я выходилъ изъ госпиталя, то не позаботился о приведеніи въ порядокъ своего внѣшняго вида; я не брился болѣе недѣли. Послѣ минутнаго колебанія, я рѣшился сѣсть въ экипажъ и отправиться къ архіепископу. Для меня это дѣло было настолько важно, что я не могъ обращать особеннаго вниманія на свой внѣшній видъ; я былъ увѣренъ, что архіепископъ приметъ меня.

И дѣйствительно онъ принялъ меня самымъ любезнымъ образомъ. Я сказалъ ему: «Прошу извиненія, преосвященнѣйшій, за безпорядокъ въ моемъ туалетѣ, но я не имѣлъ времени заняться имъ», потомъ сообщилъ ему то, что я сейчасъ узналъ о запрещеніи моего сочиненія. При этомъ прибавилъ: «Ваше высокопреосвященство, вѣроятно, имѣете объ этомъ дѣлѣ свѣдѣній болѣе нежели я». — «Я совсѣмъ ничего не знаю; вы первый приносите мнѣ это извѣстіе. Вотъ какъ поступаютъ въ Римѣ! Вы священникъ моей епархіи; вы на моихъ глазахъ издаете свое сочиненіе, а они, не увѣдомивъ меня, осуждаютъ это сочиненіе и незаконнымъ образомъ поражаютъ моего священника. Какая смѣлость!» Въ продолженіе четверти часа преосвященный Сибуръ говорилъ о Римѣ и его поступкахъ, нисколько не стѣняясь. Онъ ходилъ большими ша-

гамн по своему кабинету и сильно покраснѣлъ. Видно было, что онъ былъ задѣтъ, какъ представитель архіепископской власти. Потомъ, внезапно остановившись передо мною, онъ спросилъ: «Что же вы думаете дѣлать»?— «Я, буду дѣлать, преосвященнѣйшій, то, что вамъ угодно; я еще недавно нахожусь въ вашей епархіи, и мнѣ не хотѣлось бы причинять вамъ какую бы то ни было неприятность». — «А если я вамъ дамъ полную свободу дѣйствій»?— «Въ такомъ случаѣ, преосвященнѣйшій, я спрошу Конгрегацію Индекса о причинѣ запрещенія моей книги, и дамъ обѣщаніе исправить въ ней все ошибочное». «Очень хорошо, поступайте такъ; я даю вамъ на это согласіе. Болѣе того, пишите противъ Конгрегаціи Индекса и докажите ей, что власть ея не распространяется на Францію. Уговоритесь съ аббатами Шатеней (Chatenay) Де-ля-Кутюръ (De la Couture) и Пронсоль (Prompsault) и энергично поражайте посягательства Римскаго двора; потому что онъ уже слишкомъ много позволяетъ себѣ».

Я обѣщалъ видѣться съ упомянутыми лицами и храбро бороться въ случаѣ, если бы не получилъ отъ конгрегаціи Индекса всего того, чего добивался.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого визита, я отправился къ тремъ священникамъ, указаннымъ мнѣ архіепископомъ. Аббатъ Де-ля-Кутюръ тогда работалъ надъ книгой, которую онъ издалъ въ защиту аббата Лекё (Lequeu), подвергшагося запрещенію немного ранѣе мена за свое сочиненіе «Каноническое право (*Droit canonique*), которое было принято семинаріями въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Аббатъ Де-ля-Кутюръ писалъ въ то же самое время въ *Journal des Débats*. Онъ показался мнѣ сильно увѣреннымъ въ своемъ значеніи, и очень удивленнымъ тѣмъ, что нужно было дѣйствовать противъ конгрегаціи Индекса, послѣ его статей написанныхъ въ *Journal des Débats*. Онъ самъ былъ косвеннымъ образомъ затронутъ запрещеніемъ *Dictionnaire de Bouillet*, рассмотрѣннымъ и одобреннымъ имъ, въ качествѣ члена цензурнаго комитета, учрежденнаго преосвященнымъ Аффромъ (Affre), бывшимъ парижскимъ архіепископомъ. Онъ удовлетворялъ свое небольшое озлобленіе тѣмъ, что защищалъ аббата Лекё и считалъ, что

никго не могъ сказать Конгрегаціи Индекса болѣе того, что онъ высказалъ ему.

Затѣмъ я отправился къ аббату Шатеней. Когда я сообщилъ ему слова архіепископа, то онъ отвѣчалъ мнѣ: «Мой дорогой аббатъ, я знаю ваше сочиненіе и объявляю вамъ, что Римъ дѣлаетъ глупость, запрещая его. Вы имѣете полное право защищаться, но не довѣряйтесь архіепископу. Онъ не злой человѣкъ: первыя его побужденія всегда добры, но при малѣйшемъ для него затрудненіи онъ отступится отъ васъ. Не слѣдуйте его совѣту; я первый готовъ защищать васъ, въ своемъ журналѣ; но имѣйте въ виду, что защищая самого себя, вы должны дѣйствовать крайне осмотрительно».

Поблагодаривъ аббата Шатеней, я отправился къ аббату Пронсоль, истинному бенедиктинцу, проводившему свою жизнь въ своей обширной и богатой библіотекѣ. Онъ обѣщалъ помочь мнѣ, если понадобится, въ моей зашитѣ противъ Конгрегаціи Индекса; «но, прибавилъ онъ, не особенно довѣряйтесь архіепископу; онъ побудилъ меня писать мои письма къ господину Геранже (*Guéranger*) и самъ заплатилъ за первыя письма, но потомъ оставилъ меня, по неизвѣстной мнѣ причинѣ». Это заявленіе согласовалось съ тѣмъ, что я слышалъ отъ аббата Шатеней. На основаніи всего этого я скоро выработалъ извѣстное рѣшеніе относительно дѣла, требуемаго отъ меня архіепископомъ.

Я находился въ такомъ расположеніи духа, когда получилъ слѣдующее письмо:

«Архіепископія
Парижа

«Парижъ, 16 Іюня 1852 г.

«*Милостивый государь и дорогой другъ,*

«Его высокопреосвященство желаетъ, чтобы вы сегодня же явились къ нему, для совѣщаній по важному дѣлу объ опредѣленіяхъ Индекса. Будьте любезны, зайдите прежде ко мнѣ, и я пойду вмѣстѣ съ вами къ его высокопреосвященству: вы должны прійти или до шести часовъ вечера, или къ половинѣ

десятаго; потому что въ промежуткѣ этого времени преосвященный не будетъ свободенъ.

«Преданный вамъ слуга

Лекё, (главный викарій)».

Мы условились, что я обращусь въ Конгрегацію Индекса чрезъ посредство нунція, для сообщенія мнѣ ея неудовольствій; вслѣдствіе чего я написалъ письмо монсиньору Гарибальди, 8 февраля.

Прежде всего я сдѣлалъ видъ, что не вѣрю въ истинность декрета Конгрегаціи Индекса; потому что декретъ былъ напечатанъ только въ *Gazette d'Augsbourg*; поэтому я написалъ преосвященному Гарибальди, прося его увѣдомить меня о томъ, существовалъ ли въ дѣйствительности подобный декретъ. Но я не получилъ отвѣта. Спустя нѣсколько дней, декретъ былъ напечатанъ въ *Journal de Rome* и въ нѣсколькихъ французскихъ газетахъ. Я написалъ другое письмо, которое показалъ о. Лекё. Оно было составлено такъ:

«Монсиньоръ,

«Я имѣлъ честь писать вамъ 8 числа этого мѣсяца, съ цѣлью узнать отъ васъ, долженъ ли я признать дѣйствительнымъ извѣстіе о томъ, что мое сочиненіе подъ именемъ «*Исторія французской церкви*» запрещено. Но вы не отвѣтили мнѣ, и я долженъ думать, что Конгрегація Индекса не уполномочила васъ сообщить мнѣ свой декретъ. Мое духовное начальство тоже ничего не сообщило мнѣ о немъ и я, монсиньоръ, узналъ о декретѣ только изъ газетъ. Правильенъ ли подобный образъ дѣйствій?»

«Что же касается до самаго декрета, то я, монсиньоръ, прежде всего долженъ сказать, что онъ крайне поразилъ меня. Я убѣжденъ, что во всѣхъ семи изданныхъ томахъ моего сочиненія я не высказалъ ни одного предложенія (*avancé aucune proposition*), которое должно было бы быть понято въ смыслѣ не согласномъ съ правосмысліемъ (*orthodoxe*). Очень возможно, что въ столь обширномъ сочиненіи, какъ мое, нѣкоторыя мѣста могутъ быть заподозрѣны въ несогласіи съ здравымъ ученіемъ; нѣтъ ни одного, болѣе или менѣе обширнаго сочине-

нiя, которое бы не подвергалось ложнымъ толкованiямъ, въ особенности, если при разсмотрѣнiи его не стараются вникнуть въ мысль автора (*sens de l'auteur*). Если бы Конгрегация Индекса, до постановленiя своего декрета, указала мнѣ на все подпадающее порицанiю въ моемъ сочиненiи, то я могъ бы дать ей удовлетворительныя разъясненiя. Миѣ извѣстно, что Конгрегация Индекса обязана поступать подобнымъ образомъ съ авторами только знаменитыми (*clagi nominis*) и она имѣетъ неоспоримое право не причислять меня къ этой категорiи писателей. Но если она не обязана была спрашивать у меня разъясненiй, то могла же она, по крайней мѣрѣ, спросить обо мнѣ у моего духовнаго начальства; и она бы узнала такимъ образомъ, что я всегда съ почтенiемъ отнесусь къ ея замѣчанiямъ. Члены Конгрегации Индекса, если бы только пожелали, всегда могли узнать о подобныхъ моихъ расположенiяхъ. Не было ли для нихъ прямымъ долгомъ навести справки, и не позволять себѣ вредить автору, такому же истинному католику, какъ и они сами, и который въ своемъ сочиненiи не имѣетъ другой цѣли, какъ только защиту Церкви? Не могли ли я послѣ этого упрекнуть ихъ въ недостаткѣ ко мнѣ той любви, которая по словамъ Св. Павла *не мыслитъ зла и не поступаетъ легкомысленно*.

«Если Конгрегация Индекса не желала имѣть разъясненiй отъ меня, ни наводить справокъ у моего духовнаго начальства, то она должна была, по крайней мѣрѣ, слѣдовать правиламъ, даннымъ ей папою Бенедиктомъ XIV, въ постановленiи *sollicita* ¹⁾).

«И имѣю основательныя причины думать, что съ моей книгой не было поступлено указаннымъ образомъ, и что вмѣсто

1) Вотъ извлеченiя изъ этой буллы, которыя подтверждаютъ все то, что мы говоримъ въ настоящемъ нашемъ письмѣ относительно правилъ, данныхъ Бенедиктомъ XIV; эти извлеченiя не вошли въ составъ письма:

«Докладчики (*rapporteurs*) и духовные совѣтники (*consoultours*) Конгрегации Индекса должны помнить, что возмoженное на нихъ полномочiе не обязываетъ ихъ добиваться всякими способами осужденiя книги, подлежащей ихъ разсмотрѣнiю; они, напротивъ, должны тщательно и безпристрастно изучить книгу, и представить Конгрегации Индекса вѣрныя замѣчанiя и истинныя мотивы, чтобы Конгрегация эта могла сдѣлать вѣрную оцѣнку книги и рѣшить по справедливости, доз-

того, чтобы прочесть все мое сочиненіе, сравнить страницы, помѣщенные въ различныхъ мѣстахъ, рассмотреть предложенія не отдѣляя ихъ отъ контекста, принять въ хорошую сторону и истолковать благопріятно все то, что можетъ имѣть смыслъ пнословный (*hétérodoxe*), подняться выше духа партій и принять въ основаніе своего осужденія только общее ученіе Церкви, Конгрегація Индекса, по моему крайнему убѣжденію, постановила свое опредѣленіе на основаніи плохо понятыхъ отдѣльныхъ предложеній, присланныхъ ему изъ Франціи, въ формѣ записокъ проникнутыхъ духомъ партіи. Если же, какъ говорятъ, Конгрегація Индекса подпала въ отношеніи ко мнѣ вліянію такъ называемой ультрамонтанской пар-

жна ли она подвергнуться запрещенію (*proscription*), исправленію или допущенію (*acquiescement*) сообразно съ справедливостію.

«Что же касается до мнѣній и мыслей разногласныхъ, заключающихся въ книгѣ, то должно знать, что ихъ нужно разсматривать безъ предубѣждений; нужно при этомъ отбросить всякія національныя, конгрегаціонныя, школьныя и орденскія пристрастія; совѣтники должны отрѣшиться отъ духа партій, и обращать исключительно вниманіе на догматы Святой Церкви и на ученіе, общее всѣмъ католикамъ, которое заключается въ опредѣленіяхъ вселенскихъ соборовъ, въ постановленіяхъ (*constitutions*) Римскихъ первосвященниковъ и въ единомыслномъ ученіи отцовъ и учителей православныхъ. Они, наконецъ, должны знать, о существованіи большого числа мнѣній, которыхъ придерживаются нѣкоторыя школы, учрежденія и націи и которыя не признаются и преслѣдуются другими католиками; но разногласіе это не причиняетъ ни малѣйшаго вреда самой вѣрѣ и религіи. Папскому престолу извѣстно это различіе мнѣній: онъ дозволяетъ его и относитъ къ мнѣніямъ, имѣющимъ свою степень вѣроятности (*son degré de probabilité* s. 17).

«Слѣдуетъ обращать особенное вниманіе на то, что нельзя составить истиннаго понятія о мысли автора (*sens de l'auteur*), не прочитавъ всей его книги,—не сравнивши между собою мѣста разногласныхъ въ различныхъ ея частяхъ—не противорѣчащихъ общей мысли автора и преслѣдуемой имъ цѣли. Не нужно высказывать своего мнѣнія объ отдѣльномъ предложеніи внѣ контекста, не принимая во вниманіе другихъ предложеній, заключающихся въ книгѣ; потому что часто случается, что въ одномъ мѣстѣ авторъ выражается поверхностно и неясно, а въ другомъ мѣстѣ о томъ же предметѣ онъ говоритъ болѣе подробно и ясно; такъ что неясность, придававшая вначалѣ его мнѣнію видъ заблужденія, совершенно разсѣвается, в сомнительное предложеніе представляется яснымъ и не запятаннымъ» (s. 18).

«Если же авторъ при этомъ католикъ, пользующійся хорошей репутаціей за свое поведеніе и ученіе, но допускаетъ двухсмысленное предложеніе, то простая справедливость требуетъ, чтобы его слова были истолкованы съ благосклонностію и поняты, по возможности, въ хорошемъ смыслѣ. (s. 19).

тіи, то въ такомъ случаѣ я глубоко сожалѣю объ этомъ; потому что эта партія, которая прежде была проникнута фанатизмомъ свободы, а въ настоящее время проникнута фанатическимъ деспотизмомъ, могла внушить ей только несправедливныя и произвольныя опредѣленія.

«Какъ бы то ни было, монсеньоръ, и не смотря на основанія, приведенныя выше, я желаю вѣрить что Конгрегація Индекса слѣдовала правиламъ, предписаннымъ ей Бенедиктомъ XIV; она можетъ самымъ простымъ способомъ доказать мнѣ это, приславши мнѣ записки, на основаніи которыхъ вынуждена была формулировать свое опредѣленіе.

«Недавно, когда одинъ изъ главныхъ викаріевъ заявилъ, что не знаетъ причины, почему небольшое сочиненіе, написанное имъ, подверглось запрещенію; то одинъ такъ называемый ультрамонтанскій журналъ отвѣтилъ ему, что онъ легко можетъ узнать это, потребовавъ записки отъ духовнаго совѣтника (consulteur). И вотъ я тоже, монсеньоръ, прошу чтобы записка духовнаго совѣтника относительно моего сочиненія была сообщена мнѣ. Это требованіе совершенно справедливо, потому что если по словамъ апостола Павла наше подчиненіе Слову Божию должно быть разумно, то тѣмъ болѣе оно должно быть разумно относительно опредѣленія Конгрегація Индекса. Но для того, чтобы я могъ разумно поступать относительно этого опредѣленія, нужно, чтобы я зналъ основанія, на которыя оно опирается.

«Благоволите, монсеньоръ, передать мою просьбу Конгрегаціи Индекса и принять отъ меня удостовѣреніе въ моемъ глубочайшемъ къ вамъ почтеніи.

«*Аббатъ Гетте*».

Монсеньоръ пунціей отвѣтилъ мнѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«*Г. Аббатъ,*

«Я получилъ оба ваши письма, но при полученіи перваго я зналъ только по слухамъ о дѣлѣ, о которомъ вы мнѣ говорите, и потому я ничего не могъ отъписать вамъ. Что же касается до втораго письма, то если вы согласны прійти ко мнѣ

на минуту завтра, въ четвергъ, въ 10 часовъ утра, то я вамъ передамъ все, что считаю нужнымъ.

«Примите выраженіе моего особеннаго къ вамъ расположенія.

«*Архіепископъ Мирскій (de Myre), нунцій ап.*».

«Парижъ, среда 18 февраля 1852 года,
Университетская улица, 69».

Было условлено, что по выходѣ изъ дворца нунція, я отправлюсь во дворецъ архіепископа. Я такъ и сдѣлалъ, и передалъ архіепископу подробности моей аудіенціи у нунція, приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Монсеньоръ нунцій сказалъ мнѣ, что не можетъ требовать для меня записки духовнаго совѣтника Индекса. Не въ обычаѣ Конгрегаціи сообщать подобныя документы (pieces). «Но, сказалъ я, опредѣленіе не было мнѣ объявлено» .Тогда нунцій показалъ мнѣ небольшой печатный листокъ, для того чтобы убѣдить меня въ истинности существованія этого опредѣленія. Подобное объявленіе опредѣленія заставило меня улыбнуться. Нунцій замѣтилъ это и сказалъ мнѣ, что римскія судебныя мѣста въ родѣ Конгрегаціи, придерживаются только тайнаго судопроизводства, и не похожи на остальные судебныя мѣста. Я замѣтилъ нунцію, что во Франціи привыкли къ судопроизводству, болѣе сообразному съ капопическимъ правомъ, и что, вѣроятно, вслѣдствіе этого во Франціи никогда не признавали власти римскихъ Конгрегацій. Нунцій отвѣчалъ мнѣ: законодательство измѣнилось; теперь уже не разсуждаютъ такъ, какъ во времена парламента. Извините, преосвященнѣйшій, отвѣчалъ я, конкордаты, составляющій основу нашего современнаго духовнаго законодательства, освятилъ права галликанской церкви, а не отмѣнилъ ихъ; и легатъ Капрара (Caprara) до обнародованія конкордата долженъ былъ подтвердить торжественною присягою, что будетъ уважать эти права при исполненіи своихъ обязанностей».

Монсеньоръ Гарибальди былъ смущенъ, и вмѣсто того чтобы согласиться со мною, кончилъ тѣмъ, что снова заговорилъ о моемъ подчиненіи. «Это папа, сказалъ онъ, говорить подъ именемъ Конгрегаціи Индекса, и потому нужно подчиняться

ему, такъ какъ ему было сказано: паси агнцы, паси овцы, (*Pasché ágnos, Pasché ovichs*). Я произнесъ эти слова такъ-же, какъ ихъ произносилъ его преосвященство, что размѣшило архіепископа и, слушавшихъ меня, его сослужащихъ. Я отвѣчалъ его преосвященству: «Конгрегація Индекса не папа: и эта Конгрегація не признана во Франціи. Преосвященный епископъ Манскій, Бувье (*Bouvier*) утверждаетъ это въ своемъ курсѣ богословія, и о. Гюри, іезуитъ, тоже утверждаетъ это своемъ богословіи, напечатанномъ и одобренномъ въ Римѣ».

Послѣ совѣщанія, продолжавшагося одинъ часъ, монсеньоръ Гарибальди посовѣтовалъ мнѣ обратиться прямо къ префекту Конгрегаціи.

Мнѣ показалось, что преосвященный Гарибальди не былъ орломъ, но онъ принялъ меня очень вѣжливо.

Согласно съ его указаніемъ, я написалъ кардиналу Бриньоль (*Brignole*) слѣдующее письмо.

«Монсеньоръ, опредѣленіемъ отъ 22 января 1852 года, мое сочиненіе подъ названіемъ: *Исторія французской церкви* подверглось запрещенію. Опредѣленіе это не было объявлено мнѣ, и я узналъ о его существованіи только изъ газетъ отъ 17 прошлаго февраля.

«Будучи священникомъ, преданнымъ церкви, я, монсеньоръ, глубоко огорченъ тѣмъ, что безъ всякаго предварительнаго увѣдомленія Конгрегація Индекса поставила меня на ряду съ такими писателями, чистота вѣрученія которыхъ должна быть заподозрѣна вѣрующими. Я не знаю, монсеньоръ, на чемъ основывала Конгрегація Индекса свое осужденіе, такъ какъ я не вижу въ своей книгѣ ничего противнаго чистотѣ вѣрученія. Между тѣмъ, я долженъ думать, что причины этого осужденія были важныя.

«Поэтому, монсеньоръ, честь имѣю просить васъ, доставить мнѣ записку духовнаго совѣтника Конгрегаціи Индекса относящуюся до моего сочиненія, чтобы я могъ воспользоваться находящимися въ ней замѣчаніями и сдѣлать свое сочиненіе безукоризненнымъ.

«Имѣю честь быть, монсеньоръ,

«Вашей эмпиенціи

«Покорнѣйшимъ слугою

«Аббатъ Гетте».

Кардиналь Бриполь не спѣшилъ отвѣтомъ. Наконецъ я получилъ отъ преосвященнаго Гарибальди слѣдующее письмо.

«Г. Аббатъ,

«Я получилъ вчерашнее ваше письмо. Потрудитесь зайти ко мнѣ завтра на минуту, между двѣнадцатю и часомъ; я вамъ скажу кое что по поводу интересующаго васъ предмета.

«Примите увѣреніе въ особенномъ расположеніи.

«Архіепископъ Мирскій А. Н.

«Парижъ 23 ноября 1852 года».

Нунцій, очевидно, не желалъ компроментировать себя. Онъ принялъ меня только что пообѣдавъ; вся фигура его сіяла, а желудокъ громко заявлялъ о тягости, возложенной на него. Онъ сказалъ мнѣ, что префектъ Конгрегаціи Индекса велѣлъ мнѣ передать, что для узнанія недостатковъ моего сочиненія я долженъ обратиться къ ученымъ людямъ и къ здоровому ученію.

Изъ этого можно было заключить, что сами члены Конгрегаціи Индекса не были компетентны въ этомъ отношеніи.

Изъ разговора съ нунціемъ нужно было вывести, что я долженъ подчиниться. Тогда я возвратился къ тезису моей послѣдней аудіенціи, и для доказательства своей правоты, сталъ цитировать Боссюэта. Его преосвященство отвѣтилъ мнѣ: «Вашъ Боссюэтъ, вашъ Боссюэтъ, произнося: *Votre Vôchoi! Votre Vôchoi!*»

По выходѣ изъ дворца нунція, я отправился къ архіепископу, и тамъ мы много смѣялись надъ добрякомъ Гарибальди, такъ сильно презиравшемъ *Vôchoi*. Больше всѣхъ смѣялся аббатъ Дарбоа, который только что перешелъ въ епархію архіепископа. Его помѣстили надъ конюшнями, но онъ имѣлъ вліяніе на архіепископа, который былъ благодаренъ ему за его защиту противъ эксцентричнаго Конбалота (Combalot).

Дарбоа устраивалъ себѣ карьеру: «Я буду епископомъ, сказалъ онъ мнѣ однажды, а вы не будете.—Почему вы такъ думаете, спросилъ я его? «Потому что вы идете впередъ прямо, не обращая вниманія на затрудненія. Геометры воображаютъ, что прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками. Но эти люди малосмысленны. Кривая линія

короче, потому что обходя затрудненія, достигаютъ цѣли, не рискуя разбить себѣ голову». «Съ извѣстной точки зрѣнія вы правы, отвѣчалъ я; но я не менѣе убѣжденъ въ томъ, что для слѣдованія по кривой линіи, нужно извиваться по змѣиному. Человѣкъ не созданъ для такого пути, прямая линія есть самая лучшая и самая благородная».

Дарбоа пріѣхалъ въ Парижъ, пораженный анаею своего епископа Паризи (Parisien), въ то время епископа Лангрскаго (Langres). По пріѣздѣ въ Парижъ онъ по денно работалъ въ типографіи Миня, потомъ непримѣтно втерся въ хорошую печать и напечаталъ даже похвальный подробный отчетъ о первомъ томѣ моего сочиненія въ *Correspondant*. Архіепископъ Сибуръ принялъ его въ составъ своего духовенства и назначилъ штатнымъ священникомъ Лицея. Отсюда-то онъ и перескочилъ въ архіепископскій дворъ, воскуривъ сначала иміамъ въ честь своего властителя и господина. Послѣ того, онъ назначенъ былъ епископомъ и даже, наконецъ, Парижскимъ архіепископомъ. Онъ имѣлъ, значитъ, основаніе говорить мнѣ, что будетъ епископомъ; но онъ не предвидѣлъ Коммуны и той пули, которая убила его въ тюрьмѣ Рокеттъ (Roquette), но это оборотная сторона медали. По моему лучше не носить епископской митры, чѣмъ быть отведенному въ Рокеттъ и быть убитому тамъ изъ ружья.

Паризи, показавшій себя въ Лангрѣ врагомъ Дарбоа, былъ переведенъ въ Аррасъ (Arras), гдѣ онъ наслѣдовалъ кардиналу Де-ля-Туръ д'Овернь-Лоранье (*De la Tour d'Auvergne - Laingnais*). Этотъ епископъ, происходившій изъ знатной фамиліи, официально одобрилъ мое сочиненіе, и просилъ меня помѣстить его одобреніе въ началѣ одного изъ моихъ томовъ, что я и поспѣшилъ исполнить. Приемникомъ его былъ сынъ торговли капустой изъ Орлеана. Этотъ послѣдній былъ однимъ изъ четырехъ лицъ, къ которымъ я обращался за совѣтомъ, по поводу письма префекта Конгрегація Индекса. Столь знаменитый мужъ не могъ унизиться до того, чтобы писать мнѣ, и потому не удостоилъ меня отвѣтомъ.

Второй епископъ, съ которымъ я совѣтовался, былъ преосвященный Пій, епископъ Поатьерскій, сдѣлавшійся потомъ

столь важною личностію. Онъ не былъ такимъ ультрамонтаниномъ,—когда находился еще въ Шартрѣ при преосвященномъ Клозель Монтальѣ (*Clausel Montal*), своемъ благодѣтелѣ; какимъ сдѣлался впоследствии, потому что этотъ добрый епископъ, о которомъ я буду имѣть случай говорить впоследствии, былъ искреннимъ галликанцемъ, что и доказалъ своими брошюрами. Онъ не могъ доносить на меня Конгрегациі; онъ нѣсколько разъ доказывалъ свою ко мнѣ привязанность.

Епископъ ошибся на счетъ Пія. Когда я обратился за совѣтомъ къ этому послѣднему, то онъ собственноручно написалъ мнѣ слѣдующій отвѣтъ:

«Епископія
«Поатье.

«Поатье, 15 іюни 1852 г.

Г. Аббатъ,

«Очень вѣрно, что ваша *Исторія Французской Церкви*, на которую подписалась моя епархія, показалась мнѣ достойной порицанія во многихъ пунктахъ.

«Но я ни прямымъ, ни косвеннымъ образомъ не доносилъ объ этомъ сочиненіи Риму. И хотя инициатива по этому дѣлу не принадлежала мнѣ, тѣмъ не менѣе я не могу осуждать за это тѣхъ изъ нашихъ уважаемыхъ собратій, которыхъ совѣсть заставила взять на себя эту тяжкую обязанность.

«Мнѣ было извѣстно, что преосвященный епископъ вашъ сдѣлалъ вамъ важныя замѣчанія; что онъ, по своему обычному милосердію, указалъ въ вашей книгѣ не только мѣста, наиболѣе ошибочныя, но даже и четыре или пять ложныхъ идей, отъ которыхъ проистекаютъ недостатки всего сочиненія. Епископъ это сдѣлалъ для того, чтобы вы, измѣнивъ свой образъ мыслей по этимъ пунктамъ, могли бы легко измѣнить также и духъ всего сочиненія. Очень сожалѣю, мил. гос., что вы не воспользовались совѣтами и указаніями епископа Блоа.

«Вы говорите, что обратите серьезное вниманіе на сообщаемыя мной вамъ замѣчанія, и усвоите ихъ себѣ, если онѣ будутъ сообразоваться съ вашей системой абсолютнаго историческаго безпристрастія. Сочтите лучшимъ быть избавленнымъ отъ моего разбора и оцѣнки вашей книги. Время мое принадлежитъ обширной епархіи, и долгъ поученія не остав-

ляетъ мнѣ свободнаго времени для споровъ. Впрочемъ, мнѣ не остается ничего сказать болѣе того, что вамъ уже было сказано, какъ со стороны научной, такъ и авторитетной (d'autorité) преосвященнымъ епископомъ Блоа, суду котораго вы должны были подчиниться и въ то же самое время, воспользоваться его благосклонными предложеніями.

«Вотъ вамъ, мил. гос., мое послѣднее слово. Вы говорите мнѣ о вашихъ друзьяхъ, которые хвалятъ васъ, и вы считаете противниками и врагами тѣхъ, которые не подражаютъ имъ. Очень печально, мил. гос., что для того, чтобы быть причисленнымъ къ вашимъ друзьямъ, нужно безъ ограниченій хвалить сочиненіе, осужденное сначала ближайшими властями (*Ordinaire*), а потомъ запрещенное папскимъ престоломъ. Прошу васъ, г. аббатъ, считать за истинныхъ друзей и хорошихъ совѣтниковъ и тѣхъ, которые скажутъ вамъ, что сочиненіе ваше имѣетъ прекрасныя стороны, и что для католиковъ составить истинную радость не только то, что они предварительно и прежде всего скажутъ: *Auctor LAUDABILITER se subjecit* (авторъ похвалой подчинился), но и о самомъ сочиненіи скажутъ, что съ него снята цензура, потому что оно было *emendatum in melius et correctum* (улучшено и исправлено).

«Позвольте мнѣ, мил. гос., сообразуясь съ древними письменными традиціями, окончить мое письмо, выразивъ вамъ чувства, которыя я обязанъ засвидѣтельствовать вамъ, и которыя внушаютъ мнѣ ваши достоинства. Съ истинной преданностью и особеннымъ уваженіемъ имѣю честь быть, г. аббатъ,

«Вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

«† L. E. еписк. Поатьерскій».

Итакъ преосвященный Шій не имѣлъ времени дѣлать мнѣ замѣчаній: а какъ подписчику моего сочиненія, ему не всѣ мои мнѣнія нравились; но онъ не принималъ участія въ его запрещеніи. Это дѣло было настолько грязно, что никто, даже Шій, Гуссе, Паллю не желали принимать въ немъ участія.

Кто же были тѣ уважаемые сослуживцы преосвященнаго Шія, которые взялись за подобное дѣло? Они ему были

хорошо извѣстны. Прежде всего, это былъ сосѣдь преосвящ. Пія, епископъ Рошельскій Виллекуръ (*Villemour*), который прославилъ себя поэмой, написанной на латинскомъ языкѣ, названіе которой я не могу перевести на французскій языкъ. Но по словамъ Буало (*Bouleau*), «Латынь въ словахъ презираетъ скромность». Итакъ, латинская поэма Виллекура называлась: *De Crepitu*. Воображеніе автора изощрилось воспѣваніемъ грубой немощи человѣческой природы.

Къ этой грязи онъ прибавилъ еще другую—написалъ гнусный памфлетъ на Французскую Церковь и Боссюэта въ частности. Было, значить, совершенно естественно, что клеветникъ Французской Церкви объявилъ себя врагомъ ея историка. Виллекуръ, принужденный оставить свой епископскій престолъ, укрылся въ Римѣ, гдѣ сдѣлался кардиналомъ.

Другимъ уважаемымъ сотоварищемъ преосв. Пія былъ одинъ изъ его сосѣдей, Белле Люсонскій (*Baillés de Lucan*), который такъ прекрасно управлялъ своей епархіей, что былъ выгнанъ оттуда. Онъ укрылся также въ Римѣ, но не былъ назначенъ кардиналомъ, изъ боязни, что это можетъ не понравиться воображаемому Наполеону III. Онъ написалъ брошюру по поводу Индекса; мы будемъ говорить о ней дальше.

Третьимъ уважаемымъ сотоварищемъ преосв. Пія былъ также одинъ изъ его сосѣдей, епископъ Ангулемскій, Куссо (*Cousseau*), совершенно неизвѣстная знаменитость, съ которымъ я велъ небольшую корреспонденцію, которую скоро представлю читателю.

Вотъ три уважаемые сотоварищи преосвящ. Пія, которые донесли на меня чрезъ посредство Готье прозваннаго: *nez à la bordelaise* (толстоносый). Если преосвящ. Пій не желалъ смѣшиваться съ этими подонками ультрамонтанства, то это происходило оттого, что онъ заботился о своемъ личномъ достоинствѣ.

То, что преосвященный Пій писалъ мнѣ относительно замѣчаній преосв. Паллю, доказывало, что онъ знаетъ объ этомъ предметѣ болѣе меня. Четыре или пять предложеній, упоминаемыхъ имъ въ письмѣ, напоминаютъ нѣтъ предложеній, которыя учевѣйшій Мориссе желалъ выписать изъ перваго то-

ма моего сочиненія, подобно тому, какъ іезуиты выписали пять предложеній изъ книги Янсеніуса, чтобы выяснитъ духъ ея. Преосвящ. Паллю, повидимому, усвоилъ идею знаменитаго ученаго Мориссе. Это нисколько не удивляетъ меня; но я узналъ объ этомъ только отъ преосвящ. епископа Поатьевскаго.

Я уже представилъ читателю замѣчанія преосвящ. Паллю; по нимъ можно видѣть, дѣйствительно ли онѣ такъ важны, какъ объ этомъ говоритъ преосвящ. Пій. Онѣ привелъ еще, какъ кажется, нѣсколько слащавыхъ фразъ о любви къ ближнему; я бы въ ней и не сомнѣвался, потому что письмо преосвящ. Паллю переполнено желчью и низкими инсинуаціями. Въ дѣйствительности же онѣ излагаютъ въ немъ необычайное ученіе, когда совѣтуетъ считать своими друзьями тѣхъ, которые хотѣли вредить мнѣ. Преосвящ. Паллю тоже слѣдовалъ этому ученію, которое можетъ назваться болѣе чѣмъ еретическимъ.

Въ сущности преосвящ. Пій не желалъ дѣлать мнѣ замѣчаній потому, что прежде чѣмъ принять ихъ я захотѣлъ бы обсудить ихъ. Преосвящ. епископъ Поатье, столь великій человѣкъ, могъ ли унизиться до споровъ со мною? Я долженъ былъ подчиниться его непогрѣшимости, равно какъ и непогрѣшимости преосв. Паллю, и въ особенности непогрѣшимости Конгрегаціи Индекса.

Но я осмѣлился утверждать, что преосв. Пій и Паллю не были непогрѣшимаы и что я въ правѣ подвергать разсмотрѣнію ихъ замѣчанія и отвергать всякую власть Конгрегаціи Индекса во Франціи.

Третьимъ епископомъ, къ которому я обращался за совѣтомъ, былъ кардиналъ Гуссе, архіепископъ Реймскій.

Вотъ его отвѣтъ:

«Архіепископскій домъ
Реймса.

«I. Аббатъ,

«Я получилъ письмо, въ которомъ вы просите меня сообщить вамъ мои замѣчанія по поводу вашего сочиненія подъ назва-

ніемъ: *«Исторія французской церкви»*. Въ настоящее время могу вамъ повторить только то, что я уже сказалъ при нашемъ частномъ свиданіи, такъ какъ я прочелъ всего только незначительную часть VI тома. Если же вы желаете, чтобы я сообщилъ вамъ, что побудило Конгрегацию Индекса осудить *Исторію французской церкви*, то я дамъ вашу книгу на разсмотрѣніе нѣкоторымъ опытнымъ богословамъ, и рассмотрю ее самъ во всѣхъ частяхъ.

«Но я могу и долженъ взять на себя этотъ трудъ только при двухъ условіяхъ: во-первыхъ, вы должны предварительно и публично объявить о своемъ подчиненіи Конгрегациі Индекса, которая осудила *Исторію французской церкви* и прибавить при этомъ, что вы осуждаете все то, что заключается въ этомъ сочиненіи противнаго ученію и духу Святой Римской Церкви. Позвольте мнѣ замѣтить вамъ, что вы не должны были дожидаться, чтобы подобный поводъ заставилъ васъ совершить этотъ актъ подчиненія. Во-вторыхъ, вы должны согласиться, чтобы всѣ поправки, которыя я сочту нужнымъ сдѣлать, были отданы на разсмотрѣніе не вамъ и не частнымъ лицамъ, но Конгрегациі Индекса, которой принадлежитъ право обсужденія настоящаго вопроса, въ случаѣ если эти поправки окажутся достаточными для снятія цензуры и дозволенія чтенія вашего сочиненія.

«Если вы подчинитесь этимъ двумъ условіямъ, не имѣющимъ ничего не обыкновеннаго, то можете рассчитывать на мою преданность и истинное участіе, которое я уже имѣлъ случай засвидѣтельствовать лично, когда указывалъ вамъ мѣста, достойныя порицанія въ VI томѣ вашего сочиненія. Руководясь подобными же чувствами, я ограничился тѣмъ, что запретилъ чтеніе вашей *Исторіи французской церкви* моимъ семинаристамъ, и остался непрямымъ къ какой бы то ни было попыткѣ, съ цѣлью осудить вашу книгу при посредствѣ папскаго престола.

«Примите, г. аббатъ, увѣреніе въ моемъ особенномъ расположеніи.

«Кардиналъ Гуссе, арх. Реймскій.

«Парижъ, 30 мая 1852».

Я отвѣчалъ его эминенціи, что онъ предлагаетъ мнѣ такія условія, которыхъ даже префектъ Конгрегаціи Индекса не требовалъ отъ меня.

Преосвященный Гуссе отвѣтилъ мнѣ, что онъ стоитъ на томъ, что написалъ въ своемъ письмѣ. Такимъ образомъ, я долженъ былъ, подобно его эминенціи, сдѣлаться ультрамонтаномъ, безъ чего онъ не желалъ указывать мнѣ мои мнимыя заблужденія. Преосвященный Гуссе говорилъ въ своемъ письмѣ, что прочелъ только слабѣйшій отдѣлъ моего шестого тома, и что онъ указалъ въ книгѣ лишь на нѣкоторыя *страницы подпадающія порицанію*. Но преосвященный Гуссе не показывалъ мнѣ даже и самаго тома, о которомъ идетъ дѣло.

Изъ разговора же его со мною можно было заключить, что онъ прочелъ все сочиненіе. При выходѣ отъ его эминенціи я захватилъ свои замѣтки, чего, вѣроятно, онъ самъ не сдѣлалъ-бы.

Четвертымъ епископомъ, съ которымъ я совѣщался, былъ преосвященный Паллю, епископъ Блоа. Вотъ отвѣтъ его:

«Блоа, 12 іюня 1852 г.

Г. Аббатъ,

«Я только что окончилъ нѣсколько поѣздокъ, которыя замедлили немного мой отвѣтъ на ваше послѣднее письмо.

«Я желалъ бы, чтобы вы подчинились съ большей искренностію и чтобы вы послѣдовали примѣру нѣкоторыхъ знаменитыхъ людей изъ современнаго духовенства. Только этого требовали отъ васъ ваши истинные друзья.

«Вы просите меня, чтобы я сообщилъ вамъ *все* замѣчанія о вашемъ сочиненіи, для того чтобы вы могли его исправить. Вы обѣщаете мнѣ принять во вниманіе мои замѣчанія, если по вашему мнѣнію онѣ будутъ основательны, и почтительно представлять мнѣ мотивы вашего несогласія, въ случаѣ если бы вы не могли этого сдѣлать, не нарушая исторической истины.

«Вы увѣдомляете меня, что обратились съ такою же просьбой къ Реймскому архіепископу, и къ епископамъ Арраса и Поатъе.

«Я только что собрался было, г. аббатъ, писать вамъ письмо, въ которомъ хотѣлъ представить основанія, не позволяющія мнѣ согласиться на ваши условія; какъ аббатъ Гарапенъ уведомилъ меня, что преосвященный Реймскій Кардиналъ назначилъ комиссію съ цѣлью сдѣлать необходимыя поправки въ вашей книгѣ. Въ виду этого я считаю лишнимъ сообщать вамъ мои личныя соображенія, которыя я началъ было излагать въ своемъ письмѣ: молю Бога, чтобы Онъ далъ хорошій исходъ вашему дѣлу для вашего личнаго блага и для пользы Церкви.

«Примите, г. аббатъ, увѣреніе въ совершенной преданности:

«† L. Th.

«Епископъ Блоа».

Я былъ удивленъ, прочитавъ въ письмѣ, что о. Леонъ Гарапенъ говорилъ о комиссіи назначенной Реймскимъ архіепископомъ.

Я написалъ ему объ этомъ и узналъ, что о. Л. Гарапенъ просто написалъ преосвященному Палю о моей перепискѣ съ преосвященнымъ Гуссе, который согласился разсмотрѣть мое сочиненіе, поставивши для этого свои условія. Онъ не сообщалъ ничего опредѣленнаго о комиссіи, а сказалъ только то, о чемъ я писалъ ему.

Итакъ, было рѣшено, чтобы никто не соглашался разсмотрѣть мое сочиненіе, за исключеніемъ преосвященнаго Гуссе, который позаботился поставить мнѣ предварительно такія условія, на которыя я не могъ согласиться.

Запрещеніе моего сочиненія очень удивило наиболѣе умныхъ и наиболѣе образованныхъ священниковъ епархіи Блоа. О. Леонъ Гарапенъ, почитатель моей книги, совѣтовалъ мнѣ подчиниться, чтобы избавиться отъ непріятностей, которыя могло вызвать мое сопротивленіе. Въ первый разъ въ жизни я не согласился съ нимъ. Я не хотѣлъ подражать о. Лекё, который повидимому подчинился, просилъ также какъ и я записки духовнаго совѣтника, и получилъ на это грубый отказъ. Мое поведеніе казалось мнѣ болѣе искреннимъ. Оно

также согласовалось съ тѣмъ, что мнѣ писали многіе духовныя лица, которыя и не знали о томъ, что я поступалъ такъ, какъ они мнѣ совѣтовали. Изъ числа этихъ писемъ я представляю читателю одно, такъ какъ оно было написано человѣкомъ, къ которому я съ дѣтства питалъ глубочайшее уваженіе, и который былъ неоспоримо священникомъ высокихъ способностей и высокой добродѣтели.

Вотъ оно:

«Реморантенъ (Romorantin) 22 февраля 1852 г.

«Милостивый государь и дорогой собратъ,

«Только сегодня я могъ узнать вашу точную адресъ, и тотчасъ принимаюсь облегчить мою душу, выражая вамъ свое огорченіе вслѣдствіе извѣстія о запрещеніи вашей книги. Я радовался при видѣ того, какъ каждый томъ вашего сочиненія последовательно улучшался по своему содержанию и по способу изложенія, но къ моему прискорбію декретъ Конгрегациі Индекса разбилъ всѣ надежды, которыя я возлагалъ на ваше сочиненіе, хотя я и не всегда раздѣлялъ всѣ ваши взгляды, безъ оговорокъ съ своей стороны.

«Какъ искренній католикъ, я не сомнѣваюсь, что сочиненіе ваше заключаетъ въ себѣ *учительныя неточности*, заслуживавшія запрещеніе сочиненія, но я также убѣжденъ въ томъ, что ревность къ истинѣ не всегда сопровождается той любовью къ ближнему, которая предупреждаетъ зло и смягчаетъ средства, противъ него направленныя. Вы не принадлежите къ новой школѣ, которая выказываетъ болѣе усердія къ папскому престолу, чѣмъ папскій престолъ къ самому себѣ. Этого было достаточно для преслѣдованія неточностей, которыя въ вашемъ большомъ сочиненіи ускользнули изъ вашего ума, но не изъ вашего сердца. Ваше дѣло похоже на дѣло о. Лекё, которое также огорчило меня.

«Но, мой милый другъ (позвольте мнѣ употребить это слово, которое соответствуетъ моему искреннему расположенію къ вамъ), мы прежде всего католики, и легко узнаемъ заблужденіе ума, каковы бы ни были мотивы тѣхъ людей, которые указали на эти заблужденія (*l'achose*) компетентной власти.

«Не знаю, имѣю ли я право высказать вамъ возникшую у меня мысль, которую предоставляю вамъ на разсмотрѣніе и которая, мнѣ кажется, явилась у меня подъ вліяніемъ любви къ истинѣ и участія къ вамъ?»

«Мнѣ сказали (потому что я не видѣлъ текста опредѣленія), что *Исторія французской церкви* была запрещена просто, безъ богословскаго *порицанія* въ замѣчаніяхъ; а эта форма запрещенія указываетъ на то, что ваше сочиненіе заключаетъ въ себѣ лишь неточности, а не важныя заблужденія. Въ такомъ случаѣ нельзя ли его передать какому-нибудь ученому богослову, который могъ бы его исправить, съ учительной точки зрѣнія, а изданные томы съ помощью подклеенныхъ листковъ (*par les cartons*) сдѣлать безукоризненными, и придать имъ форму новаго изданія, издержавъ при этомъ очень немного? такъ какъ вы желали быть скорѣе исторіографомъ, нежели теологомъ, слѣдовательно дѣло тутъ касается исправленія какой-нибудь фразы или слова. Историческая же форма сочиненія могла бы остаться прежнею.

«Этимъ способомъ вы прежде всего можете доказать, что не раздѣляя преувеличеній новой школы, вы все-таки искренній католикъ, и что хотя умъ вашъ и могъ заблуждаться, но совѣсть осталась чистой; трудъ вашъ, содержащій въ себѣ столько хорошаго, могъ бы быть полезнымъ церкви, и продолжаться далѣе, если и въ отношенія къ томамъ, находящимся въ рукописи, вы примете такія же предосторожности.

«Съ тѣхъ поръ какъ появилось опредѣленіе Индекса, эта мысль сто разъ приходила мнѣ въ голову. Я не могъ вамъ ее сообщить, за неимѣніемъ свѣдѣній о вашемъ мѣстожителствѣ. Предоставляю ее вашей оцѣнкѣ, будучи глубоко убѣжденъ, что я не имѣю другого права сообщать вамъ это, кромѣ искренняго желанія быть полезнымъ, и испытываемаго мною желанія засвидѣтельствовать, насколько я желаю, чтобы вы не прекращали вашего труда.

«Вѣроятно это письмо удивитъ васъ, въ особенности послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній, которыя я высказывалъ въ слухъ, и которыя вамъ *сильно преувеличили*; но искренніе и преданные друзья встрѣчаются часто тамъ, гдѣ ихъ менѣе всего ожидаешь. Дай Богъ, чтобы это дѣло имѣло хорошій конецъ,

для славы церкви и вашего собственного утѣшенія. Будьте увѣрены, что таково пламенное желаніе того, который съ глубокимъ уваженіемъ остается вашимъ покорнымъ слугою.

«А. Менье (A. Menniér)

«Священникъ Реморантепа».

«Содержаніе этого письма можетъ доказать вамъ, что никто не внушалъ мнѣ его; оно проистекаетъ изъ чисто добровольной моей потребности высказать вамъ свои чувства».

Замѣчанія, о которыхъ говорилъ добрый священникъ, не были переданы мнѣ, если только я не забылъ о нихъ. Я совершенно не помню ихъ. Остальная часть письма глубоко тронула меня: въ ней заключалось все, что думали и чего желали священники наиболѣе умные и наиболѣе образованные. Аббатъ Менье и не подозрѣвалъ, что я въ точности исполнилъ то, чего желалъ онъ самъ: и если книга моя не была рассмотрѣна, то это произошло отъ того, что тѣ, которые, по словамъ Менье, принадлежали *къ новой школѣ*, желали не исправленія моего сочиненія, но *уничтоженія*. Они и не скрывали этого, и воображали, что опредѣленіе Конгрегаціи Индекса такъ поразило меня, что я не буду продолжать своего сочиненія. Они радовались изъявленію покорности со стороны книгопродавцевъ Гюйо, опредѣленію Конгрегаціи Индекса, считая это изъявленіе смертнымъ приговоромъ моей книгѣ. Истинной комедіей было это изъявленіе покорности со стороны книгопродавцевъ, которымъ мои издатели поручили только продажу книгъ, которые никогда не внесли ни одного сантима изъ полученныхъ ими денегъ, которые употребляли какъ обверточную бумагу объявленія, стоявшія значительной суммы, и которые брали деньги на несуществовавшія почтовые издержки. Подчиненіе со стороны подобныхъ людей не было ли чистой комедіей, а журналъ *Ami de la Religion*, не говоря о провинціальныхъ духовныхъ журналахъ, принялъ все это за дѣло серьезное. Спустя немного времени, *Univers* напечаталъ слѣдующее:

«Вѣроятно помнятъ о той *благочестивой поспѣшинности*, съ которой братья Гюйо изъявили покорность папскому опредѣленію, которымъ была запрещена книга аббата Гетте, подѣ

названіемъ: *«Исторія французской церкви»*. Святой отецъ, желая засвидѣтельствовать насколько онъ тронуть ихъ сыновнимъ послушаніемъ, прислалъ имъ превосходную золотую медаль съ его лицевымъ изображеніемъ и нижеслѣдующее письмо. Этотъ даръ утѣшить ихъ въ той скорби, которую могутъ причинить имъ жалобы того духовнаго лица, которое первое должно было бы дать имъ примѣръ подчиненія и которое не имѣетъ даже *мужества* подражать имъ.

«Господамъ братьямъ Гюйо»

«Парижъ, 1 мая 1852 г.

«Милостивые Государи,

«Святой отецъ былъ увѣдомленъ о примѣрѣ должнаго подчиненія декретамъ Апостольскаго престола, каковое подчиненіе вы явили, *не соображаясь съ временными интересами*, по поводу опредѣленія священной Конгрегаціи Индекса, отъ 22 января, утвержденнаго его святѣйшествомъ 1 февраля и напечатаннаго по его повелѣнію 3 числа того же мѣсяца. Его святѣйшество, желая выразить вамъ то удовольствіе, которое доставило ему ваше *достойное поведеніе*, соблаговолилъ передать мнѣ свой приказъ о выдачѣ вамъ отъ его имени золотой медали съ его священнымъ изображеніемъ. Я посылаю вамъ ее съ этимъ письмомъ, какъ свидѣтельство его отцовскаго благоволенія.

«*S. архіеп. Мирскій, апостольскій нунцій*».

Братья Гюйо помѣстили изображеніе медали на своемъ каталогѣ; *св. отецъ* такимъ образомъ сдѣлался маклеромъ книжной торговли и принялся за рекламу.

Только этого онъ и заслуживалъ.

Весьма вѣроятно, что братья Гюйо утѣшились отъ скорби, причиненной имъ жалобами моихъ издателей, такъ какъ издатели требовали отъ нихъ украденныхъ денегъ. Весьма вѣроятно также, что книгопродавцы Гюйо унесли съ собой въ тюрьму, куда они были посажены за *злостное банкротство*, и великолѣпную золотую медаль съ священнымъ изображеніемъ папы и прекрасное письмо монсиніора Гарібальди.

Весьма также вѣроятно, что они отъ души, хотя и изпод-

тишка, смѣялись и надъ письмомъ и надъ медалью, которую такъ хорошо заслужили.

Въ то время какъ разыгривалась эта комедія, я написалъ кардиналу Бриньолю о томъ, что совѣтовался съ четырьмя епископами, но что они отказались сообщить мнѣ свои замѣчанія. Онъ отвѣтилъ мнѣ, черезъ нунція, что нужно посоветоваться съ другими.

Я не согласился дальше продолжать подобную комедію.

Ультрамонтане пришли въ страшную ярость: потому что не вынудили у меня изъявленія покорности, на которую рассчитывали.

Такъ какъ журналъ *Univers* выставилъ меня *бунтовщикомъ*, потому что я не хотѣлъ подчиниться пезаконной и непризнанной во Франціи власти; то я вынужденъ былъ отвѣчать ему.

Условлено было, что я всѣ свои письма буду давать на разсмотрѣніе о. Лекё, и потому я отправился въ дворъ архіепископа съ отвѣтомъ журналу *Univers*. Но меня предупредилъ первый аудиторъ (auditeur) нунціатуры, требовавшій отъ архіепископа, чтобы онъ заставилъ меня молчать. Его заявленіе оставили безъ вниманія, и рѣшено было, что я буду отвѣчать. Письмо мое было одобрено. Тогда я отправился въ контору журнала *Univers*, для того чтобы его напечатали. Какой то господинъ Дюлакъ (*Dulac*), ученый богословъ-канонистъ журнала *Univers* и разстриженный монахъ, объявилъ мнѣ, что ихъ журналъ не напечатаетъ ничего отъ меня, развѣ только по приказанію судебного пристава.

Мнѣ никогда и въ голову не приходило, чтобы честный человѣкъ пуждался въ судебномъ приставѣ для исполненія своего долга. Я возвратился домой, написалъ другое письмо и отправился передать его о. Лекё. Мое второе письмо было превращено въ *post-scriptum* перваго, которое я написалъ въ канцеляріи о. Лекё, на бланкѣ большой Суассонской семинаріи, гдѣ о. Лекё былъ начальникомъ. Я замѣтилъ разсѣянность о. Лекё, но не сказалъ ничего, потому что не былъ противъ того, чтобы доказать журналу *Univers*, что дѣйствую по внушенію архіепископскаго двора.

Будучи принужденъ напечатать мое письмо и *post-scriptum*,

журналь *Univers* сопровождалъ ихъ слѣдующими злобными замѣчаніями:

«Извѣщая о послѣднемъ опредѣленіи священной Конгрегаціи Индекса, содержащемъ осужденіе *Исторіи французской церкви* аббата Гетте, мы сочли долгомъ напомнить, что уже шесть мѣсяцевъ тому назадъ, преосвященный епископъ Блоа, посредствомъ письма, напечатаннаго въ газетахъ, извѣщалъ о томъ, что онъ не только не одобряетъ этого сочиненія, но даже сильно огорченъ тѣмъ, что нашелъ въ немъ вещи, требующія исправленія. Мы также сочли себя въ правѣ перепечатать новое извѣстіе, напечатанное въ *Gazette de Lyon* о томъ, что братья Гюйо, книгопродавцы, тотчасъ же изъявили покорность папскому престолу и удалили изъ каталога запрещенную книгу. Эти, столь естественныя извѣстія, не понравились аббату Гетте и онъ воспользовался случаемъ написать письмо, въ которомъ тщетно старается выразить изъявленіе покорности суду папскаго престола и которое вынуждаетъ насъ представить слѣдующіе документы, уже напечатанныя въ номерѣ нашего журнала, отъ 8 сентября ¹⁾).

«Теперь представляемъ письмо аббата Гетте, доставленное намъ 17 числа текущаго мѣсяца; мы представляемъ его съ дополненіями и измѣненіями, которыя онъ сдѣлалъ въ немъ потомъ, и доставилъ намъ нынѣ, 24 февраля, вынуждая насъ напечатать его.

«Парижъ, 17 февраля 1852 года.

«Господинъ редакторъ журнала *Univers*,

«Въ замѣчаніяхъ, которыми вы сопровождаете опредѣленіе Конгрегаціи Индекса, относящееся до моего сочиненія подъ названіемъ: *Исторія французской церкви*, у васъ явились неточности, которыя прошу исправить въ слѣдующемъ номерѣ вашего журнала.

«Вмѣсто того, чтобы сказать, что *первый томъ* моего сочиненія одобренъ умершимъ епископомъ Фабръ-дезь-Эссаромъ, вы должны были сказать, что *пять первыхъ томовъ* были подвергнуты разсмотрѣнію по его распоряженію, равно какъ и часть

¹⁾ Упомянутые документы суть письма преосвященнаго Паллю въ журналѣ *Ami de la Religion* съ отвѣтами на эти письма.

шестого тома; что они были напечатаны на его глазахъ и съ его одобренія. Вы могли прибавить, что первые пять томовъ были одобрены его эминенціею епископомъ Де-ля-Туръ-Оверньскимъ, бывшимъ епископомъ Арраса, безъ всякаго ходатайства объ этомъ съ моей стороны, а исключительно по его собственному желанію.

«Что касается до *сомнительной* публикаціи, то она всецѣло и исключительно принадлежитъ братьямъ Гюйо и я предоставляю имъ самимъ защищаться отъ вашихъ недоброжелательныхъ инсинуацій.

«А что касается до настоятельныхъ просьбъ этихъ книгопродавцевъ, желавшихъ добиться отъ меня нѣкоторыхъ измѣненій, то я не зналъ о нихъ до того момента, когда прочелъ извлеченіе изъ *Gazette de Lyon*, цитированное вами; и если бы эти господа и могли обращаться ко мнѣ съ подобной просьбой, то я бы имъ далъ понять, что они не компетентны въ богословіи и исторіи церкви. Я признаю только за моими начальниками право дѣлать мнѣ замѣчанія, и они могутъ засвидѣтельствовать, что я всегда принималъ съ почтеніемъ и благодарностью тѣ замѣчанія, которыя они пожелали мнѣ сдѣлать.

«Я сегодня же пишу преосвященному нунцію объ опредѣленіи Индекса касательно моего сочиненія. Думаю, г. редакторъ, что мнѣ не нужно будетъ судебнымъ порядкомъ требовать, чтобы вы цѣликомъ напечатали мое письмо въ слѣдующемъ номерѣ вашего журнала.

«Честь имѣю засвидѣтельствовать почтеніе.

«*Аббатъ Гетте.*

«P. S. Кромѣ неточностей, заключающихся въ вашихъ замѣчаніяхъ, вы помѣстили въ журналѣ *Univers* замѣтку, выпи- санную изъ *Gazette de Lyon*, въ которой книгопродавцы Гюйо заявляютъ, что будутъ считать недѣйствительными всѣ требованія, которыя будутъ обращены къ нимъ относительно моего сочиненія. Пропу васъ объявить, что *Исторія французской церкви* будетъ продолжаться; только въ изданныхъ томахъ я сдѣлаю поправки, которыя будутъ указаны мнѣ духовной властью. Что же касается до тѣхъ томовъ, которые будутъ

издаваемы впослѣдствіи, то я ихъ представлю на разсмотрѣніе той же власти.

«*Аббатъ Гетте*».

«Мы тотчасъ же разъясимъ значеніе этого *post-scriptum'a*, но сначала скажемъ два слова объ отвѣтѣ на письмо:

«Если мы и говорили объ одобреніи, данномъ *Исторіи французской церкви* преосвященнаго Фабръ-дезь-Эссаромъ, то это было случайно; нашимъ единственнымъ намѣреніемъ было то, чтобы напомнить, что это сочиненіе уже было публично осуждено преосвященнымъ епископомъ Блоа, прежде чѣмъ его осудила священная Конгрегація Индекса. Слѣдовательно, тутъ не можетъ быть никакого спора ни о числѣ одобреній, данныхъ книгѣ, ни о способѣ, которымъ были получены эти одобренія, ни о числѣ томовъ, облеченныхъ этими одобреніями. Мы въ этомъ отношеніи довольствуемся тѣмъ, что возлагаемъ на г. аббата Гетте отвѣтственность за его утвержденія.

«Что же касается до *сомнительной публикаціи*, то мы просимъ аббата Гетте опять прочесть письмо преосвященнаго епископа Блоа, адресованное въ журналъ *Ami de la Religion*. Мы просимъ его также прочесть снова письмо, адресованное вышеупомянутому журналу имъ самимъ сообща съ г.г. Гюйо, въ каковомъ письмѣ онъ нисколько не отвергалъ отвѣтственности въ этой публикаціи.

«Что касается до статьи въ *Gazette de Lyon*, заключающей въ себѣ неточности, то они къ намъ не относятся. Впрочемъ, замѣтимъ, что не нужно быть богословомъ, чтобы имѣть право требовать отъ автора исправленія его книги, если эта книга была предметомъ публичнаго порицанія епископа, и если всѣмъ извѣстно, что другіе прелаты считаютъ ее достойной порицанія. Книгопродавецъ тѣмъ болѣе имѣлъ право и долженъ былъ отказаться продавать книгу, запрещенную папскимъ престоломъ, что авторъ этой книги былъ священникъ; поступая такимъ образомъ, книгопродавецъ могъ быть увѣренъ, что поступаетъ согласно съ желаніями самого автора.

Но если, вмѣсто того, чтобы представить примѣръ покорности, осужденный священникъ желаетъ заставить его выбирать между личнымъ интересомъ и совѣстью, и думаетъ при-

нудить его нарушить предписанія папскаго декрета; то въ такомъ случаѣ не существуетъ достаточныхъ выраженій для порицанія подобнаго поведенія.

«Г. аббатъ Гетте признаетъ только за своими начальниками право дѣлать ему замѣчанія; мы же имѣемъ смѣлость думать, что если авторъ помѣщаетъ въ своихъ сочиненіяхъ вещи прискорбныя и опасныя, то самый послѣдній изъ вѣрующихъ имѣетъ право дѣлать ему замѣчанія.

«Мы вовсе и не сомнѣвались, ни въ *благодарности*, ни въ *почтеніи* аббата Гетте, съ коимъ онъ принимаетъ замѣчанія своихъ начальниковъ, и мы не знаемъ, зачѣмъ онъ намъ говоритъ объ этомъ. Можетъ быть онъ желаетъ оправдать свое письмо въ журналѣ *Ami de la Religion*, въ отвѣтъ на письмо преосвященнаго епископа Блоа; или можетъ быть онъ желаетъ подготовить насъ къ дѣйствию, которымъ обнаружить, какъ того требуетъ долгъ, свое подчиненіе опредѣленію священной Конгрегаціи Индекса. Какъ бы то ни было, — намъ кажется, что въ подобныхъ дѣлахъ недостаточно почтенія и благодарности, но требуется еще и немного послушанія. Мы бы желали, чтобы на основаніи этихъ писемъ можно было заключить, что сердце г. аббата Гетте преисполнено послушаніемъ, и что онъ испытываетъ то же чувство признательности, которымъ долженъ быть проникнутъ каждый писатель, когда духовная власть извѣщаетъ его о его заблужденіяхъ, и даетъ ему этимъ возможность предупредить то зло, которое могутъ причинить его сочиненія.

«Аббатъ Гетте надѣялся, что не будетъ вынужденъ прибѣгать къ судебному порядку (*voies de droit*); но онъ ошибся; если бы судебный приставъ не заставилъ насъ, то мы бы никогда не напечатали письма того священника, который находясь подъ тягостью осужденія папскаго престола, заботится только о томъ, чтобы противопоставить этому осужденію прежнія одобренія двухъ епископовъ.

«Что же касается *Post-scriptum'a*, то мы восхищаемся тѣмъ искусствомъ, съ которымъ онъ составленъ. Аббатъ Гетте объявляетъ, что *Исторія французской церкви* будетъ продолжаться, и что онъ будетъ давать на разсмотрѣніе духовной власти тѣ томы, которые будутъ издаваемы впоследствии.

На это можно сказать только, что объ этихъ томахъ не можетъ быть и рѣчи. Что касается до изданныхъ уже, то по словамъ аббата Гетте онъ сдѣлаетъ въ нихъ *всѣ поправки, которыя укажетъ ему духовная власть*. Аббать Гетте вѣроятно говорить о священной Конгрегаціи Индекса; потому что не можетъ же онъ, конечно, думать, чтобы другая какая-либо власть взялась одобрять (*se saisisse d'une cause*) сочиненіе осужденное вышеупомянутымъ трибуналомъ. Но въ ожиданіи, когда Конгрегація Индекса укажетъ необходимыя исправленія, если только она считаетъ *Исторію французской церкви* вообще подлежащею исправленію, что еще сомнительно, успѣетъ ли аббать Гетте, къ сроку появленія папскаго декрета, сдѣлать все зависящее отъ него, чтобы помѣшать публикаціи о запрещенныхъ томахъ? Вотъ вопросъ, который аббать Гетте не старается разрѣшить. Сроки его (личнаго) заявленія (*declaration*) рассчитаны такъ, что даютъ ему возможность избрать только или мятежъ или изъявленіе покорности. Это уже довольно важно. Впрочемъ, мы не настаиваемъ».

Злая насмѣшка въ отношеніи къ *Post-scriptum*'у была направлена противъ архіепископскаго двора и аббата Лекё».

Если бы разстриженный монахъ Dulac зналъ богословіе, то онъ не смѣшивалъ бы Конгрегаціи Индекса съ церковію; онъ не выставялъ бы священника, требовавшаго разъясненій *мятежникомъ*; онъ не могъ бы думать, будто осуждена *моя личность*, когда дѣло касалось только тайнаго осужденія моего сочиненія. Но г. Дюлакъ не оставался ни передъ какими обвиненіями и никакою ложью, какъ скоро видѣлъ человѣка, проникнутаго благоразуміемъ и не желавшаго слѣпо подчиняться Риму.

Подобнаго рода люди считаютъ себя защитниками власти, а на самомъ дѣлѣ они-то суть враги ея.

Можетъ ли не назваться врагомъ власти тотъ, кто видитъ власть тамъ, гдѣ нѣтъ ея, и приписываетъ ей права, которыхъ она не имѣетъ? Это значитъ смѣшивать власть съ деспотизмомъ. Всѣ тѣ, которые злоупотребляютъ властью, и которые одобряютъ эти злоупотребленія, могутъ считаться врагами власти, болѣе опасными тѣхъ, которые желаютъ подчиняться только закону и справедливости. Испрашивая разъясненій у Кон-

грегаціи Индекса, я подчинялся ей болѣе, чѣмъ она заслуживала; потому что французская Церковь никогда не признавала этой власти. Я выражалъ болѣе почтенія къ власти, нежели разстриженный монахъ Дюлакъ.

Аббатъ Минь, владѣлецъ (proprietaire) журнала *la Voix de la Verité*, былъ справедливѣе Дюлака. Когда онъ объявилъ, что Гюйо не будутъ больше продавать моего сочиненія, то я послалъ ему слѣдующую поправку (rectification).

«*Господинъ Редакторъ,*

«Вы напечатали въ 19 № вашей газеты замѣтку, выписанную изъ журнала *Ami de la Religion*, на основаніи которой можно думать, будто сочиненіе мое *Исторія французской церкви* продолжаться не будетъ. Вслѣдствіе этого прошу васъ напечатать въ слѣдующемъ № вашей газеты настоящее заявленіе, съ увѣдомленіемъ вашихъ читателей о моемъ намѣреніи продолжать изданіе моего сочиненія, не смотря на то, что книгопродавецъ Гюйо объявилъ, что не беретъ на себя труда продавать его.

«Прошу принять увѣреніе въ почтеніи.

Аббатъ Гетте».

По этому случаю я видѣлся съ аббатомъ Минемъ, давно извѣстнымъ мнѣ по его объявленіямъ, шарлатанское содержаніе которыхъ всегда поражало меня. Онъ дѣйствительно былъ шарлатаномъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Его манеры, разговоръ, все въ немъ обнаруживало человѣка рекламы, который желалъ нажить милліоны. Помѣщеніе его типографіи не было роскошно, но обширно и хорошо устроено. Если бы французскіе епископы были умнѣе, то помогали бы этому человѣку, который доводилъ до конца такія громадныя изданія, за которыя не бралось ни одно изъ подобныхъ заведеній. Предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, онъ не могъ примѣнять къ своимъ изданіямъ той заботливости, которую онѣ требовали. У него занимались многіе запрещенные священники, которые не могли работать надъ изданіемъ столь глубоко научныхъ сочиненій, какія издавались имъ. Вслѣдствіе чего онѣ были переполнены ошибками. Одинъ

ученый грекъ провѣрилъ тексты многихъ греческихъ рукописей *Bibliothèque Nationale*, напечатанныхъ въ *Patrologie grecque*, надъ которой работалъ знаменитый Питра (Pitra), бенедиктинецъ изъ Солесма, сдѣлавшійся потомъ кардиналомъ. Этотъ грекъ замѣтилъ, что мѣста рукописей, неблагопріятныя латинизму, были пропущены. Не *ученый* ли Питра сдѣлалъ эти пропуски? Во всякомъ случаѣ, нужно надѣяться, что когда-нибудь терпѣливый и ученый грекъ провѣритъ греческія сочиненія, издавныя самимъ Питрою, и разслѣдуетъ ихъ подлинность.

Аббата Мннѣ поддерживали только деревенскіе священники и нѣкоторыя религіозныя общества. Онъ снабжалъ ихъ книгами за полъ-цѣны, и обязывалъ ихъ служить известное число обѣдней. Эти *заказныя (intentions)* обѣдни служились по уменьшенной цѣнѣ; онъ покупалъ ихъ самъ у тѣхъ, которые имѣли ихъ очень много, по цѣнѣ еще болѣе низкой, и давалъ за нихъ книги, стоящія ему гораздо мевьше того, за что онъ продавалъ ихъ.

Эта торговля обѣднями была очень прибыльна для аббата Мннѣ, и онъ приобрѣлъ много денегъ.

Когда я пришелъ къ нему, то онъ откровенно сказалъ мнѣ: «Интересъ вашъ требуетъ того, чтобы вы изъявили покорность; въ сущности, какая важность въ этомъ? Это просто формальность. Поступайте такъ, какъ я. Я такой же галликанецъ какъ и вы, а между тѣмъ притворяюсь ультрамонтаниномъ, потому что это необходимо для успѣха моихъ изданій. Такимъ путемъ вы приобретете будущность; если же вы выберете другой путь, то будете разбиты».

Я хорошо зналъ, что онъ говорилъ правду; но былъ слишкомъ честенъ, чтобы пожертвовать ради своего личнаго интереса тѣмъ, что я считалъ истиной. Я чувствовалъ инстинктивное отвращеніе къ теоріи интереса, къ которой бы она мнѣ высказана ни была, кардиналомъ Гуссе или аббатомъ Минемъ. Помѣстивъ мое письмо отъ 17 февраля въ *Univers*, Минъ сдѣлалъ слѣдующее прибавленіе:

«Г. аббатъ Гетте молодой священникъ, подающій большія надежды; но, на его мѣстѣ, мы бы, прежде напечатанія настоящаго письма, изъявили бы покорность и написали бы

въ Конгрегацію Индекса письмо, убѣдительно прося указать намъ въ нашемъ сочиненіи мѣста, подпадающія порицанію. По полученіи отвѣта мы сдѣлали бы необходимую картонную подклейку листовъ и продолжали бы свою *Исторію*, успокоившись умомъ и сердцемъ. Впрочемъ, мы знаемъ, какъ тяжело для самолюбія автора и разорительно для кармана издателя неопредѣленное порицаніе того трибунала, который обыкновенно вовсе не предупреждаетъ, не разбираетъ и даже не выражаетъ никакого неудовольствія, и иногда избираетъ поражаемыхъ имъ писателей изъ тысячи другихъ, которыхъ оставляетъ въ покоѣ, не смотря на то, что ихъ можно было бы съ большимъ правомъ заподозрить въ неправомысліи. Но, взвѣсивши все, мы находимъ, что скорое и искреннее изъявленіе покорности можетъ считаться полезнымъ для людей и обязательнымъ передъ Богомъ. Итакъ, мы умоляемъ аббата Гетте, котораго любимъ, и о которомъ сожалѣемъ отъ всего сердца, принять наши соображенія съ хорошей стороны и послѣдовать нашему совѣту. Если не ошибаемся, то онъ найдеть эти совѣты и пожеланія наши истекающими изъ любящей души и христіанскаго духа, и одобрительными со стороны разума и вѣры.

Аббать Минъ прекрасно зналъ, что онъ совѣтовалъ мнѣ дѣлать то, что уже въ дѣйствительности было сдѣлано мною, за исключеніемъ точно выраженнаго акта изъявленія покорности. Онъ не желалъ казаться вѣрящимъ въ то, что Конгрегація Индекса и ея друзья были болѣе требовательными.

Спустя нѣкоторое время, для того чтобы побудить меня къ принятію его совѣтовъ, аббату Миню пришла въ голову странная идея составить слѣдующую рекламу, которую онъ помѣстилъ въ началѣ одного изъ номеровъ своей газеты:

«Мы только что получили извѣстіе о томъ, что носится слухъ, не только во Франціи, но за-границей и даже въ Римѣ, будто *Ateliers catholiques* продолжаетъ печатать *Исторію французской церкви* аббата Гетте. Но этотъ слухъ ни на чемъ не основанъ. О. Гетте, имѣющій впрочемъ, другого издателя и готовый подчиниться Индексу, ничего не предлагалъ намъ ни прямо, ни косвенно: что же касается собственно насъ, то мы не имѣли даже и въ мысли сдѣлать ему ка-

кія бы то ни было предложенія. Оба эти факта опровергають, по нашему мнѣнію, слухъ, распущеннѣй съ неизвѣстной цѣлью».

Во всемъ этомъ не было ничего истиннаго. Я замѣтилъ это аббату Миню, который очень скоро напечаталъ заявленіе, посланное ему мною. Ему нужна была только реклама, и въ этомъ все заключалось.

Я долженъ былъ написать ему болѣе длинное письмо: я написалъ по его желанію слѣдующее:

„Парижъ, 30 мая 1852 г.

«*Господинъ Редакторъ,*

«Письмо, которое я просилъ васъ напечатать недавно въ вашемъ журналѣ *Voise de la Verité*, подало поводъ журналу *Univers* еще разъ возобновить обвиненіе, которое я никогда не оставилъ бы безъ возраженія, если бы имѣлъ возможность добиться отъ этого журнала помѣщенія своихъ писемъ, не прибѣгая къ помощи юридическихъ понужденій.

«Журналъ *Univers* говоритъ и опять повторяетъ, что не подчиняясь опредѣленію Конгрегаціи Индекса относительно *Исторіи французской церкви*, я становлюсь мятежникомъ противъ духовной власти, а въ моемъ послѣднемъ письмѣ находитъ даже объявленіе войны этой власти. Ни одно выраженіе въ моемъ письмѣ не можетъ подавать повода къ подобному обвиненію. Въ немъ, напротивъ, можно найти свидѣтельство моего глубокаго уваженія къ этой власти, потому что я говорю въ немъ, что давно бы уже изъявилъ свою покорность, если бы считалъ это для себя обязательнымъ.

«Я понимаю, что эти послѣднія слова не понравились журналу *Univers*, который смѣшиваетъ Конгрегацію Индекса съ святымъ апостольскимъ престоломъ, а папскій престолъ съ церковью; но изъ того, что я имѣю объ этомъ предметѣ мнѣніе, не сходное съ его мнѣніемъ, не слѣдуетъ, чтобы онъ имѣлъ право называть меня *бунтовщикомъ*. Никогда Французская церковь не считала *обязательнымъ* подчиненіе какому бы то ни было опредѣленію Конгрегаціи Индекса. Флери, обладавшій преимуществомъ быть одновременно великимъ историкомъ, хорошимъ богословомъ, ученымъ канонистомъ и до-

бродѣтельными священникомъ, Флери, который, по словамъ преосвященнаго Фрейссину (Frauysinou), *лучше всѣхъ зналъ сущность нашихъ правъ и который далъ о нихъ истинное понятіе*, выражается на страницѣ 25 своей: *Institution au droit ecclesiastique* слѣдующимъ образомъ:

«Мы нисколько не думаемъ, чтобы новыя папскія постановленія, возникшія триста лѣтъ тому назадъ, были *обязательны* для насъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они одобряются нашими обычаями. Отсюда вытекаетъ, что мы не считаемъ себя подчиненными ни опредѣленіямъ Конгрегаціи Saint-Office т. е. Инквизиціи Рима, ни Конгрегаціи Индекса для запрещенныхъ книгъ, ни другимъ Конгрегаціямъ. Мы *уважаемъ* опредѣленія этихъ Конгрегацій, какъ *мнѣнія почтенныхъ учителей* (consultations de docteurs graves); но мы не признаемъ за ними *никакой юрисдикціи*, относительно Французской церкви».

«Права Французской церкви, во всѣ времена уважались папскимъ престоломъ. Кардиналъ Капрара долженъ былъ дать присягу сохранять ихъ *прежде исполненія своихъ обязанностей, изложенныхъ въ булль, данной Римомъ въ понедѣльникъ 6 фруктидора въ IX годъ*. Эдиктъ Людовика XIV, касающійся правъ Галликанской церкви, былъ торжественно внесенъ въ наше новое законодательство императорскимъ опредѣленіемъ отъ 25 февраля 1810 года; и всѣмъ извѣстно, что эти права всегда были уважаемы при сношеніяхъ, существовавшихъ между папскимъ престоломъ съ одной стороны, правительствомъ и французскимъ духовенствомъ съ другой».

«Считая вмѣстѣ съ Флери и всѣми французскими канонистами опредѣленіе Конгрегаціи Индекса *мнѣніями уважаемыхъ учителей*, я почтительно обратился къ его эминенціи кардиналу Брюньюлю, испрашивая у него сообщенія мнѣ замѣчаній духовнаго совѣтника, относительно моихъ книгъ, чтобы воспользоваться этими замѣчаніями. Его эминенція отвѣтилъ мнѣ, что у нихъ не принято сообщать замѣчаній духовныхъ совѣтниковъ Конгрегаціи Индекса; что для узнанія предосудительныхъ мнѣній въ моемъ сочиненіи я долженъ обратиться во Франціи къ людямъ ученымъ и къ здравому ученію; что во-

использовавшись ихъ разъясненіями я могу получить одобреніе Конгрегаціи Индекса. Его эминенція не говоритъ объ изъясненіи покорности, потому что умный и образованный кардиналь, будучи префектомъ Конгрегаціи Индекса, понимаетъ значеніе выражаній. Риму извѣстны права французской Церкви, и вслѣдствіе этого тамъ знаютъ, что если и *похвально* изъявляютъ покорность декретамъ Конгрегаціи Индекса; но не позволительно дѣлать это изъявленіе покорности *обязательнымъ*. Въ Римѣ, слѣдовательно, поймутъ, что журналъ *Universel*, публично бросая мнѣ въ лицо оскорбительное выраженіе *мятежника* за усвоеніе мною мнѣній французскихъ канонистовъ, поступилъ не только противно обыкновеннымъ приличіямъ и христіанской любви, но и *правосудія*; и кромѣ того, скорѣе самъ является мятежникомъ противъ законовъ его страны.

«Примите, г. редакторъ, увѣреніе въ преданности

«*Аббатъ Гетте*» .

Я сообщилъ это письмо о. Леке, который отвѣтилъ мнѣ такъ:

Дворъ архіепископа
Парижскаго.

«Парижъ, 31 мая 1852 года.

«*Милостивый государь и дорогой другъ,*

«Я со вниманіемъ прочелъ письмо, которое вы думаете послать въ журналъ *la Voix de la Verité*; я не могу одобрить его, потому что убѣжденъ, что оно только усилитъ зло и сильно не понравится архіепископу.

«Въ самомъ дѣлѣ. дѣло не въ томъ, чтобы начать полемику изъ-за того, что *обязательно* и что не обязательно, а между тѣмъ все то, что вы говорите по этому поводу, непременно возбудитъ полемику, которую преосвященный желалъ бы предотвратить въ настоящее время. Ваше предыдущее письмо было слишкомъ кратко, а это слишкомъ длинно.

«Итакъ, я совѣтую вамъ принести завтра другое черновое письмо; вы можете сохранить первую фразу, и ограничьтесь изъясненіемъ, что не понимаете, какъ можно назвать дѣломъ *мяте-*

жнѣмъ письмо, въ которомъ вы пишете, что поступили относительно Конгрегации такъ, какъ это внушала вамъ ваша совесть. Вы можете повторить то, что говорили прежде, т. е. что желаете сдѣлать всѣ поправки, которыя вамъ указаны будутъ властью, что съ этой-то цѣлью вы и обращались въ Конгрегацию Индекса и получили отъ кардинала-префекта благоклонный отвѣтъ: что всѣ эти поступки должны быть названы не *мятежными*, но исполненными почтенія къ Конгрегации. Когда же вы говорили объ *актѣ изъявленія покорности*, который не считаете *обязательнымъ*, вы подразумѣвали публичное объявленіе, котораго желаютъ добиться отъ васъ люди, не имѣющіе власти въ Церкви: между тѣмъ какъ ни кардиналъ-префектъ, ни Конгрегация ничего этого отъ васъ не требуютъ, и вы не видите, чтобы когда-нибудь во Франціи подобное объявленіе считалось *обязательнымъ* для лицъ, сочиненія которыхъ подпадали запрещенію. Вы должны окончить, если вамъ угодно будетъ, иначе ваше письмо; но какой бы оборотъ вы не дали ему, слѣдуетъ избѣгать увеличенія зла. Преосвященнѣйшій архіепископъ слышалъ отъ многихъ лицъ самое строгое сужденіе о вашемъ дѣлѣ, и конечно то письмо, которое я отсылаю вамъ, увеличитъ затрудненія; *лучше было бы ничего не дѣлать*; и я почти убѣжденъ въ этомъ. Монсеньоръ могъ бы сказать, что онъ порицалъ васъ, по крайней мѣрѣ, за тонъ письма, который я тоже нахожу не особенно осторожнымъ: а вы могли бы говорить, что и не воображали противиться власти Рима и т. п., и мало по-малу всѣ забыли бы это дѣло.

«Сверхъ того, я самъ не хочу брать на себя обязанности оцѣнивать какой бы то ни было образчикъ письма, и считаю нужнымъ чтобы монсеньоръ видѣлъ его до напечатанія. Мнѣ извѣстно, что сегодня онъ очень поздно вернется, и мнѣ невозможно будетъ съ нимъ поговорить объ этомъ; завтра, онъ кажется пробудетъ долго въ Сенъ-Жерменѣ, нужно вамъ будетъ прійти довольно рано, иначе дѣло можетъ быть отложено на день или на два. Я думаю, что въ этомъ пѣтъ ничего дурного, потому что *я желалъ бы лучше, чтобы вы не говорили ничего новаго*.

«Положеніе ваше затруднительно. Монсеньоръ желаетъ,

чтобы ему ничего не приписывали—никакого потворства. Кроме того, чтобы какое бы то ни было письмо могло появиться теперь, нужно быть увѣреннымъ, что онъ не отречется отъ него. Все это требуетъ много размышленія и осторожности.

«Я снова совѣтую вамъ быть какъ можно благоразумнѣе: есть очень много лицъ не особенно расположенныхъ защищать васъ; и, напротивъ, есть много такихъ, которыя желаютъ порицать васъ. Это для васъ время испытаній, когда нужно обращаться къ Богу, призывать Его, принимать совѣты съ разборчивостью, а можетъ быть и ждать.

«Позвольте выразить вамъ, милостивый государь, мое истинное участие,

«Вашъ слуга

«Лекё (главный викарій)».

Нужно было смириться и написать другое письмо. Я написалъ его и отослалъ о. Лекё, который отвѣчалъ мнѣ:

«Дворъ архіепископа
Парижскаго

«Парижъ, 2 іюня 1852 г.

«Милостивый государь и дорогой другъ,

«Въ общемъ я нахожу ваше письмо довольно хорошимъ; тѣмъ не менѣе я предлагаю вамъ сдѣлать въ немъ легкое измѣненіе. Монсieur, которому я сообщилъ его, желаетъ, чтобы вы пришли между тремя и четырьмя часами, чтобы окончательно условиться со мною; нужно радоваться, что эта окончательная редакція письма будетъ сообщена ему, если это возможно; но въ то же время онъ требуетъ, чтобы вы не упоминали объ этомъ соглашеніи съ властью.

«Монсieur думаетъ, что письмо должно быть прямо адресовано журналу *Univers*, а не *Voix de la Verité*. Я совѣтую вамъ согласиться съ этимъ желаніемъ прелата.

«Предлагаемое мною измѣненіе начинается съ четвертой начальной строки.

«Когда я сказалъ, что если бы считалъ актъ изъясненія покорности обязательнымъ для себя, то не ждалъ бы до сихъ поръ; то я подразумевалъ ту форму публичнаго заявленія, которую

требуютъ отъ меня люди, не имѣющіе надо мной никакой власти, но которой не требуетъ отъ меня ни Конгрегація Индекса, ни кардиналь-префектъ.

«Примите...

«Совѣтую вамъ, если вы напечатаете письмо прямо въ журналъ *Univers*, воздерживаться отъ всякихъ оскорбительныхъ выраженій.

«Выражаю вамъ, милостивый государь, свою преданность и уваженіе.

«Вашъ слуга

«*Лекё* (главный викарій)».

Это письмо доказало мнѣ, что архіепископъ ослабѣвалъ. Была громадная разница между его настоящимъ и прежнимъ отношеніемъ къ дѣлу. Онъ совсѣмъ теперь отказывался отъ полемики, не смотря на то, что самъ же посовѣтовалъ мнѣ сойтись съ о. Деля-Кутюромъ, о. Шатенеемъ и о. Пронсолемъ, чтобы завязать смертный бой съ Конгрегаціею Индекса. Я обладалъ достаточной покорностью, чтобы исполнить все то, что отъ меня требовали. Наконецъ, письмо мое было одобрено и я отослалъ его въ журналъ *Univers* 3 іюня.

«*Господинъ редакторъ журнала Univers,*

«Я только что узналъ, что на основаніи письма, напечатаннаго въ № отъ 23 мая *Voix de la Verité* вы выразились, что я открыто бунтую противъ папскаго престола.

«Я не понимаю, м. г., какъ вы могли принять за мятежный поступокъ письмо, въ которомъ я заявилъ, что поступилъ относительно Конгрегаціи Индекса такъ, какъ считалъ поступить *необходимымъ* по совѣсти.

«Въ письмѣ, которое я писалъ вамъ недавно, я формально выразилъ, что согласенъ сдѣлать всевозможныя поправки, если онѣ будутъ указаны мнѣ духовной властью. Для узнанія ошибокъ въ моемъ сочиненіи я обратился къ самой Конгрегаціи Индекса, и кардиналь-префектъ прислалъ мнѣ, чрезъ посредство нунція, благосклонное письмо, въ которомъ говоритъ, что для узнанія недостатковъ моей книги я долженъ обратиться къ людямъ ученымъ и здравому ученію. Я поспѣшилъ написать прелатамъ, которые пользуются уваженіемъ въ

Римъ какъ въ научномъ, такъ и въ религіозномъ отношеніяхъ. Я спрашиваю, могутъ ли подобныя дѣйствія назваться мятежными относительно папскаго престола.

«Когда я выражался, что если бы я считалъ обязательнымъ для себя изъясненіе покорности Конгрегаціи Индекса, то не откладывалъ бы этого до сихъ поръ—то я подразумѣвалъ ту форму публичнаго заявленія, которой не требуютъ отъ меня ни Конгрегація Индекса, ни кардиналъ-префектъ.

«Надѣюсь, г. редакторъ, что вы охотно напечатаете это справедливое возраженіе въ слѣдующемъ номерѣ вашего журнала.

«Примите увѣреніе въ моемъ особенномъ уваженіи

«*Аббатъ Гетте*».

Журналь *La Voix de la Verité* также напечаталъ это письмо. Будучи увѣренъ въ томъ, что съ каждымъ днемъ ослабѣвавшій архіепископъ наконецъ оставитъ меня, я просилъ его назначить комиссію для разсмотрѣнія моего сочиненія. Онъ не рѣшился на это, чему свидѣтельствомъ можетъ служить слѣдующее письмо о. Лекё:

«Дворъ архіепископа
Парижскаго

«Парижъ, 18 мая 1852 г.

«*Г. Аббатъ,*

«Я только вчера могъ говорить о вашемъ дѣлѣ съ монсieurомъ архіепископомъ; прелатъ считаетъ неумѣстнымъ обѣщать вамъ предварительный разборъ вашей книги: онъ высказалъ мнѣ нѣсколько соображеній, о которыхъ я долженъ буду поговорить съ вами.

«Приглашаю васъ прійти ко мнѣ, по возможности, скорѣе, не приходите только на Вознесеніе.

«Вамъ извѣстно, милостивый государь, мое къ вамъ расположеніе и уваженіе, съ которымъ остаюсь

«Вашъ слуга

«*Лекё* (главный викарій)».

Легко замѣтить, что даже о. Лекё въ этомъ письмѣ называетъ меня просто *г. аббатомъ*, а не *дорогимъ другомъ*, какъ онъ писалъ мнѣ въ прежнихъ письмахъ.

Между тѣмъ, этотъ добрякъ былъ моимъ *собратомъ по Ин-*

дексу. Правда, онъ изъявилъ покорность, но что это была за покорность! Приведемъ ея выраженіе. Онъ изложилъ ее въ формѣ письма къ нунцію:

«Парижъ, 12 Октября 1851 г.

«Монсиньоръ,

«Я получилъ вчера увѣдомленіе, которое вы соблаговолили прислать мнѣ объ опредѣленіи Конгрегациі Индекса отъ 27 сентября 1851 года, и спѣшу вручить вашему преосвященству слѣдующее заявленіе (*declaration*): посвятивъ всю свою жизнь на служеніе церкви, и боясь болѣе всего въ этомъ случаѣ быть причиной соблазна, я смиренно покоряюсь суду Святой Конгрегациі Индекса относительно моего сочиненія, которое я издалъ подъ названіемъ: *Manuale compendium juris canonici ad usum seminariorum juxta circumstantias temporum accommodatum*.

«Соблаговолите монсиньоръ принять и т. д.

«Лекё (главный викарій).

Это письмо было очень сухо. О. Лекё прибавилъ къ нему слѣдующія разъясненія, которыя помѣстилъ въ такъ называемыхъ религіозныхъ журналахъ:

«Искренность вышенапечатаннаго заявленія не мѣшаетъ мнѣ возражать противъ многихъ положеній статьи въ *Correspondance de Rome* отъ 24 прошлаго іюля, перепечатанной въ *Univers* отъ 11 октября; этими положеніями ученіе мое искажено. Я въ настоящее время не считаю нужнымъ входить въ подробный споръ по поводу этихъ положеній, а тѣмъ болѣе возбуждать полемику о другихъ пунктахъ, которые, по моему мнѣнію, могутъ быть совершенно справедливо защищаемы. Но въ виду тѣхъ условій, среди которыхъ прошла большая часть моей жизни, я считаю долгомъ заявить, что совѣсть моя не можетъ упрекнуть меня въ томъ, будто я сознательно держался убѣжденій, противныхъ ученію апостольскаго престола, въ отношеніи къ которому я всегда не только самъ держался идеи полнѣйшаго подчиненія, но убѣждалъ къ тому же и другихъ. Въ частности я не понимаю, на какомъ основаніи могла возникнуть мысль о существованіи сход-

ства между моими мнѣніями и ученіями профессора Ньюца (Nuutz), которыя я прямо и ясно опровергалъ въ своемъ *Manuel*'нѣ.

Изъ всего вышесказаннаго ясно, что авторъ только формально изъявилъ покорность, но что онъ имѣлъ сильное желаніе отстаивать изложенныя имъ ученія.

Мнѣ кажется, что мое поведеніе было болѣе честно и благородно, чѣмъ поведеніе о. Лекё. Но, словомъ, онъ былъ главнымъ викаріемъ, и его актъ изъявленія покорности сталъ павильономъ, прикрывшимъ торговлю.

Никто, впрочемъ, не вѣрилъ изъявленію покорности о. Лекё, который нападалъ на Конгрегацию Индекса не только съ помощью аббата Де-ля-Кутюра, дѣйствовавшаго съ нимъ за одно, но и дурного священника, называвшагося Леклеркомъ (Leclerc), съ которымъ былъ знакомъ, и который ходилъ служить обѣдню въ Сенъ-Жерменъ-Оксерское предмѣстье (l'Auxerrois), предварительно заходя выпить немножко водочки въ заведеніе матери Моро (*Moreaux*). Какіе-то набожные люди донесли на него, и послѣ этого Леклеркъ не служилъ болѣе обѣдни въ Парижѣ и пересталъ защищать о. Лекё въ газетахъ.

Лекё защищался самъ при помощи начальника Конгрегациі Saint-Sulpice и директоровъ парижской семинаріи. Онъ составилъ вмѣстѣ съ ними записку объ обычномъ правѣ (*Memoire sur le Droit coutumier*), которая напечатана была тайно и разослана всѣмъ епископамъ Франціи. Въ этой запискѣ имѣлось цѣлью доказать, что обычаи галликапской церкви были законны и имъ можно было слѣдовать съ совершенно спокойной совѣстью. Итакъ, можно было и не изъявлять покорности опредѣленіямъ Конгрегациі Индекса; потому что, по обычному праву Франціи, эта Конгрегациа не была признава и не пользовалась во Франціи никакой властью.

Я видѣлъ исправленные листы записки на письменномъ столѣ аббата Буато (Boiteux), который сообщилъ мнѣ нѣкоторыя подробности о сочиненіи, но просилъ сохранять это въ величайшей тайнѣ. Я и сохранялъ тайну, но въ настоящее время, когда это было уже такъ давно, я считаю позволительнымъ сказать то, что я зналъ. О. Лекё, который под-

чинился, все-таки писалъ противъ Конгрегаціи Индекса; тогда какъ я, который долженъ былъ писать по распоряженію архіепископа, занимался только тѣмъ, что писалъ отвѣты на несправедливыя нападки моихъ враговъ. Я тоже могъ бы издать цѣлый томъ противъ Индекса, и я собралъ для этой цѣли массу документовъ; но для меня было очень опасно составить томъ, по примѣру Де-ля-Кутюра и Лекё. Я ограничился тѣмъ, что защищался въ газетахъ, которыя нападали на меня.

Очевидно, мнѣ не позволяли защищаться такъ, какъ я желалъ бы этого. Я былъ въ полнѣйшемъ подчиненіи у двора архіепископа; я соглашался со всѣмъ, что отъ меня требовалъ архіепископъ и его Лекё. Впрочемъ я долженъ признаться, что добрякъ Лекё часто раздражалъ мои нервы. Если онъ, по словамъ аббата Дарбоа, носилъ весь міръ на своемъ горбѣ (*bosse*), то я носилъ его на своей спинѣ (*dosc*).

Въ декретѣ, въ которомъ говорилось о запрещеніи моего сочиненія, по обычаю Конгрегаціи, было упомянуто также объ осужденіи руководства (*Manuel*) о. Лекё, чтобы заявить, что авторъ *подчинился*. Но упоминаніе это было выражено такъ-же сухо, какъ и само *изъявленіе покорности*. Въ немъ просто говорилось: *auctor se subjecit* (авторъ подчинился); даже безъ прибавленія *laudabiliter* (похвально).

Развѣ я не честно поступилъ, сказавши, что изъявлю покорность, если мнѣ выяснятъ мои заблужденія, укажутъ мотивы осужденія?

Теперь извѣстны эти пресловутыя заблужденія, которыя были лишь мнѣніями, признаваемыми во всѣ времена во Французской церкви самыми учеными писателями. Письмо преосв. Паллю-Дюпарка послужило основаніемъ для доноса *пьяницы* Готье. А Готье, также какъ и Паллю осудили меня за то, что я не былъ ультрамонтаниномъ подобно имъ, а не за мои заблужденія.

Итакъ, я сдѣлался жертвой ультрамонтанскаго фанатизма.

К.

ОБЪ ОБРАЗЪ СУЩЕСТВОВАНІЯ АБСОЛЮТНАГО,

ИЛИ

ОТНОШЕНІЕ МЕЖДУ БЕЗУСЛОВНЫМЪ И УСЛОВНЫМЪ.

Понятіе о безконечной субстанціи въ философіи Декарта и Спинозы. Какъ эти философы понимали безконечность субстанціи? Измѣненіе понятія о Безконечномъ въ послѣдующей философіи. Какимъ образомъ, по ученію нѣмецкихъ философовъ, Абсолютное есть неизмѣняемое и измѣняемое, единое и многое, тождественное и различное. Происхожденіе ученія о единствѣ Безконечнаго съ конечнымъ. Невозможность отождествленія Безусловнаго съ условнымъ.

Когда бытіе Абсолютнаго есть для насъ вопросъ рѣшенный, тогда является другой вопросъ: какъ Абсолютное существуетъ, вопросъ объ образѣ его бытія. Абсолютное познаваемо для насъ настолько, насколько оно открывается въ конечномъ. Посему и вопросъ объ образѣ существованія Абсолютнаго можетъ быть иначе выраженъ такъ: каково отношеніе между Безконечнымъ и конечнымъ, Безусловнымъ и условнымъ. Отношеніе же это мыслимо въ двоякомъ видѣ: либо Абсолютное существуетъ только въ конечномъ, слѣдовательно, по своему существованію, нераздѣльно съ конечнымъ, а только мысленно можетъ быть отдѣляемо отъ него, или же Абсолютное имѣетъ бытіе само въ себѣ, бытіе отдѣльное и независимое отъ бытія конечнаго. Въ первомъ случаѣ отношеніе Безусловнаго къ условному есть необходимое, а въ послѣднемъ—оно должно быть признано свободнымъ. И самое понятіе объ Абсолютномъ при этомъ получается различное. Если

Абсолютное обладает бытіемъ независимымъ и свободнымъ, тогда оно есть духъ; если же признать, что бытіе Абсолютнаго нераздѣльно съ бытіемъ конечнаго, то Абсолютное должно быть въ такомъ случаѣ понимаемо какъ начало космическое, пребывающее и дѣйствующее въ мірѣ, какъ его душа, какъ движущая и образующая его сила, или субстанція.

Разсмотримъ означенныя предположенія объ образѣ существованія Абсолютнаго.

Для Декарта было несомнѣнной истиной, что существуетъ безконечная субстанція, хотя онъ и находить нужнымъ доказывать эту истину. Впрочемъ, въ своей философіи Декартъ занимается исключительно изслѣдованіемъ конечныхъ субстанцій. Какъ существуетъ безконечная субстанція и каково отношеніе ея къ субстанціямъ конечнымъ,—это у Декарта не разъясняется. Бытіе безконечной субстанціи у Декарта остается въ тѣни, между тѣмъ какъ все вниманіе его обращено на субстанціи конечныя. Декартъ признавалъ даже возможнымъ изъяснить происхожденіе и существованіе міра при помощи однихъ только законовъ движенія, необходимо присущихъ матеріи, причемъ все значеніе безкопечной субстанціи ограничивалъ тѣмъ, что производилъ отъ нея лишь начало движенія, первый толчекъ, необходимый для того, чтобы законы движенія могли начать свое дѣйствіе. Однако же и по Декарту самымъ твердымъ и рѣшительнымъ ручательствомъ истинности нашего познанія можетъ служить только бытіе безконечной субстанціи. Отсюда прямо слѣдуетъ тотъ выводъ, что всѣ вещи съ достовѣрностію могутъ быть познаваемы не чрезъ себя, а только чрезъ безконечную субстанцію, такъ что все бытіе должно быть изъясняемо изъ субстанціи. Дѣйствительно, въ этомъ состоитъ задача философіи Спинозы. Безконечная субстанція, очевидно, должна быть необходимымъ условіемъ и первымъ началомъ бытія для всего конечнаго. Все конечное существуетъ только чрезъ безконечную субстанцію и чрезъ нее же познается. Бытіе и познаніе нераздѣльны. Истинное познаніе есть выраженіе бытія, и наоборотъ—бытіе должно быть связано съ познаніемъ. Основаніе же этой связи между познаніемъ и бытіемъ, основаніе единства того и

другого можетъ заключаться только въ безконечной субстанціи. Единствомъ субстанціи обуславливается единство бытія и познанія. Таковы основныя положенія философіи Спинозы. Для Декарта мысль о безконечной субстанціи была лишь вспомогательнымъ средствомъ разсѣять сомнѣніе въ познаваемости вещей, а также для того, чтобы привести въ движеніе міровую машину. Для Спинозы безконечная субстанція есть основаніе какъ познанія, такъ и бытія. Поэтому Декартъ только по мѣрѣ надобности пользуется идеею безконечной субстанціи; напротивъ, для Спинозы въ познаніи субстанціи, въ разъясненіи ея существа заключается главная задача и единственный способъ добыть достовѣрное познаніе обо всемъ прочемъ. Повидимому Спиноза вѣрнѣе мыслилъ о безконечной субстанціи, чѣмъ Декартъ, такъ какъ вполне понималъ и должнымъ образомъ оцѣнивалъ значеніе ея, чего мы не видимъ въ философіи Декарта. Но для характеристики понятія объ Абсолютномъ важно не то, въ какой мѣрѣ пользуются этимъ понятіемъ, но каково самое понятіе, въ чемъ оно состоитъ. Обращая вниманіе на первое, т. е. на то широкое значеніе, какое Спиноза усвоилъ понятію о безконечной субстанціи въ своей философіи, одни находили, что Спиноза, такъ сказать, былъ упоенъ божествомъ, что для него все, кромѣ Бога не существовало, и что слѣдовательно справедливо признать его человѣкомъ религіознымъ и благочестивымъ; другіе же, принимая во вниманіе не то, какъ Спиноза пользовался въ своей философіи понятіемъ о Богѣ, какъ субстанціи безконечной, но то, каково было самое это понятіе, готовы были признать Спинозу атеистомъ. Одни такъ разсуждали: Спиноза поставилъ на мѣсто Бога природу, міръ, слѣдовательно, твореніе вмѣсто Творца для него было Богомъ. Богъ Спинозы не что иное какъ вселенная, посему ученіе его о Богѣ есть *пантеистическое*. Другіе же говорятъ, что міръ для Спинозы, напротивъ, вовсе не существуетъ. Спиноза весь въ Богѣ и только одного Бога онъ видитъ повсюду, Его одного созерцаетъ, Имъ наслаждается; вся жизнь для него заключается въ любви къ Богу (*amor Dei intellectualis*). Поэтому точнѣе было бы назвать систему Спинозы не *пантеизмомъ*, а *акосмизмомъ*.

Столь противоположныя сужденія о философскомъ ученіи Спинозы, очевидно, объясняются тѣмъ, что исходятъ изъ различнаго понятія о Богѣ. Различіе же заключается въ томъ, какъ понимаютъ отношеніе Бога къ міру, Безусловнаго къ условному. Что такое субстанція Спинозы? Важнѣйшей ея чертой слѣдуетъ признать то, что она существуетъ *не въ себѣ*, а только въ мірѣ, какъ нераздѣльная съ бытіемъ вещей, общая ихъ основа. Въ себѣ самой субстанція Спинозы ничто, а въ другомъ, отличномъ отъ нея бытіи, именно въ модусахъ, она есть все. Хотя, вмѣстѣ съ протяженіемъ, мышленіе также есть атрибутъ субстанціи, однако же сама въ себѣ субстанція разумомъ не обладаетъ, ибо что такое тотъ универсальный умъ, который у Спинозы называется безконечнымъ модусомъ въ отличіе отъ модусовъ конечныхъ? Это есть совокупность всѣхъ частныхъ умовъ или идей, присущихъ конечнымъ существамъ. Не обладая разумомъ, субстанція Спинозы не имѣетъ также и воли. Она ничего не творитъ, а только своимъ вѣчнымъ бытіемъ условливаетъ бытіе конечныхъ вещей; не воля субстанціи, а самое ея бытіе есть причина всего. Она просто существуетъ, и этого довольно, чтобы и все прочее существовало, посему и называется субстанціей. Бытіе субстанціи не раздѣльно съ бытіемъ всего того, для чего субстанція служитъ условіемъ или причиною. Словомъ, субстанція Спинозы необходима и только необходима, а потому не свободна. Такимъ образомъ ей не свойственны ни самосознаніе, ни самообладаніе; и разумъ и воля, позпаніе и добродѣтель невозможны въ самой субстанціи, а только въ ея модусахъ открываются. На долю субстанціи остается, повидимому, одно только преимущество,— безконечность. Но и этимъ свойствомъ субстанція Спинозы, какъ увидимъ, не обладаетъ сама по себѣ, не смотря на то, что безконечность прямо признается необходимымъ свойствомъ субстанціи, почему и отрицается возможность конечныхъ субстанцій.

Замѣчательно, что не смотря на указанное выше различіе въ употребленіи идеи безконечной субстанціи въ философіи Декарта и Спинозы, эти философы одинаково понимали безконечность какъ атрибутъ субстанціи. Опредѣляя конечное

какъ ограниченіе безконечнаго, они могли допустить бытіе конечнаго рядомъ съ Безконечнымъ не иначе, какъ помѣстивъ все конечное въ самомъ Безконечномъ, иначе Безконечное, по ихъ понятію о немъ, не могло бы быть таковымъ, т. е. утратило бы свою безконечность чрезъ ограниченіе оной конечнымъ, если бы послѣднее не было заключено въ Безконечномъ. Декартъ, правда, рѣшительно не утверждаетъ, что конечное можетъ существовать только въ безконечномъ; напротивъ, какъ извѣстно, Декартъ отъ Безконечной субстанціи различалъ субстанціи конечныя, чѣмъ само собою предполагается самостоятельное бытіе существъ конечныхъ на ряду съ Безконечнымъ. Не смотря на то, понятіе о Безконечной субстанціи уже у Декарта таково, что оно неминуемо приводило къ заключенію о бытіи всего конечнаго въ Безконечномъ. Быть можетъ потому именно Декартъ не обращается къ нарочитому изслѣдованію идеи Безконечнаго, что предвидѣлъ неизбежность для себя означеннаго вывода, который для него не могъ быть желательнымъ. А что дѣйствительно тотъ выводъ неминуемъ былъ уже для Декарта, это очевидно уже изъ указаннаго выше понятія Декарта о безконечности. Подобно тому, какъ въ области конечнаго геометрическаго формы и отношенія Декартъ признавалъ наиболѣе существенными, полагая сущность вещей въ протяженіи, и самую безконечность онъ понималъ также въ смыслѣ геометрическомъ, именно какъ безконечное протяженіе; ибо конечное, по опредѣленію Декарта есть, какъ сказано выше, ограниченіе безконечнаго; но вѣдь и каждая пространственная форма также есть ограниченіе безконечнаго пространства. Безконечное, пространство потому только остается безконечнымъ, не смотря на ограниченія пространственныхъ формъ, что всѣ возможныя формы содержатся въ немъ какъ части въ цѣломъ. Не такъ ли и конечное существуетъ только въ Безконечномъ дабы послѣднее всегда могло сохранять свою безконечность, не смотря на ограниченія ея чрезъ конечныя вещи? Ограниченія Безконечнаго не наносятъ никакого ущерба безконечности только при томъ условіи, если это ограниченія внутреннія, слѣдовательно объемлемыя безконечностію, а не отдѣльно отъ нея

существующія. Вотъ почему Спиноза отвергаетъ Декартово различеніе конечныхъ субстанцій отъ Безконечной: въ собственномъ смыслѣ одна только можетъ быть субстанція, ибо невозможно признать субстанціями ограниченія безконечной субстанціи, неотдѣлимыхъ отъ нея и въ ней самой заключенныхъ, а таковы конечныя вещи. Такимъ образомъ дѣйствительно субстанція Спинозы удерживаетъ свою безконечность, не смотря на бытіе ограничивающихъ ее конечныхъ вещей. Но каково значеніе, каковъ смыслъ этой безконечности? Если конечныя вещи существуютъ въ субстанціи и объемлются ея безконечностію, то очевидно значеніе послѣдней заключается въ томъ, что она *служитъ* объединяющею связью для всего конечнаго; чрезъ нее все конечное имѣетъ единство и связь. Значитъ, даже безконечность субстанціи нельзя признать свойствомъ принадлежащимъ самой субстанціи; свойство это, въ значеніи единства и связи всѣхъ конечныхъ вещей, очевидно, оказывается принадлежностію конечнаго, конечныя вещи существуютъ въ самой субстанціи, но различіе ихъ отъ субстанціи чрезъ то не уничтожается. Дѣйствительно, вѣдь и умъ универсальный, по философіи Спинозы, безконеченъ; но однако онъ не есть сама субстанція, а только ея безконечный модусъ, слѣдовательно, безконечность есть принадлежность модусовъ отличныхъ отъ самой субстанціи. Такимъ образомъ сама въ себѣ субстанція Спинозы ничего не имѣетъ и ничѣмъ не обладаетъ.

Иное дѣло, если бы разумъ и воля, принадлежащія конечнымъ существамъ, исходили отъ субстанціи, какъ ея произведенія или дары, — тогда конечно слѣдовало бы признать ихъ принадлежащими самой субстанціи; но, по философіи Спинозы, существованіе модусовъ такъ же не имѣетъ начала какъ и бытіе самой субстанціи. Равнымъ образомъ и ограниченія безконечности субстанціи, каковыми, по философіи Спинозы, должно признать конечныя вещи, не препятствовали бы относить безконечность къ самой субстанціи, если бы таковыя ограниченія исходили отъ самой субстанціи и были бы собственнымъ ея дѣломъ, ибо только самоограниченіе, какъ дѣйствіе свободное, не нарушаетъ безконечности, такъ какъ въ

сущности оно означаетъ употребленіе принадлежащаго субстанціи свойства; а употребленіе свидѣтельствуеетъ именно объ обладаніи тѣмъ, что употребляется. Ограниченія же, хотя бы и существующія въ самой субстанціи, но неисходяція изъ нея какъ свободныя дѣйствія, должны быть чуждыми, какъ бы посторонними, для самой субстанціи, слѣдовательно, нарушающими ее безконечность, т. е. отчуждающими и это свойство субстанціи въ свою пользу... Что дается во временное пользование, не перестаетъ быть собственностію и владѣніемъ того, къ кому дается. Модусы же субстанціи Спинозы въ сложности совѣчны ей и слѣдовательно все принадлежащее имъ принадлежитъ имъ изначала и навсегда.

Итакъ вотъ съ какими трудностями сопряжено было ученіе Спинозы о существованіи всѣхъ конечныхъ вещей въ безконечности субстанціи. Съ одной стороны, повидимому, было необходимо признать разумъ принадлежностію лишь существъ конечныхъ, ибо и самый безконечный разумъ есть не что иное, какъ совокупность частныхъ умовъ; но какъ же возможно чтобы субстанція безконечная *сама въ себѣ* не была разумною. Съ другой стороны и безконечность субстанціи, помимо конечныхъ вещей, оказывается пустымъ словомъ, ибо въ дѣйствительности она служитъ связью и объединеніемъ конечныхъ вещей, слѣдовательно, реально, по своему дѣйствительному значенію, должна быть относима къ существамъ конечнымъ, субстанція же принадлежитъ свойство безконечности лишь номинально, ибо независимо она имъ не обладаетъ; напротивъ, вся безконечность субстанціи состоитъ, такъ сказать, въ обладаніи у модусовъ. Но какъ же субстанція можетъ быть безконечною, если въ собственномъ и первоначальномъ смыслѣ безконечность ей не принадлежитъ, ибо дѣйствительнымъ свойствомъ оно является только посредствомъ модусовъ? Итакъ, если надлежало идти далѣе въ томъ же направленіи мышленія, которое было начато уже Декартомъ, то требовалось разрѣшить слѣдующія проблемы: а) какимъ образомъ безконечная субстанція *сама въ себѣ* можетъ быть разумною при томъ условіи, что дѣйствительный разумъ есть принадлежность конечныхъ существъ; б) какимъ образомъ безконечность можно

разсматривать какъ свойство самой субстанціи, если дѣйствительнымъ свойствомъ безконечность становится только чрезъ посредство конечныхъ вещей? Необходимость разрѣшенія этихъ проблемъ представлялась совершенно ясною послѣ того, какъ было выведено Кантомъ заключеніе, что Безусловное есть не болѣе какъ субъективное представленіе, или иначе, идея разума. Послѣ того какъ основныя свойства Безусловнаго—безковечность и разумность, по философіи предшествовавшей Канту, оказывались принадлежащими въ дѣйствительности лишь существамъ конечнымъ, Безусловное само собою обращалось чрезъ то въ простое представленіе, въ субъективную идею. Однакожь и самъ Кантъ указывалъ на практическую необходимость признать реальность таковой идеи. И такъ, требовалось представить Безусловное какъ существо дѣйствительное, существующее *отъ себя*, а не только въ конечномъ и чрезъ конечное. Для разрѣшенія этой задачи необходимо было измѣнить понятіе о Безконечномъ. Чтобы Безконечное, существуя въ конечномъ, не терялось въ немъ, это возможно только при томъ условіи, если а) само Безконечное, проявляясь въ конечномъ, дѣятельно удерживаетъ свою самостоятельность, если, то есть, оно не просто существуетъ (какова субстанція Спинозы), но есть субъектъ (по выраженію Гегеля) непрерывно дѣйствующій, а также если при всяческихъ измѣненіяхъ постоянно остается тождественнымъ, если т. е. переходя въ иное, постоянно однако остается равнымъ себѣ самому, въ себѣ пребываетъ.

Но какъ доказать, что Безусловное именно таково, что оно непрерывно дѣйствуетъ, и въ своей дѣятельности сохраняетъ свое тождество, слѣдовательно, не перестаетъ оставаться при себѣ самомъ? Для этого стоитъ лишь показать, что во всемъ измѣняющемся и повсюду господствуетъ тотъ же порядокъ и образъ совершенія всяческихъ перемѣнъ. Съ другой стороны, какъ возможно, чтобы производящее всяческія перемѣны само оставалось неизмѣннымъ, и чтобы рождающее изъ себя необозримое разнообразіе явленій сохраняло неизмѣнно свое единство, тождество? Вопросъ этотъ рѣшается просто: Кантъ утверждалъ, и это было признано послѣдующею фило-

софіею, что пространство и время суть субъективныя формы явленій, и, что слѣдовательно, по существу вещи должны быть внѣ пространства и времени. Поэтому Безусловное внѣ пространства, а слѣдовательно не состоитъ изъ частей, т. е. едино при множественности явленій; оно же внѣ времени, слѣдовательно, никакимъ перемѣнамъ не подлежитъ (ибо всякая перемѣна происходитъ во времени), а вмѣстѣ съ тѣмъ проявленія Безусловнаго непрерывно измѣняются.

Итакъ первое предположеніе, изъ котораго теперь исходить рѣшеніе вопроса объ образѣ существованія Абсолютнаго, или иначе, объ отношеніи его къ конечному, есть то, что Абсолютное не просто существуетъ, а дѣйствуетъ,—и самое бытіе его состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ непрестанной дѣятельности. Такое понятіе объ Абсолютномъ само собою вытекаетъ изъ того, что оно есть *причина* всего конечнаго.

Абсолютное не было бы таковымъ, т. е. Абсолютнымъ, если бы оно было ограничено временемъ, слѣдовательно, для дѣятельности Абсолютнаго не можетъ быть ни начала, ни конца; ибо дѣятельность Абсолютнаго, очевидно, должна быть соотвѣтственно самому Абсолютному: какъ Абсолютное безконечно, такова же должна быть и дѣятельность его. Соотвѣтствіе же дѣятельности Абсолютнаго съ его существомъ очевидно означаетъ, что въ ней открывается само Абсолютное, или, иначе, дѣятельность Абсолютнаго состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ постепенномъ раскрытіи и обнаруженіи собственнаго его существа. Такъ оправдывается извѣстное положеніе Спинозы, что субстанція есть *causa sui*; назначеніе дѣятельности Абсолютнаго заключается въ немъ самомъ, въ осуществленіи себя. Какъ же именно происходитъ творческая дѣятельность Абсолютнаго, каковъ образъ этой дѣятельности?

Хотя конечная цѣль дѣятельности Абсолютнаго заключается въ немъ самомъ, въ раскрытіи самого себя, но средствомъ къ этой цѣли можетъ служить только непрерывное и послѣдовательное произведеніе конечныхъ вещей и существъ. Ибо Абсолютное, будучи безконечнымъ, можетъ проявить себя соотвѣтственнымъ себѣ образомъ только въ *безконечномъ* ряду дѣйствій, изъ коихъ каждое не есть то, что другое, слѣдова-

тельно всё различны между собою, но вмѣстѣ съ тѣмъ всё равны или тождественны въ томъ, что одинаково служатъ проявленіями Абсолютнаго, слѣдовательно, различнымъ образомъ открываютъ Абсолютное. Все конечное, не смотря на свою противоположность Абсолютному, однако изъ него происходитъ, и есть его явленіе или откровеніе, слѣдовательно, противоположность эта производится самимъ Абсолютнымъ, и состоитъ въ томъ, что Абсолютное противопоставляетъ себѣ себя же самого, т. е. само же становится конечнымъ чрезъ *самоограниченіе*, такъ что всякое конечное явленіе представляетъ собою актъ самоограниченія Абсолютнаго. Это значитъ, что и въ конечномъ, не смотря на его противоположность Абсолютному, послѣднее все же остается самимъ собою, сохраняетъ свое тождество. Это тождество Абсолютнаго, удерживаемое имъ во всякомъ ограничивающемъ его явленіи, выражается въ томъ, что Абсолютное всякое такое явленіе, по несоотвѣтствію его съ нимъ, отрицаетъ,—съ тѣмъ, чтобы перейти къ новому явленію и открыться инымъ образомъ. Въ этомъ безконечномъ ряду самоограниченій Абсолютнаго возможны лишь разныя степени приближенія конечнаго къ Безконечному, но совершеннымъ образомъ ни въ одномъ изъ нихъ Безконечное не открывается: вполнѣ соотвѣтственнымъ обнаруженіемъ Абсолютнаго можетъ быть только безконечное; конечное же можетъ быть безконечнымъ только въ смыслѣ безконечно продолжающагося ряда отдѣльныхъ моментовъ и явленій.

Итакъ, теперь для насъ опредѣленъ способъ дѣятельности Абсолютнаго, какъ равно опредѣлены цѣль и отношеніе ея къ самому Абсолютному. Способъ или образъ дѣятельности Абсолютнаго состоитъ въ томъ, что чрезъ самоограниченіе оно производитъ изъ себя конечное, но произведя одно конечное явленіе, Абсолютное не остается въ немъ, а отрицаетъ его съ тѣмъ, чтобы произвести новое конечное явленіе и т. д., ибо конечное служитъ только средствомъ обнаруженія Абсолютнаго, хотя ни въ одномъ конечномъ явленіи Абсолютное не можетъ открыться вполнѣ, потому и переходитъ безъ конца отъ одного явленія къ другому.

Если бы даже было доказано, какъ это хотѣлъ сдѣлать Гегель въ своей системѣ, что все измѣняющееся дѣйствительно повсюду одинаковымъ образомъ измѣняется, переходя отъ момента положительнаго къ отрицательному, и отъ момента отрицательнаго снова къ положительному, то какимъ образомъ одинаковый образъ измѣненій, совершающихся повсюду, свидѣтельствовалъ бы о томъ, что движущею ихъ силою служить само Абсолютное, изъ чего видно, что въ конечномъ пребываетъ собственнымъ своимъ существомъ и повсюду открывается въ немъ само Абсолютное? Что конечное есть произведеніе Абсолютнаго, — это не можетъ служить доказательствомъ непосредственнаго присутствія и дѣйствования во всемъ конечномъ самого Абсолютнаго. Произведенія Абсолютнаго были бы слишкомъ несовершенны, если бы не могли дѣйствовать собственными, дарованными имъ, силами и по установленнымъ для нихъ законамъ. Такой взглядъ на отношеніе Безконечнаго къ конечному нельзя оправдать тѣмъ, что если бы Абсолютное само не дѣйствовало въ конечномъ, тогда послѣднее, будучи отдѣльнымъ, такъ сказать, отъ Абсолютнаго, ограничивало бы его, а чрезъ то Абсолютное не было бы такимъ, между тѣмъ какъ ограниченіе Абсолютнаго, понимаемое въ смыслѣ *самоограниченія*; не противорѣчитъ понятію Абсолютнаго. Самоограниченіе конечно предполагается свободою; но если самоограниченіе непрерывно совершается Абсолютнымъ, какъ средство къ осуществленію имъ самого себя, или обнаруженію себя въ дѣйствительности, тогда самоограниченіе уже не есть болѣе актъ свободный, имѣющій нравственное значеніе, а обращается въ метафизическую необходимость. Не по свободному рѣшенію Абсолютное ограничиваетъ себя дабы, такъ сказать, дать мѣсто другимъ существамъ, а ради себя самого Абсолютное себя ограничиваетъ; слѣдовательно безъ самоограниченія Абсолютное и существовать не можетъ, а такая необходимость для Абсолютнаго не болѣе ли ограничиваетъ его, чѣмъ конечное, полагаемое имъ отдѣльно отъ себя по свободному избранію? При томъ же достигается ли по крайней мѣрѣ цѣль, ради которой Абсолютное непрестанно ограничиваетъ себя? Цѣль эта не достигается

и не можетъ быть достигнута. Только въ безконечномъ ряду самоограниченій Абсолютное можетъ открыться и сдѣлаться вполне дѣйствительнымъ. Но это значитъ, что Абсолютное можетъ лишь *открываться*, а не *открыться*. ибо въ безконечность продолжающійся рядъ проявленій Абсолютнаго закончиться никогда не можетъ. Производя постоянно конечныя явленія съ тѣмъ, чтобы чрезъ нихъ обнаружить себя и стать дѣйствительнымъ, Абсолютное вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно, одно за другимъ, само же устраняетъ производимыя имъ явленія, и такимъ образомъ постоянно какъ бы ведетъ борьбу съ имъ же самимъ производимыми явленіями, но никогда однако не достигаетъ полнаго торжества. Въ дѣйствительности, слѣдовательно, только и остается одна борьба за существованіе, какъ всеобщій законъ всѣхъ конечныхъ явленій, а Абсолютное оказывается пустымъ словомъ безъ всякаго дѣйствительнаго значенія. Если бы необходимость отрицанія одного конечнаго явленія другимъ заключалась въ природѣ конечныхъ существъ, тогда Абсолютное было бы свободно отъ несовершенствъ конечнаго бытія, но означенная необходимость полагается въ самомъ Абсолютномъ вслѣдствіе отождествленія Абсолютнаго съ природою конечныхъ существъ.

Съ другой стороны, какимъ образомъ можно полагать цѣль самоограниченій въ самомъ Абсолютномъ, именно въ необходимости для него самоосуществленія, если уже, помимо своихъ конечныхъ проявленій, какъ независимое отъ формъ пространства и времени, оно тождественно и едино, и такимъ же остается во всѣхъ своихъ обнаруженіяхъ? Одно изъ двухъ: или самоограниченія Абсолютнаго производятъ переменны въ немъ самомъ, и, слѣдовательно, Абсолютное не остается всецѣло тождественнымъ, но развивается; или же Абсолютное не измѣняется въ самомъ себѣ; тогда какой смыслъ имѣютъ самоограниченія Абсолютнаго, будто бы совершаемыя имъ для себя самого? Разрѣшеніе этой альтернативы находимъ въ системѣ Гегеля слѣдующее: Абсолютное есть таково, уже независимо отъ своихъ проявленій, которыя, слѣдовательно, не измѣняютъ его; но тѣмъ не менѣе явленія необходимы для Абсолютнаго въ томъ отношеніи, что только чрезъ нихъ Абсо-

лютное приходитъ *изъ самосознанію*, то есть познаетъ себя какъ Абсолютное. По своему существенному бытію Абсолютное остается, слѣдовательно, при всѣхъ измѣненіяхъ, тождественнымъ; измѣняется Абсолютное лишь въ своихъ проявленіяхъ; но измѣненія этого рода не только не нарушаютъ тождества Абсолютнаго, напротивъ, имѣютъ цѣлью своею не что иное, какъ познаніе этого *тождества*. Черезъ постепенное развитіе самосознанія Абсолютное лишь овладѣваетъ самимъ собою, слѣдовательно, становится *для самого себя* тѣмъ же, что есть оно *въ самомъ себѣ* уже помимо развитія въ немъ самосознанія.

Необходимымъ условіемъ для познанія себя служить раздвоеніе; ибо всякое познаніе предполагаетъ *субъектъ* познающей и *объектъ* познаваемый. Въ самопознаніи субъектъ познающей самъ же становится для себя объектомъ. Въ этомъ именно и заключается истинный смыслъ самоограниченій Абсолютнаго. Объектъ есть то, что противостоитъ субъекту и ограничиваетъ его. Поэтому и Абсолютное можетъ быть объектомъ для себя только чрезъ то, что ограничиваетъ себя, какъ бы отчуждаетъ отъ себя нѣкоторую часть, которую и обращаетъ въ предметъ познанія, — только часть отчуждаетъ отъ себя, ибо не только объектомъ, но и субъектомъ познающимъ должно быть; такъ какъ поэтому познаніе себя оказывается постоянно неполнымъ, то отсюда и происходитъ, что Абсолютное можетъ осуществлять самопознаніе только чрезъ непрерывный рядъ самоограниченій. Конечно, Абсолютное, по своей безконечности, безъ конца должно восходить отъ степени къ степени въ развитіи самосознанія, не достигая вполнѣ этой цѣли. Но, съ другой стороны, если взять во вниманіе, что Абсолютное само въ себѣ, т. е. независимо отъ своихъ проявленій, какъ не подлежащее условіямъ пространства и времени, должно быть едино и нераздѣльно, то очевидно должно быть возможно и самосознаніе Абсолютнаго чрезъ единый и нераздѣльный актъ познающей дѣятельности. Понятно далѣе, что этотъ актъ можетъ быть совершенъ только чрезъ мышленіе, ибо пространство и время суть формы чувственнаго созерцанія; мышленіе же подлечитъ имъ лишь

въ той мѣрѣ, насколько оно вступаетъ въ отношеніе къ чувственному бытію; когда же имѣетъ своимъ предметомъ сверхчувственное, тогда оно свободно отъ всякихъ ограниченій пространства и времени и слѣдовательно должно быть тождественно и едино со своимъ предметомъ. А въ этомъ-то тождествѣ мышленія съ мыслимымъ и состоитъ самопознаніе. Отсюда слѣдуетъ, что самосознаніе достижимо для Абсолютнаго только чрезъ мышленіе, что само Абсолютное есть не что иное, какъ мышленіе себя мыслящее, или иначе, разумъ познающій себя, идея все собою объемлющая и представляющая въ себѣ, абсолютная идея.

Итакъ, теперь мы уже не можемъ сказать, что Абсолютное не достигаетъ цѣли, заключающейся въ самопознаніи. И можетъ ли быть иначе? Вѣдь что такое въ сущности Абсолютное? Въ отношеніи ко всему конечному оно есть цѣль, притомъ не отдѣльно отъ него существующая, а въ самомъ конечномъ пребывающая и дѣйствующая непрерывно. Какъ же возможно, чтобы цѣль, ради которой происходитъ самораскрытіе Абсолютнаго въ конечномъ,—не достигалась, когда само Абсолютное и есть эта цѣль, когда, по самому своему существованію, Абсолютное имѣетъ значеніе цѣли, и слѣдовательно признать цѣль всего конечнаго недостижимою значитъ признать само Абсолютное не существующимъ. Какъ же теперь согласить одно съ другимъ, именно то, что конечная цѣль всего мірового процесса, съ одной стороны, непрерывно *осуществляется*, и самый этотъ процессъ состоитъ именно въ осуществленіи цѣли, съ другой же стороны эта цѣль просто *существуетъ*, слѣдовательно не осуществляется? Съ понятіемъ осуществленія цѣли у насъ соединяется представленіе *времени*; процессъ осуществленія цѣли во времени совершается, но самая цѣль лежитъ *внѣ времени*, и, какъ пребывающая *внѣ времени*, она очевидно не подлежитъ никакимъ измѣненіямъ, но всегда остается тождественною, слѣдовательно просто существуетъ. То же слѣдуетъ признать и въ отношеніи пространства: все конечное ограничено пространствомъ и потому множественно и раздѣлено на части, напротивъ, Абсолютное—*внѣ пространства*, не находится въ про-

странствѣ, а потому едино и нераздѣльно. Удовлетвориться такимъ рѣшеніемъ вопроса, очевидно, нельзя: если Абсолютное внѣ пространства и времени, тогда слѣдуетъ его рѣшительно раздѣлять отъ всего конечнаго, которое зависитъ отъ условій пространства и времени; въ такомъ случаѣ уже нельзя сказать, что Абсолютное раскрывается въ конечномъ, осуществляется чрезъ него, посредствомъ конечнаго достигаетъ самосознанія. Весь вопросъ сводится, очевидно, къ тому—какъ понимать *пространство и время*.

Извѣстно, что Кантъ, изслѣдуя этотъ вопросъ, т. е. вопросъ о пространствѣ и времени, пришелъ къ слѣдующему выводу: пространство и время суть такія субъективныя формы чувственнаго познанія, которыя совершенно не отдѣлимы отъ самого этого познанія, и внѣчувственно-созерцательнаго познанія не существуютъ вовсе. Такъ какъ, однако, мы ясно различаемъ предметы познаваемые отъ самого познанія, то это, казалось Канту, и даетъ ему право утверждать, что а) самые предметы познанія, или просто вещи, существуютъ внѣ пространства и времени, ибо иначе пришлось бы признать ихъ существующими только въ нашемъ познаніи, или иначе, пришлось бы познаніе признать безпредметнымъ, ибо предметъ въ познаніи можетъ существовать только какъ *представленіе*, а представленіе, взятое само по себѣ безъ отношенія къ отличному отъ него предмету, не есть познаніе; в) такъ какъ пространство и время—необходимыя формы познанія, то слѣдовательно—вещи, каковы онѣ сами по себѣ, для насъ непознаваемы. Но признать, что вещи для насъ непознаваемы, не значитъ ли это отрицать самое познаніе. Какъ же возможно познаніе безъ предметовъ познаваемыхъ? Посему необходимо было или отвергнуть взглядъ Канта на пространство и время, или же признавъ этотъ взглядъ вѣрнымъ, остановиться на томъ предположеніи, что познаніе наше само же производитъ и самые предметы познаваемые, или иначе, предметы познанія могутъ быть данными для насъ единственно изъ того же источника, откуда происходитъ и самое познаніе. Философія послѣ Канта приняла это послѣднее рѣшеніе. Произошло это не потому, что взглядъ Канта на про-

странство и время не допускаетъ никакого сомнѣнія въ его истинности; но прежде всего условія времени были таковы, что склоняли философію къ означенному рѣшенію: къ тому побуждало и господствовавшее въ то время преувеличенное понятіе о самодѣятельности духа, и рѣшительное противленіе бывшей дотолѣ матеріалистической философіи XVIII в.; притомъ же въ философіи самого Канта такъ велико значеніе означеннаго его взгляда на пространство и время, что, вмѣстѣ съ отрицаніемъ этого взгляда, казалось, должна была пасть цѣликомъ и вся эта философія. Кантъ самъ сравниваетъ установленный имъ взглядъ на познаніе съ великимъ открытіемъ Коперника, между тѣмъ существенное основаніе всего ученія Канта о познаніи заключается въ томъ положеніи, что пространство и время не что иное, какъ субъективныя формы чувственности. Философія Канта, въ полномъ ея составѣ, несомнѣнно произвела столь рѣшительный переворотъ понятій, что увлеченные ею ближайшіе послѣдователи Канта могли думать только о продолженіи начатаго имъ дѣла, а ужь никакъ не о преобразованіи имъ сдѣланнаго. Во всякомъ дѣлѣ новый способъ его исполненія всегда сначала испытывается и многообразно примѣняется для надлежащей его оцѣнки; тѣмъ болѣе въ области философскихъ вопросовъ нельзя ожидать рѣшительнаго приговора по отношенію къ только что установленному принципу, прежде чѣмъ будутъ исчерпаны всѣ заключающіяся въ немъ возможности. Настоящимъ дѣломъ ближайшей къ Канту, послѣдующей философіи— и было именно развитіе послѣдствій установленной имъ новой точки зрѣнія на вещи.

Итакъ, предположимъ вмѣстѣ съ Кантомъ, что пространство и время—субъективныя формы познанія. Какой выводъ получается отсюда прежде всего? Тотъ, что весь этотъ видимый нами міръ принадлежитъ къ области нашего сознанія, цѣликомъ заключенъ въ его предѣлахъ, или, по выраженію Шопенгауера, есть не болѣе какъ только мое представленіе. А такъ какъ всѣ явленія въ своей совокупности составляющія этотъ видимый міръ,—условны, то слѣдовательно Безусловное должно быть положено внѣ пространства и вре-

меня. Но тутъ является вопросъ: какъ же мы можемъ знать даже о томъ, что существуетъ Безусловное, если пространство и время суть необходимыя формы нашего познанія и слѣдовательно познаваемо для насъ только то, что дано въ формахъ пространства и времени? Правда, по Канту, Безусловное, есть только идея нашего разума, однако и Кантъ, какъ уже замѣчено выше, нашель, что практическая необходимость вынуждаетъ насъ признать бытіе Безусловнаго. Итакъ, самая мысль о томъ, что Безусловное существуетъ, одно предположеніе это является загадкою съ точки зрѣнія философіи Канта. Фихте рѣшаетъ эту загадку такъ: Безусловное не внѣ насъ существуетъ, а въ насъ же самихъ, въ нашемъ духѣ, слѣдовательно тамъ же, гдѣ находится и весь этотъ видимый міръ бытія условнаго. Безусловное, по философіи Фихте, есть не что иное, какъ наше я, а такъ какъ и весь міръ видимый тоже принадлежитъ къ области нашего я, то слѣдовательно нужно различать двоякое я: индивидуальное и общее или абсолютное. Какъ же мы должны мыслить бытіе того и другого я? Единство и нераздѣльность нашего духа не дозволяетъ, очевидно, одно я полагать какъ существующее отдѣльно и независимо отъ другого я; напротивъ, необходимо было допустить, что хотя одно я находится внѣ условій пространства и времени, а другое не иначе существуетъ, какъ *во времени и пространствѣ*, однако вмѣстѣ съ тѣмъ одно въ другомъ содержится и одно другимъ производится. Это значить, что абсолютное я входитъ въ область конечнаго я и въ немъ проявляется, само по себѣ оно существуетъ внѣ пространства и времени, но когда открывается въ явленіи, то переживаетъ рядъ состояній временныхъ; но для того только абсолютное я проходитъ рядъ состояній или формъ конечнаго я, дабы этимъ путемъ достигнуть до самосознанія и придти къ полному обладанію самимъ собою. Въ философіи Гегеля тотъ процессъ восхожденія къ самопознанію, совершаемый Абсолютнымъ, рассматривается уже не какъ процессъ происходящій въ нашемъ духѣ, но какъ процессъ міровой, какъ странствованіе мірового духа въ конечныхъ формахъ бытія, какъ воплощеніе Безконе-

чнаго въ конечномъ, ибо еще Шеллингъ разсматривалъ процессъ самосознанія нашего духа, какъ часть міровой исторіи, начинающейся въ природѣ.

Все это указаннаго выше противорѣчія, заключающагося въ двойкомъ представленіи Абсолютнаго, не разрѣшаетъ, а только разъясняетъ его происхожденіе. Противорѣчіе это, какъ видно изъ предыдущаго, было столь необходимо для послѣдующей за Кантомъ философіи, что все движеніе мысли въ этой философіи, возбужденное парадоксальнымъ ученіемъ Канта о пространствѣ и времени, только яснѣе его обнаруживало и раскрывало. Вѣдь и абсолютное я Фихте, хотя оно и существуетъ въ нашемъ духѣ, но, какъ абсолютное, должно быть внѣ пространства и времени, а слѣдовательно мы ничего объ немъ не можемъ знать, даже и того, что оно существуетъ. Если же знаемъ это, то какимъ нибудь образомъ Абсолютное находится въ пространствѣ и во времени. Абсолютное въ самомъ себѣ, по своему внутреннему существу, должно быть полагаемо внѣ пространства и времени. Значитъ ли это, что Абсолютное, какъ оно есть въ самомъ себѣ, по своей внутренней жизни, для насъ непостижимо? По всѣмъ основаніямъ слѣдовало бы это признать, но философія послѣ-кантовскаго періода съ этимъ не соглашается. Она напротивъ утверждаетъ, что Абсолютное всѣмъ своимъ существомъ переходитъ въ область конечныхъ явленій, постепенно раскрывается и чрезъ то дѣлается для насъ вполне познаваемымъ, а какъ Абсолютное совершаетъ процессъ своего раскрытія главнымъ образомъ въ насъ, въ нашемъ духѣ и сознаніи, то познаваемость Абсолютнаго чрезъ насъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ самосознаніе для него самого. Но при такомъ отношеніи Абсолютнаго къ конечнымъ формамъ бытія, если, то есть, оно вполне, всѣмъ своимъ существомъ, переходитъ въ область конечнаго, бытіе его въ самомъ себѣ, внѣ пространства и времени, оказывается пустымъ словомъ. Итакъ, Абсолютное или въ самомъ себѣ пребываетъ, обладаетъ собственною внутреннею жизнію; въ такомъ случаѣ нельзя уже допустить той мысли, что оно всѣмъ своимъ существомъ переходитъ въ область конечныхъ явленій. Или же если Абсолютное, какъ полагаетъ нѣмецкая фи-

лософія, всецѣло открывається въ конечныхъ явленіяхъ, и чрезъ нихъ только становится вполнѣ дѣйствительнымъ, тогда какой смыслъ можетъ имѣть утвержденіе, что Абсолютное существуетъ въ себѣ, что оно, въ противоположность конечнымъ явленіямъ, тождественно и неизмѣнно? Ясно, что Кантовскій взглядъ на пространство и время привелъ нѣмецкую философію къ необходимости утверждать противорѣчающія, совершенно не совмѣстимыя одно съ другимъ положенія. Съ одной стороны, Абсолютное полагается внѣ пространства и времени, съ другой стороны, дабы возможно было утверждать что-либо объ Абсолютномъ, необходимо допустить познаваемость его, а это значить, что Абсолютное открывається въ формахъ конечнаго бытія, т. е. въ пространствахъ и времени. Противорѣчіе, лежащее въ самомъ основаніи философской системы, не слѣдуетъ ли признать разрушающимъ всю систему? Философія Гегеля устраняетъ и это затрудненіе просто тѣмъ, что признаетъ противорѣчіе основнымъ закономъ самого бытія вещей. Абсолютное раскрывається въ конечномъ. Какъ же именно происходитъ это самораскрытіе Абсолютнаго въ конечномъ? Оно состоитъ въ томъ, что Абсолютное то полагаетъ, то отрицаетъ полагаемое имъ, а такъ какъ положеніе и отрицаніе того же и есть именно противорѣчіе, то Абсолютное, *чрезъ постоянное противорѣчіе самому себѣ*, раскрывається въ явленіяхъ. Противорѣчіемъ себѣ самому оказывается уже то, что Абсолютное переходитъ въ конечное, ограничивая себя, и чрезъ то какъ бы отрицаетъ самого себя, и затѣмъ каждое конечное явленіе, полагаемое имъ, также отрицаетъ, замѣняя его другимъ. Противорѣчія впрочемъ нѣтъ на самомъ дѣлѣ, когда утвержденіе и отрицаніе, хотя бы и относились къ тому же предмету, выражаютъ не одно и то же; между тѣмъ, по философіи Гегеля, въ діалектическомъ развитіи абсолютной идеи послѣдующій моментъ, хотя и отрицаетъ собою предыдущій, но отрицая, замѣняетъ его новымъ положеніемъ, слѣдовательно, выражаетъ не то же самое, а представляетъ Абсолютное уже въ новомъ видѣ, иначе не было бы развитія. Поэтому, что Гегель называетъ противорѣчіемъ, — оказывается послѣдовательною смѣною конечныхъ проявленій Абсолютнаго.

Противорѣчіе, заключающееся въ самомъ корнѣ философіи Гегеля, возможно ли было устранить распространеніемъ его на всю познаваемую дѣйствительность?.. Такимъ образомъ даже и столь рѣшительное повидимому средство, какъ возведеніе противорѣчія въ законъ бытія, нисколько не помогаетъ выпутаться изъ затрудненія, заключающагося въ томъ, что все бытіе Абсолютнаго безъ остатка разрѣшается въ конечныя явленія, и хотя утверждается бытіе его въ себѣ, но ни изъ чего не видно, въ чемъ же состоитъ это бытіе и какъ оно возможно, если Абсолютное только въ области конечнаго достигаетъ самосознанія. Означенное утвержденіе лишено всякаго значенія, ибо вмѣсто обоснованія и развитія истинной идея Абсолютнаго мы видимъ превращеніе Абсолютнаго въ рядъ конечныхъ явленій, хотя бы этотъ рядъ простирался въ безконечность, а такое разложеніе Абсолютнаго на конечныя явленія ничѣмъ не разнится отъ прямого отрицанія Абсолютнаго. Дѣйствительно, господствующая теперь идея есть та, что для насъ существуетъ только условное и относительное, Абсолютное же есть не болѣе какъ фикція ума, не заключающая въ себѣ никакого положительнаго содержанія. Простого утвержденія, что Абсолютное существуетъ въ себѣ, слишкомъ недостаточно, коль скоро оно не оправдывается на дѣлѣ, когда рядомъ съ этимъ утвержденіемъ проводится мысль, что Абсолютное безъ остатка разрѣшается въ конечныя явленія. Означенное утвержденіе должно быть обосновано надлежащимъ образомъ, дабы оно не оставалось ничего незначащимъ, пустымъ словомъ. Но мы видѣли, что въ тѣсной связи съ тѣмъ утвержденіемъ стоитъ вопросъ о пространствѣ и времени; слѣдовательно необходимо для означенной цѣли рѣшить также вопросъ, можно ли признать вѣрнымъ взглядъ Канта на пространство и время, и на чемъ слѣдуетъ остановиться по этому вопросу.

П. Линицкій.

СУДЬБЫ ИДЕИ О БОГѢ

въ

ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО МИРОСОЗЕРЦАНІЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

(Окончаніе *)

Переходимъ къ разсмотрѣнію

6. Свойствъ Божіихъ *духовныхъ*, идеальныхъ, нравственныхъ.

И прежде всего, по прежнему, рассмотримъ—

а) Свойства Ума Божія.

а) *Всевѣдѣніе*. Платонъ признаетъ Божество всевѣдущимъ, то есть знающимъ все и при томъ совершеннѣйшимъ образомъ. Ибо какъ истинный Богъ *въстѣ вся* (1 Іоан. 3, 20) и *вся нага и объявлена предъ очима Его* (Евр. 4, 13), такъ что *предъ очима суть Божіима путіе мужа: ося же теченія ея назираетъ* (Притч. 5, 21) и *Той зритель есть дѣла человѣческихъ, утаится же отъ Него ничтоже* (Іов. 34, 21): такъ и у Платона «боги все знаютъ, видятъ и слышатъ (θεοὺς.... φατὲ γινώσκουσιν καὶ ὁρᾶν καὶ ἀκούουσιν πάντα) и отъ нихъ ничто укрыться не можетъ, что только подлежитъ чувствамъ или познанію»¹⁾; или: «боги назираютъ дѣла человѣческія»²⁾. А что Богъ и по Платону знаетъ все совершеннѣйшимъ образомъ, объ этомъ свидѣлствуютъ слѣдующія слова діалога

*) См. ж. «ВѢРА И РАЗУМЪ», 1889 г., № 23.

¹⁾ Закон. X, 901. Д. Сл. Полит. II, 365. Д.

²⁾ Изреченія Платона въ журн. *ВѢра и Разумъ* 1886, II, 158 отд. фил.

Парменидъ: «какъ скоро что иное причастно сего (совершеннаго) знанія, то кому больше, какъ не Богу, приписалъ бы ты знаніе совершеннѣйшее?—Необходимо (τίνα μᾶλλον, ἢ θεὸν φαίης ἔχειν τὴν ἀκριβεστάτην ἐπιστήμην; Ἀναγκη). Богъ имѣеть само знаніе (αὐτὴν ἐπιστήμην)» ¹⁾. Поэтому Проклъ такъ изъясняетъ эти слова Платона: «Что удивительнаго, если Богъ знаетъ все, какъ Ему свойственно знать, то есть раздѣльное—нераздѣльно, множественное—единовидно, произведенное—вѣчно и т. д. (Τί οὖν θαυμαστόν, εἰ ὁ θεὸς γινώσκει πάντα ὡς πέφυκεν, ἀμερίστως μὲν τὰ μεριστὰ, μονοειδῶς δὲ τὰ πεπληθυσμένα, αἰδίως δὲ τὰ γεννητὰ κ. τ. λ.)» ²⁾. И въ этомъ-то смыслѣ опять весьма подходящимъ является столь употребительное и у Платона, какъ у прежнихъ греческихъ мыслителей—поэтовъ и философовъ, сравненіе Бога съ солнцемъ, все видящимъ и слышащимъ съ высоты небесной, на ряду съ прочими богами ³⁾, и потому съ своей стороны сближаемымъ съ очами, зрѣніемъ ⁴⁾.

б) *Премудрость*. Подобно тому, какъ христіанство называетъ истиннаго Бога не только премудрымъ, но и *единнымъ премудрымъ* (μόνος σοφός, Римл. 16, 27; 1 Тим. 1, 17; Іуды ст. 25), и Платонъ не только говоритъ просто: «изъ боговъ никто не философствуетъ и не желаетъ быть мудрымъ, такъ какъ уже мудръ (σοφός γενέσθαι ἔστι γάρ)» ⁵⁾; не только называетъ Бога «мудрѣйшимъ (σοφώτατο)» ⁶⁾; но и утверждаетъ, что «по истинѣ мудръ только Богъ (τῷ ὄντι ὁ θεὸς σοφός εἶναι)» ⁷⁾; или: «назвать его (Солона) мудрецомъ (σοφόν), мнѣ кажется слишкомъ много,—это имя прилично одному Богу (ἔμοιγε δοχεῖ... θεῷ μόνῳ πρέπει): гораздо сообразнѣе и пристойнѣе было бы называться ему либо любителемъ мудрости, либо подобнымъ этому име-

¹⁾ Парменидъ, 134. С. Д.

²⁾ Писаній Прокла V, 225. См. у Карпова въ его переводѣ сочиненій Платона, т. VI, стр. 262 примѣч. Москва, 1879.

³⁾ Кромѣ раньше приведенныхъ мѣсть о божествѣ—солницѣ, см. для сего Закон. XII, 950. Д.

⁴⁾ Полит. VI, 508.

⁵⁾ Пиръ, 203—204. Срав. φρόνιμος въ Федонѣ, 80. Д.

⁶⁾ Закон. X, 902. Е.

⁷⁾ Апол. Сокр. 23. А.

немъ»¹⁾. Въ этомъ смыслѣ Богъ или именно Зевсъ называется у Платона софистомъ (σοφιστής)²⁾. Представительницею же Его премудрости въ явленіи служитъ дочь Зевса—Аѳина — «мысль Божія (θεοῦ νόησις)»³⁾. Божественная премудрость, какъ дѣятельное проявленіе Ума Божественнаго, обнаруживается особенно въ дѣлахъ творенія и промышленія о сотворенномъ. Первое особенно наглядно и убѣдительно доказывается въ Тимей, а послѣднее—въ десятой книгѣ «Разговоровъ о законахъ». При этомъ въ связи съ премудростію дѣйствовала и благодѣтельность Божія и любовь къ прекрасному. О первомъ мы имѣемъ представленіе на основаніи понятія объ идеѣ блага, а второе выразилось въ устройствѣ прекраснаго цѣлаго, извѣстнаго подъ именемъ космоса (κόσμος—украшеніе, красота)⁴⁾. Въ виду этого Платонъ и говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «будетъ ли кто утверждать, что твореніе всѣхъ животныхъ не есть дѣло мудрости Эроса (Ἔρως εἶναι σοφίαν), которою онъ рождаетъ и возвращаетъ ихъ?... Подъ тѣмъ же руководствомъ и музы изобрѣли музыку, и Ифестъ—кузнечество, и Аѳина—ткацкое мастерство, и Зевсъ—управленіе богами и людьми. Оттого-то и устроились дѣла боговъ, что былъ между ними Эросъ, богъ прекраснаго, ибо на безобразное онъ не дѣйствуетъ»⁵⁾. Взвѣсивъ на устройство столь «прекраснаго міра»⁶⁾, Платонъ могъ бы, поэтому, обратиться къ Творцу этого міра, изображаемому имъ въ Тимей, съ такими же словами, съ какими по тому же поводу обращается къ Нему Псалмопѣвецъ: *яко возвеличишися дѣла Твоя, Господи: вся премудростію сотвориш еси* (Псал. 103, 24).

3) Свойства воли Божіей.

а) Высочайшая свобода. Это свойство воли Божіей Платонъ утверждаетъ, когда говоритъ о Богѣ, какъ вообще «имѣющемъ

¹⁾ Федръ, 278. Д.

²⁾ De lege, 319 С.

³⁾ Кратилъ, 407.

⁴⁾ Тимей, 28. В; 29. А и др. Федръ, 246. С. и др.

⁵⁾ Пиръ, 196. Е. 197. А. В.

⁶⁾ Тимей, 29. А.

волю (βουλόμενον)» дѣлать что хочет¹⁾, или когда употребляетъ такія выраженія, какъ: «если Богъ захочетъ (εἰ θεὸς ἐθέλει²⁾); или ἐὰν θεὸς ἐθέλῃ»³⁾;— «боговъ принудить къ чему либо нельзя (θεοὺς... βιάσασθαι οὐ δυνατόν)»⁴⁾ и под., самую же свободу (ἐλευθερία) опредѣляетъ, какъ «самодержавіе во всемъ (αὐτοκράτεια ἐπὶ παντί)»⁵⁾. Но особенно сильно говоритъ онъ о свободѣ воли Божіей въ противоположность необходимости (ἀνάγκη), при чемъ первая утверждается за Богомъ, какъ Умомъ, Духомъ, а послѣдняя — за матеріею, веществомъ, конечно, ближе всего въ отношеніи къ міроустройству и міроуправленію. «Этотъ космосъ, — говоритъ онъ, — получилъ смѣшанную природу, произшедши вслѣдствіе сочетанія необходимости и разума. Но такъ какъ разумъ начальствуетъ надъ необходимостію (νοῦ δὲ ἀνάγκης ἄρχοντος) побуждая ее большую часть явленій направлять къ наилучшимъ цѣлямъ, то вотъ такимъ образомъ и въ такомъ порядкѣ, чрезъ подчиненіе необходимости разумнымъ вліяніемъ (δὲ ἀνάγκης ἡττωμένης ὑπὸ παιδοῦς ἔμφρονος), и сложилась въ началѣ эта вселенная»⁶⁾. Но «нельзя отвергать и необходимаго (ἀναγκαῖον). Кажется, кто-то говоря о самомъ Богѣ, въ томъ же смыслѣ сказалъ, что и онъ не противится необходимости (οὐδὲ θεὸς ἀνάγκῃ μὴ ποτε φάνῃ μαχώμενος)⁷⁾, но необходимости, какъ я думаю, Божественной; сказать сіе о человѣческой было бы нелѣпо и неосновательно»⁸⁾. Такимъ образомъ и свобода и необходимость, но только необходимость именно Божественная, въ Богѣ легко соединяются, не противорѣча одна другой. И въ этомъ-то смыслѣ, если мы припомнимъ вышесказанное, Платонъ о сотвореніи Богомъ идеальной софы выражается такъ: «Богъ, либо пото-

1) Закон. X, 902. Е. Срав. θέλω въ Федрѣ, 247. А.

2) Закон. VII, 799. Е.

3) Закон. III, 688. Е. Срав. Федонъ, 80. Д.

4) Полит. II, 365. D.

5) Definit, 412. D. Срав. объ Умѣ, какъ αὐτοκράτωρ въ Кратилѣ 413. С.

6) Тимей, 48. А. Срав. Федонъ, 62. С.

7) Изъ предшествующихъ отдѣловъ изслѣдованія мы знаемъ, что такое мнѣніе высказано было однимъ изъ семи мудрецовъ — Пяттакомъ.

8) Закон. VII, 818. А. В. Срав. 818. К.

му, что не хотѣлъ, либо по какой необходимости (ἔτε οὐκ ἐβούλετο εἶτε τις ἀνάγκη ἐπῆν) сотворилъ одну и единственную софю ¹⁾).

б) *Всемогущество*. Въ отношеніи къ этому свойству воли Божіей Платонъ прежде всего дѣлаетъ «различіе между чело-вѣческой и Божескою природою (τὸ τῆς ἀνθρωπίνης καὶ θείας φύσεως διάφορον): потому что Богъ, обладая знаніемъ и могу-ществомъ (ἐπιστάμενος ἅμα καὶ δυνατός), можетъ и многое смѣ-шивать въ одно и опять одно разрѣшать на многое; а изъ лю-дей никто не въ состояніи сдѣлать ни того, ни другого, ни те-перь, ни когда либо въ послѣдующія времена ²⁾). Затѣмъ дѣ-лаетъ общее сужденіе о всемогуществѣ Божіемъ, когда гово-ритъ, что боги «все могутъ, что только возможно для смерт-ныхъ и бессмертныхъ (δύνασθαι πάντα, ὅπως αὐτῶν δύναμις ἐστὶ θνητοῖς τε καὶ ἀθανάτοις)» ³⁾. Какъ всемогущій, Богъ все со-держитъ въ своей власти и всѣмъ управляетъ. Въ этомъ смы-слѣ Платонъ называетъ то высочайшій умъ «Царемъ неба и земли (βασιλεὺς οὐρανοῦ καὶ γῆς)» ⁴⁾ и «вождемъ всего (πάντων ἡγεμόνα)» ⁵⁾, который «всегда начальствуетъ надъ всѣмъ (ἀεὶ τοῦ παντός ἄρχει)» ⁶⁾; а то Зевса обладающимъ «царскою ду-шою и царскимъ умомъ (βασιλικὴν μὲν ψυχὴν, βασιλικὸν δὲ νοῦν)» ⁷⁾, также «правителемъ и царемъ всѣхъ (ὁ ἄρχων τε καὶ βασιλεὺς τῶν πάντων)» ⁸⁾, «великимъ вождемъ на небѣ (μέγας ἡγεμὼν ἐν οὐρανῶ)» ⁹⁾. Но помимо всего этого нашъ философъ высказы-ваетъ и общую мысль, что «Божественному свойственно управ-лять и начальствовать (τὸ μὲν θεῖον οἷον ἄρχειν τε καὶ ἡγεμονεῖν πεφυκέναι)» ¹⁰⁾.

в) *Благость*. Представляя столь возвышенно, какъ мы изло-жили выше, идею блага, Платонъ естественно яснѣе всего

1) Полит. X, 597. С.

2) Тимей, 68. Д.

3) Закон. X, 901. Д. Срав. также XII, 966. С.; Федонъ, 99. С. и др.

4) Филебъ, 28. С.

5) Закон. XII, 963. А.

6) Филебъ, 30. Д.

7) Тамъ же.

8) Кратилъ, 396. А.

9) Федръ, 247. А.

10) Федонъ, 80. А.

представлялъ и настойчивѣе всего утверждалъ именно это свойство воли Божіей. Въ этомъ отношеніи онъ прежде всего вообще называетъ Бога не только «благимъ (*ἀγαθός*)» ¹⁾, но и «по истинѣ благимъ (*θεός ἀγαθός τῷ ὄντι*)» ²⁾. За тѣмъ и въ связи съ тѣмъ онъ изображаетъ Его любящимъ въ людяхъ одно только доброе и ненавидящимъ, напротивъ, злое ³⁾. Поэтому-то Платонъ, какъ мы видѣли въ свое время, такъ настойчиво, сильно и возставалъ противъ народныхъ, воспѣтыхъ поэтами мифовъ, которыми вносится противорѣчіе въ понятіе о благодѣи Божіей. Мы имѣемъ въ виду то мѣсто II книги Политики, гдѣ разсуждается о различныхъ типахъ богословія (*τύποι περί θεολογίας*), причемъ на первомъ мѣстѣ и ставится то богословское положеніе, что «Богъ по истинѣ благъ» и потому считаются не позволительными въ идеальномъ государствѣ Платона всѣ несогласныя съ этимъ понятіемъ и опредѣленіемъ мнѣи ⁴⁾. Будучи самъ по истинѣ благъ, а ктому же свободенъ отъ зависти ⁵⁾, Богъ и въ отношеніи къ людямъ и міру вообще является источникомъ и виновникомъ благъ, полезнаго, а отнюдь не виновникомъ зла. Слыша сказанія, «о бѣдствіяхъ Ніобы, или Пелопидовъ, о дѣлахъ Троянскихъ, или тому подобныя», мы должны «говорить, что Богъ производитъ справедливое и доброе, и что тѣмъ людямъ полезно было наказаніе. Злые несчастны, поколику заслужили наказаніе ⁶⁾. А называть Бога благого причиною золь для кого бы то ни было,—этому надобно противиться всѣми силами». Итакъ «Богъ не есть виновникъ всего, а только добраго (*μὴ πάντων αἴτιον τὸν θεόν, ἀλλὰ τῶν ἀγαθῶν*)» ⁷⁾. Онъ есть «причина самой природы блага (*τῆς τ'ἀγαθοῦ φύσεως αἰτία*)» ⁸⁾. И вообще «нѣтъ у насъ ни одного

1) Тимей, 29. А. Е.; Закон. X, 901. Е. и др. срав. Федонъ, 80. Д. и др.

2) Полит. II, 379. А.

3) Евѣифр. 7. А; 8. А; 9. С; Полит. X, 612. Е. и др.

4) Полит. II, 379—380.

5) Федръ 247. А: φθόνος γὰρ ἔξω θείου χοροῦ ἴσταιται. Срав. Тимей, 29. Д. Е.

6) Этимъ отчасти рѣшается вопросъ и о причинѣ зла. Она—въ свободѣ чело-вѣческой. Яснѣе срав. Полит. X, 617. Д. Е.

7) Полит. II, 380. А.—С.

8) Definit. 411. А.

блага, которое бы не боги даровали»¹⁾. За тѣмъ «и всякаго бытія причина есть также Богъ; потому что благому, по самой природѣ Его, свойственно творить добро»²⁾. «Онъ былъ благъ (ἀγαθὸς ἦν); въ благомъ же никакой ни къ чему и никогда не бываетъ зависти (ἀγαθῶν δὲ οὐδεὶς περὶ οὐδενὸς οὐδέποτε ἐγγίγνεται φθόνος). И вотъ, чуждый ея, Онъ пожелалъ, чтобы все было по возможности подобно Ему. Кто принялъ бы отъ мужей мудрыхъ ученіе, что это именно было кореннымъ началомъ происхожденія вещей и космоса, тотъ принялъ бы это весьма правильно. Пожелавъ, чтобы все было хорошо (βουληθεὶς γὰρ ὁ θεὸς ἀγαθὰ μὲν πάντα), а худого по возможности ничего не было, Богъ такимъ-то образомъ все подлежащее зрѣнію, чтó засталъ не въ состояніи покоя, а въ нестройномъ и безпорядочномъ движеніи, изъ безпорядка привелъ въ порядокъ, полагая, что послѣдній всячески лучше перваго»³⁾. Такъ Платонъ не сомнительно сознавалъ, что *благъ Господь всяческимъ, и щедроты Его на всѣхъ дѣлкахъ Его* (Псал. 144, 9). Если же мы припомнимъ изъ сказаннаго (въ отдѣлѣ о премудрости Божіей) объ Эросѣ, какъ богѣ любви и прекраснаго въ отношеніи къ міротворенію, то несомнительность эта выступаетъ для насъ еще въ большей степени.

г) *Святость*. Уже говоря о благодати Божіей, мы упоминали ученіе Платона о томъ, что Богъ любитъ одно добро и ненавидитъ зло, что онъ—виновникъ добра, а не зла и т. п. Какъ это, такъ и вообще ученіе о благодати Божіей, показываетъ, что Платонову уму ясно предносилась мысль и о святости воли Божіей. Еще болѣе то же подтверждается ученіемъ нашего философа о томъ, какъ Богъ (или боги) и съ своей стороны относится къ добродѣтели (ἀρετή) и какъ Онъ относится къ ней въ людяхъ. Это ученіе проводится у Платона особенно въ Евѳронѣ и во II кн. Политики, стр. 363—366. «Святое пріятно богамъ, а не святое непріятно имъ»⁴⁾: эта

1) *Sshneider*, Christliche Klänge aus d. griech. und römisch. Klassikern. s. 180. Gotha, 1865.

2) Изреченія Платона въ журналѣ *Вѣра и Раз.* 1886, II, 157 отд. фил.

3) Тимей, 29. Д—30. А.

4) Евѳронъ, 6, Е.

мысль, высказанная собственно Евейфрономъ, строго говоря, есть основная мысль всего діалога. Самое осмѣяніе мнѣовъ, изображающихъ отсутствіе святости въ богахъ, допускаемое Сократомъ какъ бы въ опроверженіе этой мысли, свидѣтельствуется о томъ, насколько самъ философъ признавалъ необходимою святость въ Божествѣ. А что это такъ, о томъ свидѣлствуютъ многія другія мѣста діалоговъ Платона и между прочимъ «Политики» его. Именно, въ вышепоказанномъ мѣстѣ послѣдней Платонъ приводитъ не одно мѣсто изъ сочиненій прежнихъ писателей, «перечисляющихъ множество благъ, которыя боги, по ихъ мнѣнію, даруютъ людямъ благочестивымъ»¹⁾, свидѣтельствующихъ о трудномъ пути добродѣтели, которымъ боги ведутъ послѣднихъ²⁾; конечно все это по причинѣ собственной любви боговъ къ добродѣтели, и т. д. Поэтому же конечно и «святое служеніе Богу пріятно для Бога (ὁσιον θεράπειμα θεοῦ ἀρεστόν θεῶ)»³⁾. Въ другомъ мѣстѣ той же книги Политики Платонъ настойчиво устраняетъ отъ Божества все то, что не согласно съ понятіемъ о Его святости и что пересказывается о немъ поэтами⁴⁾. Мѣсто это мы приводили въ свое время. Теперь мы приведемъ изъ него лишь тѣ знаменательныя слова, что «въ красотѣ или въ добродѣтели (χάλλους ἢ ἀρετῆς) Богъ не имѣетъ недостатка»⁵⁾. Эти слова, свидѣтельствующія о святости Божіей, подтверждаются и сближеніемъ Божества съ солнцемъ и свѣтомъ, который, говорится у Платона, самъ «Богъ возжегъ» по началу и «который теперь получилъ у насъ имя солнца»⁶⁾. Говоря такъ, Платонъ какъ бы говоритъ, что *Богъ свѣтъ есть, и тьмы въ Немъ нѣтъ ни единыя* (1 Иоан. 1, 5) и что *Онъ чистъ есть* (1 Иоан. 3, 3), какъ чистъ этотъ свѣтъ⁷⁾. Въ этомъ-то смыслѣ и у людей уподобленіе Богу по Платону главнымъ образомъ зиждется на свя-

1) Политика II, 363. А.

2) Тамъ же, стр. 364.

3) Definit. 415. А.

4) Разумѣемъ Полит. II, 379 и дал.

5) Полит. II, 381. С.

6) Тимей, 39. В.

7) Справ. Федръ, 239. С: ἐν ἡλίῳ καθαρῶ; также 250. С: ἐν αὐτῇ καθαρῶ.

тости и чистотѣ, коими они отличались особенно въ домірной жизни душъ своихъ ¹⁾. Но и въ земной жизни потому же въ людяхъ «чистота (ἀγνεία) заключается въ томъ, чтобы остерегаться отъ грѣховъ (ἀμαρτημάτων) противъ боговъ», а также и «въ служеніи Богу почитаніемъ Его по естеству (κατὰ φύσιν)». ²⁾ И потому не даромъ «добрыхъ людей называютъ Божественными», такъ какъ и самая «добродѣтель (ἀρετή)» въ людяхъ, дается Божественнымъ жребіемъ (θεία μοίρα) тому, кому дается» ³⁾.

д) *Истинность*. Будучи святымъ и чистымъ, Богъ вмѣстѣ съ тѣмъ и *истиненъ* есть (Иерем. 10, 10; Иоан. 3, 33) и есть *Богъ не ложный* (Тит. 1, 2). Эту мысль о Божествѣ Платонъ особенно развиваетъ ясно и обстоятельно во II книгѣ своей Политики, гдѣ говоритъ: «Богъ есть существо простое и истинное во словѣ и дѣлѣ (ὁ θεὸς ἀπλοῦν καὶ ἀληθὲς ἐν τε ἔργῳ καὶ ἐν λόγῳ) ⁴⁾; и за тѣмъ: «духовное и Божественное вовсе чуждо лжи (τὸ δαιμόνιον τε καὶ τὸ θεῖον πάντα ἀψευδές)» ⁵⁾; или «ложь по истинѣ, если можно такъ сказать, ненавидятъ всѣ боги и люди» ⁶⁾ и под. При этомъ философъ, какъ мы припомнимъ изъ раньше приведеннаго, обстоятельно раскрывая причины, по которымъ ложь является иногда въ людяхъ, отрицаетъ существованіе всѣхъ этихъ причинъ для Божества. Но подобно многимъ изъ предшественниковъ своихъ мыслителей, и слѣдующаго практическому направленію философіи своего учителя, Платонъ особенно ясно и убѣдительно раскрываетъ и доказываетъ—

д) *Иравосудіе* Божіе. Въ этомъ отношеніи прежде всего онъ утверждаетъ ту общую мысль, что «Богъ ни въ чемъ и никакъ несправедливъ, но есть существо всевозможно справедливѣйшее (θεὸς οὐδάρη οὐδαμῶς ἄδικος, ἀλλ' ὡς οἷόν τε δικαιοτάτος); и ничто столько не подобно Ему, какъ то, когда кто изъ насъ

¹⁾ Федръ, 250. В. С. Это мѣсто мы приводили раньше (при изложеніи психологическаго доказательства бытія Божія). Срав. Тезетъ, стр. 176 В.

²⁾ Definit. 414. А. В.

³⁾ Мевонъ, 99, Д. Е. 100 В.

⁴⁾ Полит. II, 382. Б.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ Тамъ же, 382. А.

становится опять самымъ справедливымъ (δικαιοτάτος)» ¹⁾. А такъ какъ въ Богѣ «справедливость (δικαιοσύνη) есть такое свойство, по которому Онъ воздаетъ каждому по достоинству (ἐξ ἑκαστοῦ κατ' ἀξίαν ἐκάστῳ)» ²⁾: то нашъ философъ, далѣе, утверждаетъ въ частности и эту мысль о воздаяніи Божественномъ, которое проявляется различно въ соотвѣтствіе тѣмъ или другимъ дѣйствіямъ человѣческимъ. «Богъ, какъ говоритъ древнее преданіе, содержащій въ себѣ начало, средину и конецъ всѣхъ вещей, шествуетъ прямо (εὐθεία, т. е. ὀδόν) и протекаетъ вселенную; Ему всегда сопутствуетъ правосудіе (δίκη), мститель за нарушеніе Божественнаго закона (τῶν ἀπολειπομένων τοῦ θεοῦ νόμου τιμωρός). Предназначенный къ блаженству покоряется Божественному суду и смиренно идетъ по стопамъ его. Но безумецъ, ослѣпленный гордостью, богатствомъ, почестями или красотой тѣла, отметааетъ всякую власть и руководителя, и почитая себя рожденнымъ повелѣвать, остается безъ Бога, безъ добродѣтели... однако онъ скоро получить достойное наказаніе, какъ нарушитель своего домашняго и обществѣннаго счастія» ³⁾. Такъ уже въ настоящей жизни. Еще болѣе того въ жизни будущей. «Здѣсь владычествуютъ неизмѣняемая судьба, порядокъ и законъ (εἰμαρμένη, τάξις καὶ νόμος). Тѣ, которые не много измѣнили свою природу, идутъ въ изгнаніе не далеко отъ мѣста своего рожденія. Несправедливые и далѣе уклонившіеся отъ своей природы, низпадаютъ въ глубину, въ мѣста преисподнія (εἰς βάθος τὰ τε κάτω λεγόμενα τῶν τόπων), адомъ и другими страшными именами называемыя, которыя они и въ сей жизни со страхомъ воспоминаютъ, видятъ во снѣ, и отъ мученій коихъ, выходя изъ тѣла, не освобождаются. Если душа болѣе измѣнилась въ порокъ, нежели въ добродѣтели, и укрѣпившись собственнымъ своимъ желаніемъ и сообществомъ, вознеслась къ Божественной добродѣтели: то она перемѣняетъ и мѣсто на святое, переселяется въ лучшій міръ, между тѣмъ какъ порочные въ другомъ мѣстѣ

¹⁾ Тезетъ, 176. С. Справ. 176. В.

²⁾ Definit. p. 411. К.

³⁾ Закон. IV, 716. А. В.

получаютъ достойную участь. Таковъ судъ боговъ, небожителей (Αὐτῆ τοι δίκη ἐστὶ θεῶν, οἱ Ὀλύμπου ἔχουσι). Сего суда Божія ни ты не избѣгнешь, ни кто другой симъ не похвалится. Боги съ особенною строгостію установили его; опасно подвергнуться ему. Онъ вездѣ слѣдитъ за тобою¹⁾. Подобная же мысль о наградахъ за справедливость, добродѣтель, и наказаніяхъ за несправедливость, порокъ, не только въ настоящей, но и въ будущей жизни широко раскрывается у Платона и въ діалогѣ Федонъ²⁾ и въ X книгѣ Политики³⁾. Въ послѣднемъ мѣстѣ съ разсматриваемой стороны представляется своего рода теодицея. Цѣль же всей аргументаціи философа въ этомъ мѣстѣ Политики та, чтобы показать что «справедливый боголюбезень, а несправедливый богоненавистень (ὁ μὲν θεοφιλῆς ἄν εἴη, ὁ δὲ θεομιστῆς)»⁴⁾. Такимъ образомъ онъ снова возвращается къ той основной мысли, отъ которой вышелъ, именно, что «Богъ есть существо всевозможно справедливѣйшее» и Ему уподобляется только самый справедливый, который потому, конечно, и любезень Ему. Ибо *праведенъ Господь, и правды возлюби* (Псал. 10, 7) и *Онъ воздастъ коемуждо по дѣломъ его* (Римл. 2, 6).

γ) Свойства *чувства, сердца.*

а) *Радость.* Какъ безстрастный, Богъ, строго говоря, не испытываетъ тѣхъ чувствъ удовольствія или неудовольствія, какія нерѣдко волнуютъ существо человѣческое. «Поэтому богамъ естественно и не радоваться и не испытывать чувства противнаго (εἰχός γε, οὔτε χαίρειν θεοῦς οὔτε τὸ ἐναντίον)»⁵⁾, или, какъ еще сильнѣе въ другомъ мѣстѣ: «Богъ, обладающій абсолютными Божественными совершенствами, находится вѣ ощущеній скорби или удовольствія (θεὸν δὴ τὸν τέλος ἔχοντα τῆς θείας μοίρας ἔξω τούτων εἶναι, λύπης τε καὶ ἡδονῆς)»⁶⁾. Однако. по-

1) Закон. X, 904. С—905. В. Сравни. 905. D; 907. В; IV, 716. E; Политики II, 380 и др. особенно же ваглядно въ Горг. 523—524.

2) Стр. 111—112 и дал.

3) Стр. 612—613.

4) Стр. 612. E.

5) Филебъ, 33. В.

6) Epinomis, 985. A.

добно тому какъ истинный Богъ радуется вышею, свойственною Ему радостію (напр., о спасеніи грѣшниковъ и под.) и скорбитъ такою же скорбію (напр., о погибели людей), и Богъ у Платона испытываетъ такія ощущенія радости. Такъ, напр., Платонъ слѣдующимъ образомъ представляетъ радость Его по случаю сотворенія міра: «когда въ полной движенія и жизни вселенной произведшій ее Отецъ призналъ образъ бессмертныхъ боговъ, Онъ возрадовался (*ἡγάσθη*) и возвеселившись (*εὐφρανθεῖς*) задумалъ сдѣлать ее еще болѣе похожею на образецъ» ¹⁾. Въ этомъ случаѣ философъ нашъ представляетъ Бога испытывающимъ то, что испытываетъ истинный Богъ, который, по словамъ священнаго Писанія, всегда имѣетъ *веселіе* (*εὐφροσύνη*) *предъ лицемъ* своимъ и *сладость* (*τερπνότης*) *въ десницѣ* своей (Псал. 15, 11).

б) Высшее выраженіе радости Божественной есть полное *блаженство* Божества (срав. 1 Тим. 1, 11; 6, 15). Платонъ различно живописуетъ такое состояніе Божества. И прежде всего онъ различаетъ въ природѣ вещей два образца: «одинъ Божественный образецъ высочайшаго счастья, другой безбожный — образецъ крайняго страданія (*τοῦ μὲν θείου εὐδαιμονεστάτου, τοῦ δὲ ἀθέου ἀθέου ἀθλιωτάτου*)» ²⁾. За тѣмъ къ первому относить, конечно, «родъ блаженныхъ боговъ (*θεῶν γένος εὐδαιμόνων*)» ³⁾ и отчасти уподобляющихся имъ по жизни людей ⁴⁾; а ко второму — только людей. Но такъ какъ, согласно вышесказанному, Божество допускаетъ въ область своихъ чувствованій и своего рода огорченіе, скорбь, то, очевидно, это полное блаженство нужно понимать особеннымъ образомъ. Какъ же именно? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ слѣдующихъ словахъ «Разговоровъ о законахъ»: «Для правой жизни (*ὀρθόν βίον*) не должно ни стремиться къ удовольствіямъ (*ἡδονάς*), ни убѣгать совершенно огорченій (*λύπας*), но любить средину, которую мы прежде назвали тихимъ расположеніемъ духа (*ἡσυχίαν*)»

¹⁾ Тимей, 37. С. D. О извѣстной долѣ опять своего рода скорби въ Божествѣ см. въ Закон. VII, 792. С. D.

²⁾ Тезетъ, 176. E.

³⁾ Федръ, 247. A. Срав. Пиръ, 195, A; Тезетъ, 176. A. и др.

⁴⁾ Тезетъ, 176. E. 177. A

δαΐδестν). Сіе расположеніе души по изреченію оракула принадлежитъ Богу; и кто изъ насъ хочетъ быть богоподобнымъ, тотъ долженъ приближаться къ этому Божественному свойству» ¹⁾. Такъ уже и здѣсь на землѣ человѣкъ приобщается истинному блаженству Божественному. Еще болѣе того въ загробной жизни. Состояніе это въ общеніи съ блаженными богами приурочивается у Платона, согласно народнымъ преданіямъ, къ такъ называемымъ «островамъ блаженныхъ (μακάρων νήσοις)» ²⁾, на которые, послѣ суда и по силѣ этого послѣдняго, препровождаются проведеншіе на землѣ богоподобную жизнь ³⁾, и которые «лежатъ близъ твердой земли и окружены воздухомъ. Что у насъ вода и море для нашего употребленія, то у людей, живущихъ на этихъ островахъ, воздухъ; а что у насъ воздухъ, то у нихъ эфиръ. Времена же года такъ уравновѣшены, что тѣ люди не подвергаются болѣзнямъ, живутъ гораздо долѣе, нежели здѣшніе, и во столько выше насъ зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ и прочими чувствами, во сколько воздухъ чище воды, а эфиръ чище воздуха. Есть у нихъ также кумиры и храмы боговъ, и въ этихъ храмахъ существенно обитаютъ боги (τῶ ὄντι οἰκητὰς θεοὺς εἶναι), бываютъ Божественныя изреченія, предсказанія, видѣнія и обращенія людей съ богами (αἰσθησεις τῶν θεῶν, καὶ τοιαύτας ζουουσίας γίγνεσθαι αὐτοῖς πρὸς αὐτούς). А солнце, луну и звѣзды видятъ они въ самой ихъ природѣ и сообразно съ этимъ наслаждаются всякимъ другимъ блаженствомъ (καὶ τὴν ἄλλην εὐδαιμονίαν τοῦτων ἀκολούθῳ εἶναι)» ⁴⁾. Если же таково состояніе блаженства людей, то, само собою разумѣется, несравненно выше блаженство самого Бога—источника того блаженства. Если то состояніе блаженное (εὐδαιμόν), то послѣднее—преблаженнѣйшее (εὐδαιμονέστατος) ⁵⁾. Отсюда у Платона выраженіе: «преблаженнѣйшее состояніе Сущаго (τὸ εὐδαιμονέστατον τοῦ ὄντος)» ⁶⁾.

¹⁾ Закон. VII, 792. С. D.

²⁾ Горгій, 523. В; срав. 526. С; Пиръ, 179. Е; 180. В. Полит. VII, 540. В. и др.

³⁾ Горгій, 523.

⁴⁾ Федонъ, 111. А—С. Срав. подобное же изображеніе блаженства праведныхъ въ Апокалипсисѣ, особ. 7, 16—17; 14, 13 и др.

⁵⁾ Теэтень, 176. Е.

⁶⁾ Политива, VII, 526. Е.

в) Обладая всѣми возможными совершенствами, ни въ чемъ не имѣя недостатка, будучи всеблаженнымъ, Богъ такимъ образомъ есть *вседовольный*. Это свойство у Платона описывается не менѣе обстоятельно, какъ и предшествующія. И во-первыхъ, что Божество описывается, какъ обладающее всѣми возможными совершенствами, это мы видѣли раньше. Всю совокупность этихъ совершенствъ Платонъ особенно наглядно изображаетъ, какъ «само прекрасное (*αὐτὸ τὸ καλόν*)», въ діалогѣ «Пиръ» ¹⁾, и здѣсь же говоритъ, что даже не «можетъ быть Богомъ тотъ, кто не имѣетъ прекраснаго и добраго» ²⁾. «Божественное же есть прекрасное, мудрое, доброе и все тому подобное» ³⁾. Поэтому, во-вторыхъ, Божество «въ красотѣ или добродѣтели, конечно, не имѣетъ недостатка (*οὐ γάρ ποῦ ἐνδεῖα γέ φησιν ἐν τὸν θεὸν κάλλους ἢ ἀρετῆς εἶναι*)» ⁴⁾. Ни въ чемъ не нуждаясь, Богъ, напротивъ, самъ даетъ всѣмъ жизнь и дыханіе и все (Дѣян. 17, 25). «Скажи», говоритъ у Платона Сократъ Еввифрону, представлявшему святость, какъ въ некоторую сдѣлку или торговлю между богами и людьми, «какую пользу боги получаютъ отъ нашихъ даровъ? Чтѣ они даютъ, то всякому извѣстно; потому что у насъ нѣтъ ничего добраго, что было бы не ими даровано. Но въ чемъ состоитъ та польза, которую они получаютъ отъ насъ?» ⁵⁾ И такимъ образомъ Богъ ничего не имѣетъ чего бы не доставало Ему для полнаго блаженства. Онъ вполне «самодоволенъ для блаженства (*αὐταρξες πρὸς εὐδαιμονίαν*)» ⁶⁾.

Таково ученіе величайшаго философа древности о Богѣ. Нельзя не видѣть, какъ возвышенно, какъ многосторонне развито это ученіе, какъ глубоко проникало оно во все даже чисто философское ученіе Платона. Между тѣмъ какъ у софистовъ, начиная съ Протагора, принципомъ было провозглашено то положеніе, что «человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей», нашъ философъ прямо и необиновенно заявилъ, что «Богъ есть у

¹⁾ Пиръ, 211. Е.

²⁾ Тамъ же, 202. Д.

³⁾ Федръ, 246. Д.

⁴⁾ Полит. II, 381. С.

⁵⁾ Еввифронъ, 14. Е. 15. А.

⁶⁾ Definit. 411. А.

насъ мѣра всѣхъ вещей (ὁ δὲ θεὸς ἡμῶν πάντων χρημάτων μέτρον ἅν εἴη) и притомъ гораздо болѣе, нежели какой бы то ни было человѣкъ, какъ говорятъ¹⁾. Въ то же время и вѣра въ Бога у Платона, какъ мы могли видѣть изъ всего вышеизложеннаго, стояла на высокой степени. не только не входя въ противорѣчiе съ его философскими стремленiями и началами, но и находясь съ ними въ тѣснѣйшей связи, подобно тому какъ и у великаго учителя его Сократа²⁾. Это особенно должно сказать относительно идеи блага въ ея значенiи для богословiя и идеологiи Платона. «Его вѣра въ Бога есть чисто духовный и вмѣстѣ глубоко нравственный монотеизмъ, такъ какъ у него понятiе о Богѣ постоянно опредѣляется идеею блага. Благость есть самое существенное свойство Божества; по благости Онъ образовалъ мiръ; съ благостию и мудростию Онъ править судьбами человѣка. Идею блага должны быть измѣряемы наши представленiя о Божествѣ; по ней должны быть обсуждаемы и наши обязанности къ нему. Божество не завистливо къ человѣческому счастью, какъ представляли боговъ древнiя вѣрованiя; ибо благой не можетъ быть завистливъ»³⁾ и т. д. Да и вообще религiозныя представленiя древности должны быть, по Платону, принимаемы съ уваженiемъ, не только какъ воспитательная для молодого поколѣнiя стихiя, но и больше того, какъ необходимая стихiя общечеловѣческаго сознанiя, но только непременно должны быть очищаемы съ нравственной и философской точки зрѣнiя, дабы чрезъ то все вредное для нравовъ и недостойное Божества со стороны чистоты понятiя о Немъ было устранено изъ религiознаго преданiя и культа. И такъ какъ Платонъ въ этомъ отношенiи не только, какъ прежнiе философы, возставалъ противъ недостойнаго въ народныхъ представленiяхъ о Божествѣ, но и предлагалъ гораздо болѣе, нежели они, возвышенное и основательное философское положительное понятiе о Богѣ, то въ гораздо

1) Закон. IV, 716. С.

2) На предшествующемъ мы не могли не видѣть сходства и самой аргументацiи Платона и Сократа въ отношенiи къ различнымъ вѣтямъ вѣры.

3) В. Д. Кудрявцева, изъ чтенiй по философиі религiи, въ *Правосл. Обзор.* 1881: I, 28. Срав. дальн.

же болѣе высокой степени, нежели они, заслуживаетъ наименованія пророка среди язычниковъ. Даже благоговѣнїе къ небеснымъ свѣтиламъ, которое вызывалось у тѣхъ философовъ ихъ астрономическими познаніями, бывшими новинкою въ ихъ время, и которое у нихъ, благодаря соприкосновенію такого благоговѣнїя съ первоначальной религіею, свѣта, солнца и т. д., доходило до прямого ихъ обожанія, у Платона, въ силу его болѣе послѣдовательныхъ монотеистическихъ стремленій, было умѣренное. «Эти видимые боги находятся въ отношеніи къ единому невидимому Богу въ такой же зависимости, какъ чловѣкъ и другія конечныя существа»¹⁾. И хотя даже такой философъ, какъ Платонъ, не могъ побѣдить исконной трудности, о которую претыкались всѣ языческіе умы, именно допускалъ своего рода дуализмъ въ томъ смыслѣ, что матерію представлялъ безначальною по сущности и начальною лишь по образованію ея, что, очевидно, нельзя не признать недостаткомъ и философскаго ученія Платона о Богѣ, тѣмъ не менѣе нельзя не признать и величайшей заслуги Платона для исторіи религіозно-философскаго міросозерцанія древней Греціи. Достигалъ ли еще послѣ него кто-либо изъ мыслителей древней Греціи столь высокаго понятія о Богѣ, какъ Платонъ, это мы увидимъ изъ дальнѣйшаго. Теперь же мы укажемъ лишь на ту сторону дѣла, которою Платонъ соприкасался какъ съ Гезіодовымъ натуръ-философскимъ, такъ и съ орфико-пифагорейскимъ міросозерцаніемъ. Слѣды этого соприкосновенія мы могли видѣть въ предшествующемъ, главнымъ образомъ въ отдѣлѣ объ именахъ Божіихъ (Гезіодъ) и въ отдѣлѣ о психологическомъ доказательствѣ бытія Божія (орфико-пифагорейство). Такое соприкосновеніе вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ увидимъ вскорѣ, устанавливаетъ связь Платонова ученія не только съ его школою, но и съ дальнѣйшимъ религіозно философскимъ ученіемъ древней Греціи вообще.

Б. Столь великій философъ, какъ Платонъ, не могъ оставаться безъ учениковъ и послѣдователей. Не говоря о многихъ слушателяхъ и ученикахъ его, которые потомъ шли сво-

¹⁾ Тамъ же, стр. 29.

имъ путемъ, имѣя лишь то или другое соприкосновеніе съ нимъ въ своемъ ученіи, Платонъ основалъ цѣлую школу, въ которой, доколѣ живъ былъ, самъ былъ и схолярхомъ (начальникомъ школы) и которую, послѣ его смерти, принялъ въ свое завѣдываніе племянникъ его отъ сестры Потоны *Спевсиппъ* (347—339 г. до Р. Хр.). Это, такъ называемая, древняя академія, начальниками которой, послѣ Спевсиппа, были: *Ксенократъ* Халкидонскій (до 313 г.), *Полемонъ* Аѳинскій (до 270 г.), *Кратисъ* Аѳинскій (до 250 г.). Изъ представителей же этой школы весьма замѣтными были еще: *Гераклидъ* Понтійскій и *Кринторъ*. Всѣ эти представители болѣе или менѣе строго держались началъ, положенныхъ основателемъ школы; однако, не будучи столь высокаго духа, какъ Платонъ, они не могли держаться на той высотѣ міросозерцанія, на которой стоялъ онъ; и потому ихъ философствованіе, будучи продолженіемъ дѣла, начатаго Платономъ, со стороны качества своего, представляетъ во многомъ шагъ назадъ по сравненію съ его философствованіемъ. А слѣдовавшій за упомянутыми представителями и предстоятелями школы *Аркезилай* изъ Питаны (до 241 г.) уже настолько удалился отъ началъ Платоновой философіи, что является основателемъ новаго направленія, скептическаго. Что въ общемъ направленіи философіи, то же и въ отношеніи къ религіозно-философскому собственно міросозерцанію. Платонъ, какъ намъ извѣстно, стремился въ своемъ философствованіи, особенно позднѣйшемъ, соединить пифагорейское ученіе о числахъ съ своимъ ученіемъ объ идеяхъ, возвышая понятіе о числахъ въ понятіе объ идеяхъ. Въ этомъ-то смыслѣ онъ сближалъ понятія: Божественный Умъ, идея блага и единое. Представители его школы не могли вполне выразумѣть заключавшейся въ этомъ сближеніи идеи философа и потому въ развитіи ея не столько возвысили, сколько понизили достоинство Платонова ученія о Божествѣ. Такъ, напр., *Спевсиппъ* уже, хотя и долгое время непосредственно слушавшій уроки мудрости отъ самого Платона, повидимому для большей ясности, сталъ разъединять понятія о высочайшемъ благѣ (идея блага) и о единомъ, равно какъ и объ Умѣ. Онъ полагалъ, что благо, какъ выраженіе совершенства, не можетъ быть поставлено. въ ка-

чествѣ начала, основаніемъ всякаго бытія, а можетъ быть поставлено лишь въ заключеніи, какъ цѣль и завершеніе бытія, такъ какъ и всякое отдѣльное существо лишь съ теченіемъ времени достигаетъ бѣльшаго и бѣльшаго совершенства, не имѣя этого совершенства въ началѣ ¹⁾). Равно также и единое не можетъ совпадать съ благимъ, потому что тогда многое совпадало бы съ злымъ, и въ такомъ случаѣ вмѣстѣ съ благомъ и зло было бы первоосновоу ²⁾). Не желая однакоже очень удаляться отъ ученія своего дяди, Спевсиппъ придумалъ слѣдующимъ образомъ выпутаться изъ своего затрудненія. Онъ призналъ единое началомъ, а благо концемъ, конечною цѣлюю всего и сверхъ того признавалъ еще третью первооснову—Умъ, какъ движущую причину. Послѣдняя первооснова сближалась у него также и съ міровою душою Платоновою и съ Пиагорейскимъ центральнымъ огнемъ ³⁾). Такимъ признаніемъ трехъ первоосновъ Спевсиппъ приблизился къ Аристотелю, также признававшему формальную, движущую и конечную причины, хотя, конечно, не такъ глубоко и остроумно проводилъ это ученіе, какъ Аристотель ⁴⁾, и болѣе приближался къ пантеистическому воззрѣнію на Божество ⁵⁾, нежели деистическому, какое во всякомъ случаѣ нужно приписать Аристотелю (какъ и Платону) ⁶⁾. Впрочемъ не только мы, обладающіе лишь скудными отрывками сочиненій Спевсиппа, но и древнѣйшіе писатели греческіе, находились въ недоразумѣніи отъ неясности изложенія ученія Спевсиппа касательно раскрытія идеи Божества. Такъ, напр., Стобей говоритъ: «Спевсиппъ объявилъ, что умъ есть Богъ (θεὸν τὸν νοῦν), не тождественный ни съ единымъ, ни съ благимъ, но имѣющій свою собственную природу» ⁷⁾. Черезъ это, повидимому, ослабляется пантеистическое

¹⁾ Цитаты см. у *Zeller*, *Gesch. d. Philos. d. Griechen*. II, §51. Anmerk. 3. Leipzig. 1874.

²⁾ Цитаты см. тамъ же, примѣч. 4.

³⁾ Тамъ же, стр. 852. Срав. *Mullach* *Feragm. philos. graec.* III, 92—93. Parisii, 1881.

⁴⁾ *Zeller*, II, §53.

⁵⁾ *Rechenberg*, *Gottesbegriff in d. gr. Phil.* s. 60.

⁶⁾ *В. Д. Кудрявцева*, *Делзмъ, въ Прав. Обзор.* 1881, I, 28 и дал.

⁷⁾ *Foril*. CXIX, 17. ed. *Meineke*.

значение міровозрѣнія Спевсиппа; и такъ какъ изъ предшествующаго мы знаемъ, что умъ есть движущая причина, то не является съ этимъ въ противорѣчїи и Цицероново толкованіе ученія Спевсиппа о Божествѣ, какъ «нѣкоторой силѣ, которою все управляется (*vim quandam, qua omnia regantur*)¹⁾. Ксенократъ Халкидонскій, слѣдуя также Платону, въ то же время, подобно Спевсиппу, понижалъ значеніе и достоинство ученія Платонова тѣмъ, что предпочелъ его идеологіи Пифагорейскую науку чиселъ и такимъ образомъ, вмѣсто шага впередъ, сдѣлалъ еще шагъ назадъ. Именно за первоосновы онъ признавалъ единство и двойство. Первое называлъ онъ Первымъ или мужескаго рода Богомъ, также Отцемъ, Зевсомъ и Умомъ, второе же называлъ женскаго рода Богомъ и матерію боговъ. Изъ союза между тѣмъ и другимъ производилъ онъ ближе всего числа, которыя у него равносильны идеямъ²⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ксенократъ, также подобно Платону и Спевсиппу, училъ о міровой душѣ, проникающей всѣ части вселенной и условливающей собою божественность природы не только свѣтилъ небесныхъ и неба, но и земныхъ стихій, а равно также производящей и въ животныхъ чувство Божественнаго³⁾. Однако же какъ въ отношеніи къ первоосновамъ, такъ и здѣсь, пониженіе уровня ученія Ксенократова сказалось въ томъ, что понятіе о міровой душѣ уже прямо было пантеистическое. И въ этомъ-то пантеистическомъ смыслѣ Ксенократъ говоритъ объ осьми олимпійскихъ богахъ, управляющихъ свѣтилами небесными, придаетъ Божественныя имена силѣ, дѣйствующей въ стихїяхъ⁴⁾ и т. д. Въ этомъ же смыслѣ часть міровой души, имѣющей силу на небѣ, онъ называетъ вышнимъ Зевсомъ (*Δία... ὕπατον*), а часть ея, дѣйствующую на землѣ и подлунною (въ атмосферѣ земной)—нижнимъ (*υἑατον*), Зевсомъ⁵⁾. Но такъ какъ въ этой нижней сферѣ рядомъ съ добрымъ находится и злое, на ряду съ благодѣтельнымъ является и вредоно-

¹⁾ De nat. deor. I, 13.

²⁾ Zeller II, 866—867.

³⁾ Ibidem, 872 seqq.

⁴⁾ Ibidem, 873

⁵⁾ Ibidem, 873—874. Conf. Mullach, Fragm. ph. gr. III, 114.

сное, то Ксенократъ допускалъ въ ней существованіе и властвованіе не только боговъ, но и демоновъ, причемъ послѣднихъ ставилъ, по достоинству природы, въ срединѣ между Божественнымъ совершенствомъ и человѣческимъ несовершенствомъ ¹⁾. Но, къ сожалѣнію, и отъ Ксенократа, какъ отъ Спевсиппа, до насъ остались лишь незначительные отрывки, передаваемые другими писателями и не позволяющіе съ точностію судить объ ученіи его.—*Гераклидъ* Понтійскій, хотя и не былъ прямо академикомъ, однако въ своемъ ученіи объ интересующемъ насъ предметѣ весьма близко стоитъ къ Платону и его школѣ. Это ясно изъ того, что у Цицерона ему ставится въ укоръ его непостоянство въ признаніи Божествомъ то духа или ума, а то міра, равно также въ укоризну ему поставляется и то, что онъ приписываетъ Божественное достоинство планетамъ, неподвижнымъ звѣздамъ и землѣ ²⁾. Здѣсь мы видимъ слѣды ученія Платона о Божественномъ умѣ, одушевленности и Божественности міровыхъ свѣтилъ и всего міра и т. д., тѣмъ болѣе, что и Гераклидъ, какъ Платонъ, дѣлаетъ различіе между Богомъ невидимымъ и видимыми богами, т. е. звѣздами ³⁾. Въ то же время Гераклидъ, подобно другимъ академикамъ, примыкалъ и къ пифагорейству, считая душу за существо, состоящее изъ свѣтлой, эфирной матеріи и полагая, что души, до своего соединенія съ тѣлами, блуждали, въ видѣ свѣтлыхъ точекъ, по млечному пути ⁴⁾. Отъ другихъ древнихъ академикомъ мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ для сужденія объ ученіи ихъ, касающемся предмета идеи Божества. Не можемъ не замѣтить лишь того обстоятельства, что чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе отступали они отъ тѣхъ возвышенныхъ началъ, которыя положены были въ основу философіи школы ея первымъ учителемъ и основателемъ—Платономъ. За то, въ свою очередь, и духъ Платона мало-по-малу удалялся изъ школы, пока при Аркезилаѣ совсѣмъ не отлетѣлъ изъ нея и не почилъ на другихъ философскихъ школахъ и ближе всего на школѣ перипатетической, основанной даровитѣйшимъ ученикомъ Платона—Аристотелемъ.

И. Корсунскій.

¹⁾ Zeller, II, 874. Mullach, III, 115 sq.

²⁾ Ciceron. De nat. deor. I, 13, 34. Krische, Gorsch. 3347.

³⁾ Zeller, II, 885—886.

⁴⁾ Ibidem, 888.

ЛИСТОКЪ

для

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

28 Февраля № 4. 1890 года.

Содержаніе. Воззваніе.—Журналы Харьковскаго XIII епархіальнаго съѣзда духовенства 1890 года февраля 5—7 дня.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ВОЗЗВАНІЕ.

Въ 1868 году возникла великая христіанская мысль въ душѣ бывшаго начальника Терской области графа Лорисъ-Меликова создать храмъ во Владикавказѣ въ ознаменованіе счастливаго окончанія долгой и мучительной борьбы Русскихъ воиновъ съ туземными горскими племенами. Такіе священные памятники, какъ извѣстно изъ исторіи, всегда устраивались Русскимъ народомъ, твердо вѣрующимъ, что успѣхи войны не столько зависятъ отъ силы человѣческой, сколько отъ воли Божіей. Къ чувству благоговѣйной благодарности Господу,—Вышнему Правителю всѣхъ народовъ, въ то же время присоединялось благочестивое желаніе выразить сердечное молитвенное воспоминаніе о любезныхъ воинахъ, положившихъ животъ свой на полѣ брани за вѣру, Царя и отечество—для мирной жизни своихъ собратій по родинѣ. Въ силу этихъ священныхъ чувствъ, созидались храмы по окончаніи тяжелыхъ и разорительныхъ войнъ съ татарами, поляками, шведами, французами, турками и проч.

Благочестивая мысль устроить храмъ во Владикавказѣ, который былъ главнымъ свидѣтелемъ упорной и мучительной борьбы Русскихъ воиновъ съ горскими племенами, встрѣтила полное сочувствіе и одобреніе Великаго Князя, Намѣстника Кавказа, Его Императорскаго Высочества Михаила Николаевича; въ слѣдующемъ 1869 г. была открыта подписка на сборъ пожертвованій въ Кавказскомъ намѣстничествѣ, и первая крупная жертва (1000 рублей) на это святое предпріятіе была отъ Его же Высочества. Въ декабрѣ 1872 г. воспослѣдовало и Высочайшее соизволеніе на открытіе повсемѣстно во всей Русской Имперіи сбора пожертвованій на сооруженіе соборнаго храма во Владикавказѣ. Но успѣху добраго дѣла много препятствовали перемѣны начальствующихъ лицъ во Владикавказѣ

и неустройство жителей, вновь поселяющихся въ немъ, какъ въ гражданскомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Самое же главное препятствіе состояло въ томъ, что вскорѣ открылись безпокойныя политическія движенія, а за ними и военныя дѣйствія на югѣ, которыя совсѣмъ оторвали вниманіе мѣстнаго начальства отъ устройства соборнаго храма. Только въ 1881 г. сдѣлано послѣднее усиліе къ постройкѣ его, и оно ограничилось только тѣмъ, что капитальныя стѣны подведены подъ карнизъ, зданіе покрыто на время для защиты отъ снѣга и дождя тесомъ, и вотъ въ такомъ печальномъ видѣ оно стоитъ уже около 9 лѣтъ. Когда отъ благоустроеннаго города, съ его красивыми улицами и домами, переносится взоръ на это одинокое, недостроенное зданіе, въ основаніе котораго положена великая священная идея, невольно овладѣваютъ душею грусть и уныніе, а затѣмъ является сильное желаніе напомнить сынамъ Россіи и возбудить сердца ихъ къ благоуспѣшному окончанію его. Нѣтъ сомнѣнія, что болѣе живое и дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ должны принять жители Владикавказа, Терской и Кубанской области, для которыхъ особенно дорого умиротвореніе Кавказскаго края. Но съ другой стороны нужно сказать и то, что здѣсь были войны со всѣхъ концовъ Россіи: многіе изъ нихъ здѣсь окончили жизнь свою и теперь ждуть молитвеннаго воспомнанія о себѣ отъ своихъ соотечественниковъ и сродниковъ.

Въ Кавказскомъ краѣ есть въ высшей степени замѣчательная особенность въ празднованіи по случаю благоуспѣшнаго устройства и освященія Православныхъ храмовъ, которую нужно объяснить не религіознымъ равнодушіемъ, или индифферентизмомъ, но своеобразнымъ историческимъ ходомъ и складомъ жизни обитателей Кавказа, гдѣ постоянныя опасности грабежа и смерти какъ бы невольно заставляли разныя націи—различныхъ религій и вѣроисповѣданій—дружиться между собою. Въ этомъ празднованіи принимаютъ живое участіе всѣ окрестные жители, забывши на этотъ разъ различіе своей національности, вѣры и вѣроисповѣданія:—Магометанинъ и Еврей, Армянинъ и Грузинъ, Осетинъ, Чеченецъ и Кабардинецъ, Нѣмецъ—лютеранинъ и Полякъ—католикъ, чисто-Православный и раскольникъ—всѣ несутъ посильныя жертвы—натурою и деньгами—на общее религіозное многочеловѣческое торжество, и всѣ на немъ раздѣляютъ братскую радость во славу Единого всѣхъ Бога—Отца Небеснаго. Весьма желательно, чтобы тотъ духъ братской любви и патриотическаго единодушія, обнимающій въ извѣстные моменты жителей многострадальнаго Кавказа, пронесъ во всѣ страны Россіи и возбудилъ сердца всѣхъ сыновъ ея,—безъ различія націй, религій и вѣроисповѣданій, къ устройенію священнаго памятника славнымъ воинамъ, которые цѣною крови и жизни доставили своему отечеству миръ, благоденствіе и славу. Въ сильныхъ чувствахъ преданности своему Государю, любви къ отечеству и ближнимъ, они въ борьбѣ со врагами какъ бы забывали свои личныя различія по національности и религіознымъ убѣжденіямъ...

Да благословитъ Господь это братское единомудріе ихъ и послѣ смерти устройствомъ Святаго Храма, въ которомъ будутъ въ опредѣленные дни возноситься за нихъ церковныя молитвы. Наша Православная Церковь, какъ истинное насажденіе Божіе, всегда желаетъ отражать въ своихъ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ безконечныя совершенства любви и милосердія Отца Небеснаго, Который *благъ есть на безблагодатныя*, изливаетъ свѣтъ солнца своего *на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя*. Она въ одной молитвѣ такъ взываетъ къ Спасителю міра Господу Богу: «Вся презираяй плотскія долги наши, Спасе нашъ, *во всякомъ возрастѣ всего рода челоука*, предъ судищемъ Твоимъ постави неосужденны Тебя Создателю отвѣщающія» (Лук. VI. 35. Матѣ. V. 45). (Молитв. объ усопшихъ въ мясопустн. родит. субботу).

Благодаря искренней заботѣ и сильному желанію Начальника Терской области Генераль-Лейтенанта г. Смѣкалова привести зданіе Соборнаго Храма въ благоустроенный, окончательный видъ, теперь приглашены и приглашаются всѣ нужныя для сего дѣла лица изъ духовнаго, военнаго и гражданскаго вѣдомства въ г. Владикавказѣ. Но мѣстными силами и средствами, какъ показали прежніе опыты, едва-ли можно достигнуть благихъ, желательныхъ успѣховъ. Поэтому, во имя Высочайшаго соизволенія на открытіе повсемѣстно въ Имперіи сбора пожертвованій на сооруженіе сего храма, мы обращаемся съ просьбою ко всѣмъ Русскимъ людямъ, которымъ желателенъ Священный Памятникъ умиротворенія Кавказа.

Предсѣдатель Комитета по постройкѣ Собора *Петръ*, Епископъ Владикавказскій.

1. Пожертвованія слѣдуетъ адресовать на имя Предсѣдателя Комитета Преосвященнаго *Петра*, Епископа Владикавказскаго.

2. Кто пожелаетъ, чтобы усопшіе воины на Кавказѣ, почему-либо особенно близкіе его сердцу, номинались на молитвѣ церковной поименно,—тотъ можетъ сообщить имена ихъ на подписномъ листѣ, или въ особомъ письмѣ мѣстному Соборному причту, на имя Каедральнаго Протоіерея *Іоуля Самидова*.

Ж У Р Н А Л Ы

Харьковскаго XIII епархіальнаго съѣзда духовенства 1890 года
февраля 5—7 дня.

Депутаты съѣзда, собравшись сего числа въ утреннемъ засѣданіи въ числѣ 33, по молитвѣ, приступили къ избранію предсѣдателя съѣзда, и посредствомъ закрытой баллотировки большинствомъ голосовъ избрали на должность предсѣдателя съѣзда протоіерея о. Михаила Павлова и единогласно дѣлопроизводителями священниковъ Александра Чернявскаго и Іа-

кова Арефьева. *Постановили:* журналъ сей вмѣстѣ съ баллотировочнымъ листомъ представить на благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Высокопреосвященства. На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства отъ 5 февраля н. г. за № 819 послѣдовала такая: «Утверждается».

Въ утреннемъ засѣданіи 5 февраля н. г. уполномоченные съѣзда слушали словесное предложеніе о. председателя съѣзда объ избраніи членовъ временно-ревизіонной комиссіи какъ для провѣрки отчетовъ по епархіальному женскому училищу, такъ и по епархіальному свѣчному заводу, и *избрали:* а) въ члены комиссіи по епархіальному женскому училищу священниковъ: Павла Клементьева, Николая Яковлева, Петра Яновскаго и Николая Фесенкова, которымъ и постановили передать смѣту прихода и расхода по содержанію училища на будущее трехлѣтіе для разсмотрѣнія, и б) въ члены ревизіонной комиссіи по свѣчному епархіальному заводу протоіерея Василя Доброславскаго, священниковъ Дмитрія Рєгншевскаго, Михаила Соколовскаго, Герасима Новомірскаго, Михаила Литкевича и Тимоея Буткевича, которые по разсмотрѣніи своемъ отчетовъ по заводу и провѣркѣ матеріаловъ и всего заводскаго хозяйства и наличныхъ суммъ доложили бы съѣзду съ своимъ заключеніемъ. На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства отъ 12 февраля н. г. за № 822 послѣдовала такая: «Утверждается».

Въ вечернемъ засѣданіи 5 февраля н. г. уполномоченные съѣзда слушали: 1) журналъ распорядительнаго совѣта Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища, въ которомъ председатель совѣта священникъ о. Тимоей Буткевичъ ходатайствуетъ предъ съѣздомъ о назначеніи ежегоднаго пособія бывшей начальницѣ училища, Евдокии Ивановнѣ Колосовской, прослужившей въ училищѣ около 16 лѣтъ, со дня открытія училища, пользуясь скуднымъ содержаніемъ, а въ настоящее время, по причинѣ разстроенаго ея здоровья, Колосовская терпитъ крайнюю нужду и проситъ пособія за понесенные ею труды по нашему епархіальному училищу. Принимая во вниманіе долговременную, трудную и полезную службу г-жи Колосовской въ должности начальницы училища и болѣзненное ея состояніе въ настоящее время, *постановили:* бывшей начальницѣ училища Колосовской выдавать ежегодно пособія по сто двадцать рублей по день ея смерти, начиная съ 1 января 1891 г., изъ процентовъ съ капитала пожертвованнаго полковникомъ Цопинымъ на непредвидѣнныя нужды училища, каковую сумму и вносить на будущее время въ смѣту прихода и расхода на означенный предметъ.

2) Уполномоченные слушали отношеніе председателя того же совѣта, священника о. Тимоея Буткевича о неаккуратномъ взносѣ нѣкоторыми родителями за содержаніе своихъ дочерей въ училищѣ, а именно: 1) свя-

щенникомъ Сумеонѣмъ Котляровымъ не уплачено за содержаніе дочери его Любови, окончившей курсъ въ 18^{85/86} учебномъ году 12 рублей; 2) священникомъ Іоанномъ Хижняковымъ не уплачено за содержаніе дочери его Евгениі, уволенной изъ училища въ 18^{86/87} учебномъ году 35 рублей, 3) священникомъ Александромъ Василевскимъ не уплачено за содержаніе дочери его Александры, окончившей курсъ въ 18^{88/89} учебномъ году 37 р. 50 коп., и 4) священникомъ Павломъ Измаиловымъ не уплачено за содержаніе дочери его Матроны, окончившей курсъ въ 18^{88/89} учебномъ году 37 р. 50 коп., *постановили*: просить совѣтъ епархіальнаго училища обратиться къ мѣстнымъ оо. благочиннымъ, которые, надѣясь, употребятъ съ своей стороны всевозможныя мѣры ко взысканію недоплатъ съ вышеозначенныхъ лицъ; на будущее же время къ предупрежденію подобныхъ явленій просить совѣтъ училища не принимать въ училище тѣхъ изъ воспитанницъ, за которыхъ будетъ не внесено платы по истеченіи полугодія, при началѣ второго полугодія.

3) Уполномоченные слушали прошеніе а) священника Лебедискаго уѣзда, села Толстой, Іоанно-Воицкой церкви, о. Николая Рубинскаго, о сложеніи съ него недоимки въ количествѣ 200 р., за содержаніе двухъ дочерей его въ епархіальномъ училищѣ въ виду его крайней бѣдности; и б) прошеніе діакона слободы Варваровки, Старобѣльскаго уѣзда, Іоанно-Предтечевской церкви, Іоанна Климентова также о сложеніи недоимки за содержаніе въ училищѣ дочери его, въ количествѣ 170 р., тоже по причинѣ крайней бѣдности его, *постановили*: такъ какъ съѣзды духовенства въ силу распоряженія высшаго начальства не имѣютъ права слагать недоимки, то просить совѣтъ училища чрезъ мѣстныхъ оо. благочинныхъ взыскивать недоимку съ означенныхъ лицъ, въ виду ихъ бѣдности, по частямъ, по мѣрѣ возможности. На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства отъ 12 февраля н. г. за № 824 послѣдовала такая: «Утверждается».

Въ вечернемъ засѣданіи 5 февраля н. г. депутаты съѣзда слушали отношеніе Харьковской духовной семинаріи, въ которомъ правленіе проситъ а) объ увеличеніи ежегоднаго взноса отъ церкви на семинарскія нужды, б) о ежегодномъ отпускѣ изъ суммъ свѣчнаго епархіальнаго завода 300 р. на выдачу пособій бѣднѣйшимъ воспитанникамъ семинаріи и в) объ избраніи двухъ членовъ семинарскаго правленія отъ духовенства на новое трехлѣтіе. Изъ препровожденнаго при семъ въ съѣздъ журнала распорядительнаго собранія правленія семинаріи видны нужды семинаріи, но съѣздъ не имѣетъ такихъ источниковъ, изъ которыхъ можно было бы удовлетворить всѣ семинарскія нужды; увеличивать же взносъ отъ церкви не находится возможнымъ, потому что церкви и безъ того обременены значительными взносами на духовно-учебныя заведенія, а потому, *постановили*:

а) въ добавокъ къ прежнимъ взносамъ на нужды семинаріи установить личный взносъ по 1 р. отъ каждаго причта епархіи ежегодно, начавъ таковой съ 1891 г. и б) отпускать изъ суммъ свѣчнаго епархіальнаго завода на выдачу пособій бѣднѣйшимъ воспитанникамъ семинаріи 300 руб. ежегодно.

За симъ уполномоченные съѣзда приступили къ избранію членовъ правленія семинаріи отъ духовенства на новое трехлѣтіе, и посредствомъ закрытой баллотировки большинствомъ голосовъ избрали членами правленія семинаріи города Харькова священниковъ Тимоѳея Буткевича и Василя Добровольскаго, и кандидатами къ нимъ священниковъ Аполлона Ильяшева и Андрея Балаповскаго; при семъ прилагается баллотировочный листъ на благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства. На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства отъ 12 февраля н. г. за № 823 послѣдовала такая: «Членами правленія семинаріи назначаются священники Ильяшевъ и Добровольскій. Прочее утверждается».

Въ вечернемъ засѣданіи 6 февраля н. г. уполномоченные съѣзда слушали журналъ совѣта Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища, въ которомъ, между прочимъ, совѣтъ училища просить, въ виду значительныхъ расходовъ по устройству новаго училищнаго корпуса и открытія съ слѣдующаго учебнаго года параллельныхъ классовъ, о необходимости увеличить плату отъ своекоштныхъ воспитанницъ за содержаніе ихъ въ училищѣ на будущее время, вмѣсто 75 р. с., 80 р. с., и за обученіе музыкѣ вмѣсто 25 р. с., 30 р. с. въ годъ, а также о продленіи спеціальнаго текущаго счета во второмъ обществѣ Взаимнаго Кредита до 1892 года. По выслушаніи означеннаго журнала уполномоченные съѣзда признали все выше-описанное вполне заслуживающимъ вниманія, а потому *постановили*: съ будущаго учебнаго года взимать плату за содержаніе въ училищѣ отъ своекоштныхъ воспитанницъ по 80 р. с., а за обученіе музыкѣ 30 руб. с. въ годъ, а также разрѣшить совѣту училища продолжить спеціальный текущій счетъ во второмъ обществѣ Взаимнаго Кредита до 1892 года. На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства отъ 12 февраля н. г. за № 825 послѣдовала такая: «Утверждается».

Уполномоченные Съѣзда въ вечернемъ засѣданіи того-же числа слушали докладъ временно-ревизіонной комиссіи по епархіальному женскому училищу слѣдующаго содержанія:

1) Отчеты по содержанію епархіальнаго женскаго училища за 1887 и 1888 годы были повѣрены временно-ревизіонными комитетами, каковыми и найдено, что приходы и расходы суммъ были производимы подобно смѣтѣ, утвержденной предыдущимъ епархіальнымъ Харьковскимъ Съездомъ духовенства, въ чемъ вполне согласна и ревизіонная комиссія.

2) По смѣтѣ на содержаніе Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища въ будущемъ трехлѣтіи съ 1890 по 1893 годы исчислено: прихода 64,958 р. 19 к., расходовъ 64825 р. 38 к., слѣдовательно, приходъ суммъ превышаетъ расходъ на 132 р. 81 к., а потому комиссія полагала-бы означенную смѣту принять безъ всякаго измѣненія по всемъ статьямъ вѣстѣ, съ приложеніемъ къ оной.

3) Въ краткомъ отчетѣ по устройству при училищѣ новаго корпуса для параллельныхъ классовъ исчислено поступления суммъ 25899 рублѣй 92 к., а израсходовано въ дѣйствительности 69459 руб. 4 к., изъ чего слѣдуетъ, что расходъ превысилъ на 43568 р. 12 к. На означенную въ краткомъ отчетѣ, по устройству новаго зданія, въ расходѣ сумму 69459 р. 4 к. не только устроилъ вчернѣ величественный корпусъ въ три этажа, въ чемъ комиссія убѣдилась при личномъ осмотрѣ сего 6 февраля, но и заготовлено много матеріала для внутренней отдѣлки оного, какъ то: дубовыхъ и сосновыхъ досокъ, извести, песку и проч.

4) Осматривая новое зданіе, комиссія осмотрѣла и все прежнія жилища зданія, службы и все училищное хозяйство и во всемъ усмотрѣла безукоризненный порядокъ и чистоту.

5) Докладывая о вышеизложенномъ XIII епархіальному съѣзду духовенства, комиссія признаетъ вполне справедливымъ изъявить искреннюю благодарность: а) членамъ ревизіонныхъ комитетовъ и строительнаго комитета за ихъ трудъ и в) въ особенности совѣту Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища и ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о внесеніи оной въ ихъ послужные списки. Выслушавъ означенный докладъ комиссіи, *постановили*: а) докладъ ревизіонной комиссіи принять къ свѣдѣнію. Членамъ же ревизіонныхъ комитетовъ и строительнаго комитета по училищу, за ихъ полезные и усердные труды и въ особенности Совѣту Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища выразить искреннюю благодарность и ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о внесеніи благодарности въ послужные списки.

За снѣмъ уполномоченные съѣзда приступили къ выбору членовъ совѣта Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища на новое трехлѣтіе и посредствомъ закрытой баллотировки избрали членами совѣта священниковъ Николая Мищепкова и Паисія Іванова и кандидатами къ нимъ священниковъ Анолона Ильинскаго и Миканла Румянцева. *Постановили*: журналъ сей вѣстѣ съ баллотировочнымъ листомъ представить на благоусмотрѣніе его высокопреосвященства.

На снѣмъ журналъ резолюція его высокопреосвященства отъ 12 февраля н. г. за № 826 послѣдовала такова: «Утверждается. По ст. 5 отнестись въ канцелярію».

Въ утреннемъ засѣданіи 7 февраля н. г. уполномоченные съѣзда слушали доклады правленія Харьковскаго епархіальнаго свѣчного завода и временпо-ревизионной комиссіи, при чемъ правленіемъ завода представлена отчетность за три послѣдніе года, изъ которой видно, что за 1887, 1888 и 1889 годы получено прибыли отъ операций завода 137971 р. 97¹/₂ коп., изъ которыхъ 129985 руб. ³/₄ к. израсходовано на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній и другія нужды епархіи, а 7986 р. 96 ³/₄ к. причислены къ оборотному капиталу. Въ 1890 году предстоитъ выдача изъ прибыли завода на разныя нужды епархіи до 42271 руб., и кромѣ того на необходимыя расширенія мастерской, помѣщеній рабочихъ и устройства новаго склада для желтаго воска, потребуется отъ 5 до 6 тысячъ; при этомъ Правленіе завода заявляетъ, что при епархіальномъ заводѣ необходимъ запасной капиталъ. Членами ревизионной комиссіи въ докладѣ ихъ съѣзду подтверждено, что все прописанное выше необходимо устроить въ заводѣ, и между прочимъ обращено вниманіе на усердную и полезную дѣятельность смотрителя завода Яновскаго, который служитъ при заводѣ 12 лѣтъ. При этомъ заявлено было предсѣдателемъ правленія завода, что нѣкоторыми комиссіонерами, и въ особенности изъ благочинныхъ не представляются въ правленіе завода своевременно отчетности по комиссіонерскимъ складамъ, и при этомъ уполномоченные съѣзда нашли, что необходимо установить контроль надъ комиссіонерскими свѣчными складами и сократить вознагражденіе комиссіонеровъ съ 1 р. на 50 к. за каждый проданный пудъ свѣчей. *Постановили:* 1) просить членовъ благочинническихъ совѣтовъ производить повѣрку какъ операций, такъ и свѣчей, находящихся на рукахъ у комиссіонеровъ ихъ округовъ, хотя по одному разу въ годъ, и доносить своевременно правленію свѣчного завода, что ими будетъ найдено, а самихъ о.о. благочинныхъ, которые состоятъ комиссіонерами просить о сложеніи съ себя обязанностей по комиссіонерству, возложивъ ихъ на другихъ священниковъ, по выбору священниковъ же округа. 2) а) Вознагражденіе комиссіонеровъ въ размѣрѣ одного рубля отъ каждаго проданнаго пуда признать высокимъ, назначивъ имъ снова прежнее вознагражденіе въ размѣрѣ 50 коп. отъ пуда, съ 1 января 1890 года; б) продажу свѣчей чрезъ комиссіонеровъ производить безъ развѣса, а въ пакетахъ и съ этикетками завода, и складки на усышку не дѣлать. 3) Просить членовъ завода не дѣлать расходовъ по своимъ разъѣздамъ изъ суммъ завода, хотя бы то и по дѣламъ завода, какъ до сихъ поръ дѣлалось ими по свидѣтельству членовъ ревизионной комиссіи и какъ видно изъ самыхъ отчетовъ правленія завода. 4) Дозволить правленію завода расширить помѣщеніе мастерской и квартиры рабочихъ, ремонтировать старый складъ и устроить новый. 5) Смотрителю завода, за его

усердные и ровностные труды, выдать единовременно, въ видѣ поощренія, сто рублей сер. и бухгалтеру пятьдесятъ рублей серебромъ, согласно ходатайству правленія завода.

За симъ приступили къ выбору членовъ правленія свѣчнаго епархіальнаго завода и ревизіонной комиссіи на новое трехлѣтіе, и посредствомъ закрытой баллотировки избрали членами правленія протоіерея Павла Тимофеева, священниковъ: Филиппа Соболева и Николая Соколовскаго и кандидатомъ къ нимъ священника Андрея Рудинскаго; а членами ревизіонной комиссіи по свѣчному заводу священниковъ: Михаила Румянцева и Петра Мигулина, и кандидатомъ къ нимъ священника Григорія Бѣляева. Журналъ сей вмѣстѣ съ баллотировочнымъ листомъ представить на благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства отъ 12 февраля н. г. за № 827 послѣдовала такая: «Утверждается».

Уполномоченные съѣзда, въ утреннемъ засѣданіи того-же числа разсуждали о томъ, что не смотря на заботы предшествовавшихъ съѣздовъ объ обеспеченіи вдовъ и сиротъ епархіальнаго духовенства, правильно поставленнаго эмеритурнаго пособія можно ожидать еще въ весьма отдаленномъ времени. По сему *постановили*: оставляя образованіе эмеритурнаго капитала на прежнихъ началахъ, указанныхъ XII епархіальнымъ съѣздомъ, съ 1 января 1890 г. принять къ обязательному исполненію слѣдующее:

1) Въ память каждаго умершаго священника всѣ наличные занимающіе штатные мѣста священники вносятъ по 1 руб. каждый въ попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія съ тѣмъ, чтобы на составившіеся изъ этихъ взносовъ капиталъ были прибрѣтены выгоднѣйшія изъ государственныхъ процентныхъ бумагъ; проценты съ этого капитала ежегодно, помимо попечительнаго пособія, выдаются вдовѣ умершаго священника до ея смерти, или до выхода въ замужество, а дѣтямъ—до полученія мѣста, или также до выхода въ замужество, а самый капиталъ причисляется къ капиталу епархіальной эмеритурны, оставаясь однако же неприкосновенно въ вѣдѣніи епархіальнаго попечительства.

2) На тѣхъ же самыхъ началахъ и съ тою же самою цѣлію діаконъ обязаны вносить по 50 к., въ пользу семейства каждаго умершаго діакона; псаломщики по 25 коп. въ пользу семейства каждаго умершаго псаломщика.

3) Веденіе этого дѣла просить принять на себя епархіальное попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія, которое, получивъ отъ консисторіи увѣдомленіе о смерти какаго-либо священника, діакона или псаломщика изъ духовенства епархіи, сообщаетъ о томъ благочиннымъ всей епархіи съ просьбою о взыскаіи съ кого слѣдуетъ установленнаго снмъ съѣздомъ взноса.

4) Такой способъ пособія вдовамъ и сиротамъ оставить до тѣхъ поръ, пока не вступитъ въ полное дѣйствіе эмеритура спархіи; журналъ сей представить на благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства отъ 12 февраля н. г. за № 828 послѣдовала такая: «Утверждается. Въ конспекторію для исполненія съ возвратомъ для примѣненія къ подобнымъ. Напечатать».

За окончаніемъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію сего съѣзда, *постановили*: засѣданіе закрыть и выразить сердечную благодарность, за труды, о. предсѣдателю съѣзда, протоіерею Михаилу Павлову и дѣлопроизводителямъ священникамъ Александру Чернявскому и Іакову Арефьеву.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства отъ 12 февраля н. г. за № 829 послѣдовала такая: «Утверждается».

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ Архангело-Михаиловской церкви сл. Бѣляевки, Старобѣльскаго уѣзда, Константинъ *Настодкинъ* перемѣщенъ на праздное священническое мѣсто при Митрофаніевской церкви, сл. Климовки, того же уѣзда.

— Діаконъ Архангело-Михаиловской церкви сл. Бѣляевки, Старобѣльскаго уѣзда, Василій *Торанскій* опредѣленъ къ той же церкви священникомъ.

— Діаконъ Троицкой церкви сл. Шульгинки, Старобѣльскаго уѣзда, Антонъ *Макаровскій* опредѣленъ священникомъ къ Тихоновской церкви сл. Титаровки, того же уѣзда.

— Сынъ псаломщика Андрей *Бузуикій* опредѣленъ исправляющимъ должность псаломщика къ Троицкой церкви селенія Юрченкова, Волчанскаго уѣзда.

— Псаломщики церквей Николаевской сл. Дробышевой, Изюмскаго уѣзда, Василій *Соболевъ* и Петро-Павловской сл. Великотека, Старобѣльскаго уѣзда, Софроній *Лонимовъ* перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

— При Григоріевской церкви сл. Новоселовки, Изюмскаго уѣзда, открыта вакансія штатнаго діакона, на которую опредѣленъ псаломщикъ сей же церкви Антоній *Мураховскій*.

— Утверждены церковными старостами: къ церквамъ Изюмскаго уѣзда: Покровской сл. Рѣдкодуба кр. Стефанъ *Курильченко* на второе трехлѣтіе и Покровской церкви сл. Маякъ кр. Стефанъ *Польскій* на первое трехлѣтіе; Старобѣльскаго уѣзда Троицкой, сл. Бахмутовки кр. Павелъ *Голубовъ*; Рождество-Богородичной сл. Штормовой кр. Матвѣй *Коробка* и

Николаевской сл. Райгородка кр. Василій *Смольяновъ*, Волчанскаго уѣзда Параскевѣевской церкви сел. Песчаного кр. Діонисій *Борзенко*; куп. Максимъ *Пазухинъ* Преображенской церкви гор. Бѣлополя, Сумскаго уѣзда; кр. Иванъ Федоровъ *Васильченко* къ Иоанно-Предтеченской цер. с. Рябушекъ, Лебединскаго уѣзда; Покровской с. Низшей Сыроватки, Сумскаго уѣзда отст. унт.-оф. Иванъ Яковлевъ *Штаиникъ*; Покровской с. Шпильевки, Сумскаго уѣзда мѣщ. Иванъ Василіевъ *Мамонтовъ*; Рождество-Богородичной г. Сумъ кр. Василій Иваловъ *Коненко*; и Кладбищенской Петро-Павловской г. Сумъ пот. поч. гражд. Николай Ивановъ *Скубенко*.

— Назначена къ церквямъ гор. Сумъ просфорницею вдова псаломщика Марѳа *Литвинцева*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Козни іезуитовъ въ Галиціи.—Извѣстія изъ Болгаріи.—Братство св. Саввы въ Бѣлградѣ.—Общее собраніе Харьковскаго отдѣленія Православнаго миссіонерскаго общества.—Мѣры къ распространенію христіанства между инопорядцами.—Устройство библиотекъ для борьбы съ расколомъ.—Положеніе православныхъ въ западномъ и югозападномъ краѣ.—Постройка войсковыхъ церквей въ Варшавскомъ округѣ.—Выдача отпусковъ священнослужителямъ.—Потребность въ обученіи молитвамъ и правильному церковному чтенію.—Заботы объ удаленіи инославныхъ свещ. изображеній изъ домовъ и церквей православныхъ.—Что можетъ быть сдѣлано духовенствомъ къ искорененію пьянства въ народѣ?—Попытка учрежденія общества трезвости.—Къ вопросу о церковныхъ сторожахъ.—Участіе земства въ завѣдываніи церковно-привходскими школами.—Раздача духовно-нравственныхъ брошюръ.

— Злополучная русская область Галиція, по историческимъ обстоятельствамъ оказавшаяся оторванной отъ общей земли русской подъ «благодѣтельнымъ» кровомъ конституціонной Австріи сдѣлалась какъ-бы эдемомъ для жидовъ и іезуитовъ. Если первые довели народъ до ужаснаго голода, истощающаго послѣднее достояніе населенія, то іезуиты въ свою очередь стараются истощить въ немъ послѣдніе останки русскаго національнаго и вѣронсовѣднаго самосознанія. Многіе монастыри и историческія учрежденія, служащія главными очагами этого самосознанія, уже захвачены, какъ извѣстно, іезуитами. Восьмиконечный крестъ сдѣланъ формой для ошейниковъ уличныхъ собакъ. Церковь православная поносится открыто во время богослуженій. Для того, чтобы сильнѣе своими ругательствами производить впечатлѣніе на простой народъ іезуиты по временамъ устраниваютъ даже богослуженіе на мѣстномъ русскомъ языкѣ. Такое богослуженіе недавно было во Львовѣ, въ костелѣ мѣстныхъ іезуитовъ. Народу собралось множество, тѣмъ болѣе, что во время богослуженія пѣлъ хоръ воспитанниковъ мѣст-

ной русской духовной семинаріи. Но лишь только дѣло дошло до проповѣди, какъ выступилъ нѣкій доминиканецъ и началъ превозносить униатство и латинство надъ московскою и цареградскою вѣрою, которую онъ безъ зазрѣнія совѣсти поносилъ всякими крѣпкими эпитетами и постоянно называлъ ее bluizersza. Проповѣдь эта возмутила многихъ присутствующихъ изъ русскихъ, и одинъ изъ нихъ письменно выразилъ въ «Червонной Руси» протестъ противъ подобнаго рода богослуженій.

— Въ Болгаріи продолжается волненіе по случаю открытаго заговора, во главѣ котораго оказался маіоръ Паница. Заговоръ имѣлъ своею цѣлю низложеніе, даже умерщвленіе принца Кобургскаго и его временщика Стамбулова. Въ заговорѣ оказались замѣшенными болѣе 370 офицеровъ. Фактъ этотъ произвелъ столь удручающее впечатлѣніе на Кобурга, что имъ овладѣлъ паническій страхъ за свою жизнь, онъ собрался было ночью бѣжать, и Стамбулову съ трудомъ удалось убѣдить его не оставлять Софіи. Карауль при дворцѣ смѣняется каждые полчаса, и въ пріемной Фердинанда день и ночь дежурятъ безусловно преданные ему офицеры и слуги. Этотъ заговоръ, по словамъ одной сербской газеты, «грозитъ превратиться въ военный бунтъ, предвѣщая пораженіе австро-германскаго вліянія въ Болгаріи и близкое паденіе принца Кобурга и его режима. Участь, постигшая австро-мадьярскую политику въ Сербіи, ожидаетъ ее и въ Болгаріи».

— «Сынъ Отечества» сообщаетъ, что братство св. Саввы, въ Бѣлградѣ, обратилось въ наши благотворительныя, ученныя и другія общества съ просьбою выслать ему книги духовно-нравственнаго, историческаго и иныхъ содержаній на русскомъ и славянскомъ языкахъ, для снабженія ими сербскаго населенія, находящагося подъ вліяніемъ мусульманъ, австрійцевъ и болгаръ. Братство св. Саввы въ настоящее время имѣетъ до 5000 членовъ, нѣсколько отдѣленій его существуютъ въ Босніи, Герцеговинѣ и Македоніи, гдѣ братство строитъ православныя церкви, открываетъ школы и т. д. Благодаря стараніямъ братства, въ текущемъ учебномъ году въ наши духовныя учебныя заведенія принято свыше 50 молодыхъ сербовъ, приготовляющихся къ занятію священническихъ мѣстъ и духовно-учебной дѣятельности на родинѣ.

— 18 февраля, по окончаніи Божественной литургіи, совершенной Высокопреосвященнѣйшимъ Амвросіемъ, архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, въ кафедральномъ соборѣ, члены Харьковского отдѣленія Православнаго миссіонерскаго общества собра-

лись въ часъ дня въ покояхъ Его Высокопреосвященства. Послѣ пѣнія стиха «Днесь благодать Св. Духа нась собра», Высокопреосвященнѣйшій предсѣдатель объявилъ цѣль собранія и пригласилъ къ выслушанію слѣдующаго отчета комитета за 1889 годъ, прочитаннаго членомъ комитета, протоіереемъ о. Іоанномъ Чижевскимъ. Въ отчетномъ году Харьковскій комитетъ составляли слѣдующія лица: предсѣдатель комитета, Его Пресвященство преосвященнѣйшій Петръ, епископъ Сумскій, викарій Харьковской епархіи, а по перемѣщеніи его на Владикавказскую кафедру, Высокопреосвященнѣйшій Амвросій, архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, товарищъ предсѣдателя—Харьковскій губернаторъ, тайный совѣтникъ, Александръ Ивановичъ Петровъ. Члены комитета: 1) ректоръ Харьковской духовной семинаріи, протоіерей Іоаннъ Кратировъ; 2) протоіерей Сумеонъ Илларионовъ; 3) протоіерей Іоаннъ Чижевскій; 4) протоіерей Тимофей Павловъ; 5) протоіерей Николай Лащенковъ; 6) протоіерей Андрей Дюковъ; 7) протоіерей Андрей Щелбуновъ и 8) надворный совѣтникъ Михаилъ Звѣрнинскій; должность казначея исполняетъ священникъ Стефанъ Петровскій; дѣлопроизводителемъ состоитъ коллежскій ассесоръ Григорій Макухинъ.

Дѣйствительныхъ членовъ Православнаго миссіонерскаго общества въ Харьковской епархіи къ 1-му января 1890 г. состояло 611 лицъ, въ томъ числѣ съ вѣчными взносами 26 лицъ, а единовременныхъ жертвователей было 1,637 лицъ.

Дѣятельность комитета въ отчетномъ году выражалась: а) въ поддержаніи установленныхъ въ прошедшіе годы способовъ къ умноженію денежныхъ средствъ въ пользу православныхъ миссій; б) въ пріятіи, храненіи и расходованіи миссіонерскихъ суммъ и в) въ исполненіи порученій Совѣта Православнаго миссіонерскаго общества.

Комитетъ принималъ всѣ зависящія мѣры къ усиленію денежныхъ средствъ миссіонерскаго общества. Для этого къ настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей, благочиннымъ и ко всѣмъ церквахъ епархіи своевременно, при началѣ года, были разосланы отъ комитета подписные листы съ приглашеніемъ на посильную жертву въ пользу миссій и такіе же листы, полученные отъ Совѣта Православнаго миссіонерскаго общества съ печатными воззваніями и въ то же время предложено всѣмъ священникамъ епархіи въ Недѣлю Православія, согласно распоряженію того же Совѣта, произнести поученія съ приглашеніемъ всѣхъ предстоящихъ въ цер-

кви въ посильнымъ пожертвованіямъ на святое дѣло распростра-
ненія православія между язычниками Имперіи.

Принятіе, храненіе и расходование суммъ производились коми-
тетомъ въ порядкѣ, установленномъ въ прошедшіе годы. Посту-
пившія деньги, по мѣрѣ ихъ накопленія, согласно указу Св. Су-
нода отъ 5 февраля 1883 г. за № 3-мъ, вкладывались для прира-
щенія процентами въ Харьковскую контору Государственного
банка. Списки пожертвованій были напечатаны своевременно въ
Харьковскомъ «Епархіальномъ Листкѣ».

Движеніе суммъ комитета въ отчетный годъ представляется въ слѣ-
дующемъ видѣ: I. Осталось отъ 1888 года: а) неприкосновеннаго капи-
тала—1,980 р., б) запаснаго капитала—4,387 р. 79 к. и в) расходнаго
капитала—2,321 р. 27 к. II. Въ отчетномъ году поступило: а) отъ 585
годовыхъ членовъ—1,880 руб., б) на вѣчное время отъ священ-
ника Адріана Крыжановскаго и старобѣльскаго мѣщанина Евгенія
Остаховой по 100 руб., обращенныхъ въ билеты Харьковской кон-
торы Государственного банка за № № 05,896 и 05,913—200 р.
в) отъ 1.637 единовременныхъ жертвователей—1,831 руб. 91 коп.,
г) по листамъ Совѣта Православнаго миссіонерскаго общества—
1,092 руб. 79 коп., д) по произнесеніи во всѣхъ церквахъ епархіи
въ Недѣлю Православія поученій съ приглашеніемъ къ пожерт-
вованіемъ, собрано—2,281 руб. 17 коп., е) кружечнаго сбора—
956 р. 34 к., ж) процентовъ съ капитала, принадлежащаго коми-
тету—248 руб. 91 коп. Итого 8,411 р. 12 коп., а всего съ остато-
чными—17,100 руб. 18 коп. III. Израсходовано въ отчетномъ году: а)
отправлено, по распоряженію Совѣта, въ Благовѣщенскій комитетъ
Православнаго миссіонерскаго общества—6,706 руб. 6 коп., б) на
пересылку сихъ денегъ—11 руб. 96 коп., в) на гербовыя марки
при вносѣ денегъ комитета въ банкъ—5 р. 35 коп., г) на жало-
ванье дѣлопроизводителю, писцу и на канцелярскія принадлеж-
ности—203 руб. 45 коп. и д) на отпечатаніе бланковъ, подпис-
ныхъ листовъ приходо-расходной книги и др.—50 р. 10 к. итого
—6,979 руб. 92 коп. IV. Осталось къ 1890 году: а) неприкосно-
веннаго капитала—2,180 р., б) запаснаго капитала—4,601 р. 37
коп. и в) расходнаго капитала—3,338 руб. 89 к. всего наличны-
ми: 7,940 р. 26 к., билетами: 2,180 р.

Затѣмъ Его Высокопреосвященство, объявивъ собранію объ
окончаніи двухгодичнаго срока службы членовъ и казначея коми-
тета, пригласилъ собраніе къ выборамъ новыхъ членовъ и казна-
чея, а также и четырехъ уполномоченныхъ отъ собранія, не состоя-

щихъ членами комитета, для повѣрки годичнаго отчета въ финансовомъ отношеніи.

Членъ Православнаго миссіонерскаго общества священникъ Тимошей Буткевичъ предложилъ общему собранію оставить Харьковскій комитетъ Православнаго миссіонерскаго общества въ прежнемъ его составѣ. Собраніе постановило: выразивъ благодарность бывшимъ членамъ комитета, просить ихъ продолжать свою дѣятельность и въ будущій двухгодичный срокъ, на что они и изъявили свое согласіе. Затѣмъ приступлено было къ выбору ревизионной коммисіи. По объявленіи выборовъ, произведенныхъ посредствомъ написанія именъ на билетахъ, въ уполномоченные оказались избранными—священники Андрей Балазовскій, Николай Мощенковъ и Павелъ Григоровичъ.

За сямъ собраніе объявлено закрытымъ и закончилось пѣніемъ «Достойно есть».

— «Свѣтъ» сообщаетъ, что Св. Синодъ вошелъ въ сношеніе съ подлежащими вѣдомствами по вопросу о принятіи различныхъ мѣръ, направленныхъ къ распространенію христіанства среди инородцевъ Россіи. Изъ числа такихъ мѣръ, между прочимъ, предположено: предоставить приходскимъ священникамъ въ отдаленныхъ мѣстахъ сибирскихъ епархій денежныя привилегіи, наравнѣ съ духовенствомъ камчатской епархіи; сооруженіе церквей и молитвенныхъ домовъ на золотыхъ приискахъ съ учрежденіемъ особыхъ причтовъ и обязательнымъ освобожденіемъ рабочихъ на тѣхъ приискахъ въ праздничные дни отъ работъ, для посѣщенія церкви; учреждать школы среди раскольничьяго населенія Сибири; воспрещать молоканамъ Приамурскаго края держать прислугу изъ православныхъ лицъ; установить содѣйствіе гражданской власти къ охраненію въ томъ крайѣ православныхъ отъ соvrращенія въ молоканство и обязательно ввести въ употребленіе въ мѣстныхъ инородческихъ школахъ русскій языкъ.

— Въ числѣ различныхъ мѣръ, предпринятыхъ Св. Синодомъ, съ цѣлью доставить миссіонерамъ возможность энергично вести борьбу съ расколомъ, одно изъ главныхъ мѣстъ занимаетъ предпринятое въ настоящее время устройство, во всѣхъ почти епархіяхъ, полныхъ библіотекъ всѣхъ необходимыхъ миссіонерамъ книгъ. При этомъ обращено особенное вниманіе на то, чтобы важнѣйшія изъ старопечатныхъ книгъ, которыми пополняются епархіальныя библіотеки, были подлинныя. Въ епархіяхъ наиболѣе зараженныхъ расколомъ, подобныя библіотеки устриваются при всѣхъ благочи-

ніяхъ, при чемъ старинныя уважаемыя раскольниками книги для нихъ доставляются изъ типографіи Троицею еднновѣрческой церкви въ Москвѣ. Лично священники и миссіонеры снабжаются всеми полемическими противъ раскола книгами, которыя приобрѣтаются, черезъ посредство преосвященныхъ, безвозмездно изъ Св. Синода.

— Еще въ одной епархіи обращено вниманіе на привлеченіе дѣтей инородцевъ въ духовныя школы, въ надеждѣ приготовить изъ этихъ воспитанниковъ наиболѣе полезныхъ служителей православной Церкви среди инородцевъ. Определеніемъ пермской консисторіи, 9 января, утвержденнымъ епархіальнымъ преосвященнымъ, открыты при соликамскомъ духовномъ училищѣ шесть стипендій по 60 руб. въ годъ каждая, для дѣтей инородцевъ, по преимуществу пермяковъ, для подготовленія изъ нихъ священно-церковно-служителей и учителей церковно-приходскихъ школъ въ пермяцкихъ селеніяхъ епархіи, съ обязательною, по окончаніи курса ученія, службою въ пермяцкихъ приходахъ соликамскаго и чердынскаго уѣздовъ. Потребную сумму обѣщаль давать пермскій мисс. комитетъ.

— Въ послѣднее время русское общество имѣло нѣсколько новыхъ поводовъ обратить вниманіе на положеніе православныхъ въ западномъ и юго-западномъ краѣ. Въ Петербургѣ, 6 февраля, въ многочисленномъ собраніи духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, въ педагогическомъ музеѣ, профессоръ Праховъ, дѣлая сообщеніе о владиміро-волыцкомъ Успенскомъ соборѣ, составляющемъ древнѣйшую православную святыню на Волыни, коснулся чрезвычайно сильно увеличившейся нынѣ цифры инновѣрцевъ на Волыни и малыхъ средствъ православнаго братства во Владимірѣ-Волынскомъ. Кременецкое Богоявленское братство обнародовало братскій за 1889 годъ отчетъ, въ которомъ упоминаетъ, что братство начало свою дѣятельность, имѣя всего 600 рублей основнаго капитала, что и въ послѣдующіе годы денежные средства братства мало возрасли, что къ концу отчетнаго года въ кассѣ братства было 1,208 руб., израсходовано же въ теченіе года на дѣла благотворительности и духовнаго просвѣщенія 528 рублей,—цифры незначительныя. Изъ виленскаго уѣзда на дняхъ сообщали о новомъ обнаруженіи религіозной нетерпимости католиковъ въ им. Руэли, которыя долго не позволяли хоронить на своемъ кладбищѣ умершаго тамъ православнаго драгуна, не смотря на отсутствіе православнаго кладбища по близости, вслѣдствіе чего тѣло умершаго пришлось сначала похоронить во временной могилѣ въ гѣсу.

— «Сынъ Отечества» пишетъ, что Варшавскій генераль-губернаторъ генераль-адъютантъ Гурко вошелъ съ представленіемъ къ военному министру о необходимости устройства въ варшавскомъ военномъ округѣ войсковыхъ церквей, такъ какъ за ограниченнымъ количествомъ таковыхъ, а мѣстами и за полнымъ ихъ отсутствіемъ нижнимъ чинамъ православнаго вѣроисповѣданія приходится посѣщать католическіе костелы. Съ Высочайшаго соизволенія сдѣлано теперь распоряженіе о постройкѣ въ варшавскомъ округѣ православныхъ церквей; постройка поручена Высочайше учрежденной при военномъ совѣтѣ коммиссія по устройству казармъ, хозяйственнымъ способомъ, распоряженіемъ войскового начальства.

— По просьбѣ Іерусалимскаго патріарха Никодима св. Синодомъ подтверждено распоряженіе о томъ, чтобы епархіальные преосвященные при увольненіи священнослужителей, какъ бѣлаго. такъ и монашествующаго духовенства, на Востокъ для поклоненія святымъ мѣстамъ, снабжали увольняемыхъ, независимо отъ паспорта, свидѣтельствами, за надлежащею печатью и непременно за подписаніемъ собственной руки, съ обозначеніемъ въ сихъ свидѣтельствахъ срока отпуска, времени посвященія увольняемаго въ священный санъ и послѣдняго мѣста службы, и съ поясненіемъ, что увольняемый въ запрещеніи священнослуженія не состоитъ, а потому, съ разрѣшенія подлежащаго православнаго духовнаго начальства, можетъ священнодѣйствовать въ теченіе времени отпуска.

— Заботясь о религіозномъ просвѣщеніи православныхъ прихожанъ, мѣстное духовенство пользуется при этомъ и нѣкоторыми новыми или мало употребительными средствами. Такъ, напримѣръ, свящ. м. Загнеткова, подольской епархіи, обративши вниманіе, между прочимъ, на ужасно неправильное произношеніе молитвъ крестьянскими дѣтьми, при чемъ въ словахъ молитвы Господней «Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь» — крестьянскія дѣти, да и сами крестьяне, произносятъ «нашущный», «Удушителю» вм. «Утѣшителю», «чарколюбыць» вмѣсто «Человѣколюбець» и проч., не такъ давно обратился къ своимъ прихожанамъ съ просьбою присылать въ церковь, послѣ обѣда, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, своихъ дочерей для обученія молитвамъ и истинамъ вѣры. Значительный процентъ пзъявившихъ желаніе учиться въ воскресной школѣ даетъ понять, что и самъ народъ сознаетъ потребность въ такомъ ученіи.

— И раскольниковъ и многихъ православныхъ продолжаетъ, меж-

ду прочимъ, смущать упрочившаяся въ нѣкоторыхъ церквахъ разговорная манера чтенія церковныхъ книгъ, которая дѣйствительно можетъ дѣйствовать неблагопріятно на молящихся, если такое чтеніе не проникнуто истиннымъ религіознымъ чувствомъ и благоговѣніемъ. На этотъ предметъ обратилъ вниманіе херсонскій учил. совѣтъ, распорядившійся, чтобы въ церковно-прих. школахъ «при чтенія по церковнымъ книгамъ дѣти приучаемы были къ разумной и благоговѣйной церковной интонаціи, а никакъ не къ свѣтской и разговорной, и по церковнымъ удареніямъ, и чтобы ученикамъ церковно-приходскихъ школъ ни подъ какимъ видомъ не дозволяемо было читать въ церкви съ свѣтскою разговорною интонаціей». вмѣстѣ съ этимъ предписано, чтобы обученіе церковной грамотѣ шло съ особою заботою и впереди гражданской, или по меньшей мѣрѣ, параллельно съ нею.

— Духовенство курской епархіи продолжаетъ указывать на распространеніе свящ. изображеній инославнаго характера въ домахъ православныхъ прихожанъ, съ польскими, латинскими и нѣмецкими подписями. На дняхъ мѣстный священникъ, о. Лазаревъ, сообщалъ, что въ его приходѣ нѣтъ почти ни одного дома, въ которомъ бы не было такихъ изображеній. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ изображенія «Крещенія Господня» въ католическомъ духѣ, притомъ даже и съ русскими подписями, наводящія нѣкоторыхъ воспріемниковъ на мысль о преимуществѣ крещенія черезъ обливаніе. Обыкновенные сельскіе и городскіе иконописцы, имѣя у себя подъ руками такія инославныя изображенія и не сознавая неправильности ихъ, часто пишутъ по нимъ на полотнѣ и доскахъ иконы. О. Лазареву приходилось видѣть такія иконы даже и въ храмахъ. Въ однихъ храмахъ приходилось встрѣчать такія изображенія на иконѣ двенадцатыхъ праздниковъ, лежащей почти въ продолженіе всего года на срединѣ храма, а въ нѣкоторыхъ—даже во второмъ ярусѣ иконостаса, гдѣ помѣщаются обыкновенно двенадцатые праздники.

— Въ «Сам. Еп. Вѣд.» напечатана интересная статья подъ заглавіемъ: «что можетъ быть сдѣлано духовенствомъ къ искорененію пьянства въ народѣ?»

Первое средство къ уменьшенію этого зла и къ искорененію порока пьянства въ народѣ со стороны духовенства авторъ видитъ въ собственномъ примѣрѣ священниковъ. Трезвый священникъ, говоритъ онъ, уже однимъ своимъ примѣромъ значительно сокращаетъ пьянство въ приходѣ. Къ священнику, который вовсе не пьетъ ви-

на, самъ не всегда пойдетъ въ домъ прихожанинъ въ нетрезвомъ видѣ, а равно и у себя въ домѣ постѣснится встрѣтить его нетрезвый; а такъ какъ каждому прихожанину случается нерѣдко въ году бывать въ домѣ сѣщенника и нерѣдко принимать сѣщенника у себя, во время церковныхъ праздниковъ, то вотъ уже само собою прибавится число дней въ году, въ которые прихожанинъ, склонный къ пьянству, постарается быть трезвымъ. При этомъ сѣщеннику нужно помнить, что если онъ, чтобы избавиться отъ усиленнаго и надоѣдливаго потчиванія виномъ со стороны прихожанъ, рѣшится вовсе не пить вина, то онъ не долженъ уже пить и гдѣ; ибо отъ прихожанъ не скроется, если сѣщенникъ будетъ употреблять вино, хотя бы и умѣренно, дома или въ другихъ мѣстахъ. Въ такомъ случаѣ прихожане не перестанутъ назойливо приставать къ нему съ угощеніемъ виномъ, и при этомъ онъ можетъ услышать не мало обидныхъ намековъ въ родѣ того: «что же вы, батюшка, брезгуете мужицкимъ хлѣбомъ-соллю? Видно барское-то вино слаще мужицкаго» и т. п. Но если прихожане будутъ знать, что сѣщенникъ дѣйствительно нигдѣ не пьетъ вина, то они уже не будутъ обращаться къ нему съ подобными предложеніями и будутъ остерегаться показаться ему нетрезвыми. Впрочемъ, мы не хотимъ утверждать, что сѣщеннику совершенное отреченіе отъ вина необходимо для успѣшности его стараній объ искорененіи пьянства; можно и пить вино, и быть безусловно трезвымъ. Вредно не вино, а несоблюденіе мѣры въ его употребленіи.

Позволяемъ съ своей стороны прибавить къ этому, говорить «Ц. В.», что, при требованіи безусловной трезвости отъ приходскихъ сѣщенниковъ, необходимо упомянуть и объ остальныхъ членахъ причта, которые къ несчастію часто подвержены бываютъ упомянутому пороку и примѣръ которыхъ несомнѣнно губительно вліяетъ на прихожанъ. Поэтому, чрезвычайно было бы важно и полезно, если бы приходскіе сѣщенники сами указали какимъ путемъ можно было бы достигнуть большей трезвости въ средѣ низшихъ членовъ причта.

Вторая мѣра къ уменьшенію пьянства въ народѣ со стороны духовенства есть исповѣдь. По словамъ автора статьи, у пьяницъ ихъ порокъ, естественно, есть больное мѣсто ихъ души, и всякое стороннее прикосновеніе къ нему отзывается болью; всякое обличеніе, самымъ деликатнымъ образомъ высказанное и кѣмъ бы оно ни было высказано, приводитъ ихъ въ раздраженіе. Нужно знать время и мѣсто, когда можно пьяницѣ сдѣлать вразумленіе, чтобы

оно было терпѣливо выслушано и привело къ сознанію обличаемаго. Самое лучшее и удобное къ тому время есть исповѣдь. При исповѣди священникъ долженъ обращать особенное вниманіе на пьяницъ. Долженъ терпѣливо разспросить и выслушать, что ихъ побуждаетъ къ тому, разъяснить имъ всю пагубность этого порока, разъяснить, что это не простая слабость, а тяжкій грѣхъ, за который нужно отвѣчать предъ Богомъ. Часто причиною пьянства бываютъ семейные раздоры и несогласія. Священникъ долженъ внимательно разспросить и обдумать, кто въ семьѣ болѣе виновенъ въ этомъ, и сдѣлать тому соотвѣтствующее вразумленіе, отнюдь не показывая, отъ кого онъ узналъ объ этомъ. Иногда причиною пьянства бываютъ несчастія и неудачи въ хозяйствѣ, въ торговлѣ и т. п. Священникъ долженъ поднять, поддержать и укрѣпить падающаго духомъ человѣка надеждою на помощь Божию, долженъ подать ему благоразумный совѣтъ, какъ и чѣмъ поправить неудачу. Если же несчастіе непоправимо, долженъ расположить человѣка терпѣливо и благодушно переносить его, внушая, что и всѣ люди живутъ не безъ горя. При этомъ священникъ долженъ особенное вниманіе обращать на женщинъ. Тамъ, гдѣ женщины трезвы, всегда менѣе развито пьянство. Женщины вообще болѣе трезвы, чѣмъ мужчины; но есть мѣстности (Сибирь), гдѣ женщины пьютъ вино въ силу установившагося обычая. При поступленіи въ приходъ священникъ долженъ обратить вниманіе и прежде всего постараться искоренить пьянство въ женщинахъ. Этого достигнуть не такъ трудно, такъ какъ вообще женщины, пьющія заюемъ, встрѣчаются рѣдко. Священникъ можетъ принимать и нѣкоторыя внѣшнія мѣры для вразумленія пьяницъ, на примѣръ, упорныхъ въ пьянствѣ не допускать участвовать въ чтеніи и пѣніи на клиросѣ, не позволять носить иконы во время крестныхъ ходовъ, звонить на колокольнѣ во время Пасхи и т. п., но все это нужно дѣлать съ крайнею осмотрительностію, наблюдая, чтобы вовсе не ожесточить человѣка.

О значеніи исповѣди, замѣчаетъ по этому поводу «Церк. Вѣстн.», на религіозно-нравственную жизнь исповѣдающихся и объ искорененіи при помощи ея разныхъ пороковъ и было говорено и говорится постоянно очень много. Но едва ли можно надѣяться, чтобы исповѣдь, пока она совершается при теперешнихъ ненормальныхъ условіяхъ, имѣла свое полное, дѣйственное значеніе. Мы много разъ уже указывали на то, что приуроченіе исповѣди къ одному только великому посту, даже къ нѣкоторымъ недѣлямъ его

и наконецъ непременно къ одному лишь дню этихъ недѣль—явленіе крайне печальное, ненормальное, производящее то, что исповѣдь въ общемъ у насъ есть не больше, какъ только внѣшній, формальный обрядъ. Само духовенство въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей тяготеетъ существующею традиціею относительно порядка у насъ исповѣди, но Богъ знаетъ скоро ли еще дѣло это измѣнится и приметъ тотъ характеръ, когда священникъ будетъ имѣть возможность удѣлять исповѣдующемуся не одну-двѣ минуты своего утомленнаго вниманія, а столько времени, сколько нужно и для возбужденія сознанія грѣховности пришедшаго къ нему на исповѣдь, и для пробужденія раскаянія въ этой грѣховности, наконецъ, для утвержденія воли въ рѣшимости впредь избѣгать грѣха.

Третья мѣра со стороны духовенства, говоритъ авторъ статьи есть школа. Священникъ въ школѣ долженъ быть не преподавателемъ только своего предмета, но и руководителемъ дѣтей во всѣхъ случаяхъ жизни. Онъ долженъ бесѣдовать съ ними о всѣхъ выдающихся въ окружающей ихъ жизни случаяхъ и явленіяхъ. Напримѣръ, послѣ каждаго праздника священникъ долженъ разспросить учениковъ, какъ они провели праздникъ, что ихъ особенно занимало во время его, чѣмъ они особенно остались довольны, что ихъ огорчило, и видя то или другое настроеніе учениковъ, можетъ дать имъ соотвѣтствующіе совѣты...

О вліяній школы на развитіе въ народѣ трезвости говорилось много. Но извѣстный школьный дѣятель г. Рачинскій, у котораго слово идетъ рядомъ съ дѣломъ, въ своей статьѣ по этому вопросу («Церк. Вѣстн.». 1889 г. № 34) приходитъ къ тому выводу, что одна школа, школьныя убѣжденія и разсужденія далеко еще недостаточны для достиженія успѣха, что и подтверждаетъ примѣрами пзъ своей практики. Лучшимъ средствомъ для борьбы съ пьянствомъ, средствомъ, гдѣ болѣе всего закаляется воля человека, она признаетъ образованіе обществъ трезвости, основанныхъ на религіозныхъ началахъ. Но авторъ цитируемой нами статьи совершенно расходится съ г. Рачинскимъ по вопросу объ обществахъ трезвости. По его словамъ, у насъ мало найдется еще такихъ приходовъ, въ которыхъ бы можно было приступить къ открытію ихъ, такъ какъ народъ не приготовленъ, не воспитанъ къ этому.

Общества трезвости, продолжаетъ онъ, должны составляться добровольно, безъ всякихъ формальностей. Приговоры, обязательства и

подписокъ при этомъ не должно быть, а тѣмъ болѣе не должно быть штрафовъ за нарушение правилъ общества. Большою ошибкою при этомъ было бы стараніе привлечь въ общество трезвости лицъ должностныхъ и начальствующихъ. Общества трезвости, обильно открывшіяся въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, потому и были недолговѣчны, что возникли по настоянію должностныхъ лицъ и обставлены были разными формальностями. Какъ открытіе обществъ трезвости должно сопровождаться одною общественною молитвою, такъ равно и принятіе въ общество новыхъ членовъ должно бы сопровождаться молитвою вступающаго и принимающихъ о томъ, чтобы Богъ помогъ новому члену общества утвердиться на пути воздержанія. Починъ въ открытіи такихъ обществъ долженъ принадлежать священнику. Онъ имѣетъ свои исключительно ему принадлежащія способы нравственнаго воздѣйствія на прихожанъ, которые и составляютъ его обязанность.

Очевидно, что различные взгляды на значеніе обществъ трезвости происходятъ отъ того, что г. Рачинскій и авторъ приводимой нами статьи смотрятъ на общества съ различныхъ точекъ зрѣнія. Въ то время какъ первый видитъ въ нихъ педагогическое средство, укрѣпляющее волю человѣка въ извѣстномъ направленіи, второй—усматриваетъ въ обществахъ трезвости лишь возможность и способъ объединенія лицъ, уже достигшихъ высокой степени нравственнаго совершенства и вполне окрѣпшихъ и обезопасенныхъ со стороны внѣшнихъ искушеній и внутреннихъ увлеченій, почему и приходитъ къ выводу, что общества трезвости у насъ еще рановременны, такъ какъ народъ еще не подготовленъ къ нимъ. Но вѣдь вопросъ-то идетъ о подготовкѣ народа, слѣдовательно, и общества трезвости можно разсматривать въ настоящее время только лишь какъ педагогическое средство.

Исчисленными мѣрами далеко, конечно, не исчерпываются всѣ тѣ средства, которыя находятся въ рукахъ каждаго священника для борьбы съ народнымъ недугомъ—пьянствомъ. И вопросъ не въ указаніи этихъ средствъ, болѣе или менѣе всѣмъ извѣстныхъ, а въ томъ, чтобы возбудить въ большинствѣ духовенства живой откликъ на призывъ къ этой борьбѣ и вмѣстѣ съ этимъ дать наглядное, фактическое указаніе его же самого на то, кто и какимъ путемъ борется съ страшнымъ порокомъ и какъхъ достигаетъ результатовъ. Только живой фактической обмѣнъ детальными свѣдѣніями по отдѣльнымъ случаямъ выяснитъ все положеніе дѣла и укажетъ настоящія средства для борьбы. Теоретическіе же сухіе рецепты никому и ничему не помогутъ («Церк. Вѣсти» № 7).

— Изъ села Брашевичъ, Бобринскаго уѣзда, въ «Лит. Еп. Вѣд.» пишутъ: Съ новымъ годомъ въ нашемъ приходѣ положено начало обществу трезвости. Уже давно на борьбу съ пьянствомъ было обращено особенное вниманіе молодого и энергичнаго священника села Брашевичъ. Почти не прошло праздника безъ проповѣди, направленной противъ пьянства, такъ какъ въ праздничные дни оно достигаетъ своей высшей точки. Но странное дѣло, — крестьянинъ, выслушивая проповѣдь съ благоговѣйнымъ вниманіемъ и молитвенными вздохами, въ то же время какъ будто считаетъ ее въ частности къ нему лично не относящеюся. Повидямому, онъ разсуждаетъ про себя такъ: «говорено это всѣмъ, а не одному мнѣ, а потому куда громада, туда и я». И послѣ самыхъ горячихъ проповѣдей противъ пьянства кабакъ бываетъ наполненъ не менѣе обыкновеннаго. Если же проповѣдь и подѣйствуетъ на рѣшимость нѣкоторыхъ, то спрашивается: на долго-ли? Пока живо впечатлѣніе, они будутъ болѣе или менѣе воздерживаться; но искушеній на каждомъ шагу слышномъ много, впечатлѣніе отъ проповѣди мало по малу изгладится, и тогда... священнику придется опять начинать съизнова. Далѣе, тѣ, которые подъ вліяніемъ сильнаго пастырскаго слова отстаютъ отъ своего порока, обыкновенно исчезаютъ въ общей массѣ до незамѣтности, даже стараются быть незамѣтными, какъ бы стыдясь своей доброй рѣшимости, — а потому и не могутъ служить примѣромъ, на который пастырь могъ бы указать въ противоположность подавляющему авторитету «громады». Чтобы борьба съ пьянствомъ была успѣшна, необходимо, съ одной стороны, такъ или иначе упрочить разъ пріобрѣтенное, оградить отъ соблазна и удержать на добромъ пути разъ вступившихъ на него, съ другой — выдвинуть впередъ и высоко поставить ихъ добрую рѣшимость въ назиданіе и примѣръ остальнымъ прихожанамъ. То и другое не можетъ быть иначе достигнуто, какъ путемъ возможнаго объединенія бросившихъ пить и образованія изъ нихъ общества трезвости.

Но обращаясь отъ разсужденій къ жизни, трудно было рассчитывать, чтобы что-нибудь подобное могло привиться среди нашихъ крестьянъ. Первый шагъ требовалъ большой осторожности: нужно было сдѣлать его твердо, обезпечить за нимъ будущность. Въ виду этого священникъ думалъ было сначала пріурочить общество трезвости къ существующему при церкви братству. Но отъ этого намѣренія пришлось отказаться. Съ одной стороны, не было надежды склонить къ трезвости хоть болѣе или менѣе значительное мень-

шинство братства. Съ другой—преобразовать братство на новыхъ началахъ, кромѣ того, что много усложняло дѣло, было и рискованно: число членовъ его могло сократиться до минимума, и оно могло бы не приносить и той малой доли пользы, какую теперь приносить. Наконецъ, и то нужно сказать: опереться на братство, тогда было бы важно, если бы оно было дѣйствительно братствомъ, т. е. обществомъ съ извѣстною организаціею, съ твердо поставленными и всѣми сознаваемыми цѣлями и общими задачами. Но нашимъ «братствамъ» далеко до этого.

Затѣмъ, въ видахъ облегченія перваго шага было намѣреніе убѣждать прихожанъ давать обѣтъ трезвости на время постовъ. Но и это намѣреніе было оставлено. Постъ долженъ быть временемъ всеобщаго воздержанія, всеобщей трезвости. Приурочить же къ этому времени зарокъ не пить со стороны нѣкоторыхъ не будетъ ли равносильно позволенію пить для прочихъ, не давшихъ зарока? Не будутъ ли тогда пьющіе оправдывать себя предъ своею совѣстью и людьми тѣмъ, что они не давали зарока? Притомъ же, въ такомъ случаѣ, зарокъ будетъ кончатся какъ разъ въ большой праздникъ, когда особенно трудно бываетъ устоять противъ соблазна. Тогда каждый поспѣшитъ вознаградить себя за время воздержанія. И во что же тогда обратятся такіе праздники, какъ Рождество Христово и Пасха?

Наконецъ, послѣ многихъ колебаній, священникъ рѣшился попытаться завести общество трезвости въ формѣ зарока не пить на одинъ годъ. Въ день новаго года въ простомъ общепонятномъ поученіи онъ развернулъ предъ прихожанами яркую картину ихъ бѣдности, доходящей до нищеты, до невозможности защитить своихъ дѣтей отъ голода и холода, указалъ на хозяйственное разореніе нѣлыхъ деревень, на постепенное закабаленіе ихъ жидамъ, на разстройство семейныхъ отношеній, показалъ, что главная причина всѣхъ этихъ золъ—водка, и горяче призывалъ всѣхъ къ умѣренности въ питіи, совѣтуя зарокъ не пить на годъ, какъ наилучшее средство для тѣхъ, которые хотятъ совсѣмъ оставить свою пагубную привычку, по не увѣрены, что выдержать. Поученіе закончилось воззваніемъ, чтобы тѣ, которые пожелаютъ дать такой зарокъ, заявили объ этомъ священнику въ слѣдующій воскресный день: ихъ имена будутъ записаны для молитвеннаго поминовенія. Результатъ превзошелъ ожиданія, 7 января записались 30 человекъ, давшихъ зарокъ. Потомъ приписались еще два человека. Всѣ записавшіеся мужчины, и большинство изъ молодыхъ и гра-

мотныхъ, есть впрочемъ и люди пожилые и старики. Изъ нихъ нѣкоторые прежде сильно пили.

Торжество открытія общества имѣло весьма скромный характеръ. Въ тотъ же день 7 января послѣ обѣдни, при многочисленномъ стеченіи народа, отслуженъ былъ молебенъ св. Іоанну Крестителю, какъ покровителю учреждаемаго общества (ибо въ день его памяти оно началось). Надъ главами колѣнопреклоненныхъ членовъ прочтено св. Евангеліе, къ которому всѣ потомъ приложились, скрѣпляя тѣмъ свой обѣтъ. Въ заключеніе священникомъ сказано краткое поученіе, въ которомъ онъ, поздравляя членовъ, желалъ имъ твердо стоять въ ихъ благомъ намѣреніи, убѣждалъ избѣгать соблазновъ и не смущаться, если надъ ними будутъ смѣяться или глумиться.

Пока давшіе зарокъ не имѣютъ никакой организаціи и никакихъ общихъ задачъ, такъ что не могутъ быть названы въ собственномъ смыслѣ обществомъ трезвости. Зарокъ не пить въ теченіе года вотъ все, что есть общаго между членами. Подкладка всего дѣла имѣетъ исключительно нравственно-религіозный характеръ: человѣкъ поставленъ лицомъ къ лицу предъ своею совѣстью и предъ глубоко чтимою имъ церковью; зарокъ его есть дѣло совѣсти, за которые онъ отвѣтственъ прежде всего предъ Богомъ. Всякій формализмъ старательно избѣгнуть. Не заведено даже «книги трезвости»: внушительный видъ книги могъ бы породить въ крестьянахъ мысль о предписаніи начальства и вызвать разныя неосновательныя опасенія. Давшія зарокъ записываются въ простую тетрадку для молитвеннаго поминанія ихъ священникомъ.

Нельзя не упомянуть, наконецъ, о томъ, какъ отнеслись къ учрежденію общества трезвости еврей, эти исконные спайватели народа и процентчики, высасывающіе изъ нашего мужичка послѣдніе соки. Съ ихъ стороны слышались нареканія и даже прямыя претензіи, что, дескать, это не дѣло священника, что это подрываетъ ихъ интересы и т. п. Начальство и наивность ихъ доходятъ до того, что они чуть-ли не смотрятъ на свое дѣло (спайваніе народа), какъ на официально признанное служеніе обществу, чуть ли не ставятъ свои торгашескіе интересы выше пастырскихъ интересовъ священника, по крайней мѣрѣ увѣрены, что священникъ въ своей дѣятельности долженъ сообразоваться съ ихъ выгодами.

Въ «Тамб. Еп. Вѣд.» священникъ о. Казанскій помѣстилъ слѣдующую интересную замѣтку о наймѣ церковныхъ сторожей. Существуетъ нѣсколько способовъ найма сторожей при сельскихъ церк-

вахъ: обыкновенно собирается сельскій сходъ и либо нанимаетъ на общественныя средства желающаго занять мѣсто сторожа, или же изъ среды своей выбираетъ одного, иногда двоихъ домохозяевъ, по очереди, и возлагаетъ на нихъ обязанность, «отсидѣть» при церкви одинъ годъ. Если выборъ падаетъ на домохозяина зажиточнаго, то онъ старается уклониться отъ подобной обязанности и предлагаетъ сходу ведро или два водки. Очередь идетъ далѣе, и, когда всѣ болѣе или менѣе состоятельные хозяева угостить мироѣдовъ, избраніе останавливается на какомъ-нибудь одинокомъ бобылѣ, у котораго въ данное время не найдется десяти рублей, чтобы, «ублаготворить» міръ. И вотъ бѣднякъ начинаетъ нести свою службу. Занимая должность сторожа, онъ съ нею соединяетъ и обязанности домохозяина; и такъ какъ свое хозяйство для него, конечно, дороже, то, понятно, что службу при церкви онъ несетъ только по имени. Его не видишь не только при требоисправленіяхъ случайныхъ, но,—въ будніе дни,—даже и при богослуженіи: онъ придетъ въ воскресенье, посмотритъ, пожалуй позвонитъ, если умѣетъ, а то такъ все его дѣло исправить за него какой-нибудь старичекъ, бывшій когда то прежде сторожемъ, теперь же въ семействѣ уже совершенно бесполезный, но иногда и бѣднякъ, сознавая, что невозможно въ одно и то же время быть сторожемъ и вести свое, хотя и не мудрое хозяйство, ухитряется рублей за 20, за 25 нанять себѣ работника и приставляетъ его вмѣсто себя къ церкви. Подобные наймиты по большей части—старшии нищіе. По преклонности лѣтъ они избираютъ для себя родъ дѣятельности наиболѣе легкой и неподвижной: они нанимаются караулить подсолнечники или же въ церковные сторожа. Но церковный сторожъ изъ нищихъ—человѣкъ далеко не надежный: за нимъ нужно смотрѣть, да смотрѣть, и все-таки не усмотришь! По отношенію къ прямымъ своимъ обязанностямъ такіе сторожа тоже плохіе служители: они не знаютъ, когда слѣдуетъ подать кадило, когда позвонить, и гдѣ зажечь свѣчи, какъ вынести и поставить аналогій, какую приготовить икону и т. д. Къ концу года все-таки можно бываетъ приучать сторожа къ порядку, но тутъ кончается срокъ его службы, а въ слѣдующій годъ опять нужно начинать обученіе сначала, такъ какъ сторожемъ нерѣдко дѣлается уже другой, и порядковъ при службахъ опять дѣлается предметомъ только еще желаній и стараній священника.

Вотъ почему предпочтеніе надобно отдать тому способу найма сторожей, когда жители не сами по очереди отправляютъ эту слу-

жбу, какъ натуральную повинность, а когда люди на должность сторожа нанимаются на общественныя средства. Обыкновенно находится не мало охотниковъ изъ общественныхъ средствъ получить 60—70 руб. въ годъ. Но и здѣсь нерѣдко бываетъ бѣда: изъ желающихъ получать жалованье сторожа могутъ наняться въ сторожа люди, которые о своихъ обязанностяхъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Кромѣ того, въ этомъ случаѣ часто бываетъ опасность остаться совершенно безъ сторожа, какъ не особенно давно и случилось въ одномъ приходѣ; сельскія нани общества до того еще неустроены въ своемъ гражданскомъ быту, что до порядка тамъ не доберешься! Вся сила обыкновенно въ рукахъ міроѣдовъ; ими производятся всякіе учеты и расчеты должностнымъ и служащимъ по найму у общества лицамъ, а эти учеты и расчеты всегда сопровождаются «магарычами» и «давасами» (отъ слова давать) изъ средствъ получателя. Сторожъ, получая отъ общества плату, непременно обязанъ угостить міроѣдовъ; а такъ какъ плата производится не одновременно, то и добрая половина сторожевскаго жалованья никогда въ карманъ ему не попадаетъ. Бываетъ и такъ, что поугощаются міроѣды на счетъ сторожа, да и откажутъ ему, за неимѣніемъ средствъ. Бѣднякъ проситъ содѣйствія у священника, тотъ говоритъ старостѣ, староста міроѣдамъ и зашумѣли въ селѣ, что священникъ вмѣшивается въ общественныя дѣла и къ утру просьба на пастыря готова. Между тѣмъ сторожъ отходить отъ своего мѣста и пройдетъ недѣли двѣ, пока общество соберется ему заплатить или уговорить обиженнаго неправдой наймита. Всего лучше было бы, если бы сторожъ нанимаемъ былъ на церковныя суммы; но сельскія церкви бѣдны и о томъ, чтобы принять такой значительный расходъ на церковный счетъ въ большинствѣ приходоу и разсуждать нечего!

Не забудемъ, что на церковномъ же сторожѣ должно бы лежать и исполненіе порученій священника по службѣ; между тѣмъ и служебныя порученія у священника никто иначе не исполнить, какъ только на собственные его средства нанятый служитель! иногда необходимо отправить нѣсколько срочныхъ бумагъ, навести справки, пригласить себѣ старшину или старосту, наконецъ разнести повѣстки попечителямъ о времени засѣданія. Разумѣется, что церковный сторожъ не откажется исполнить подобныхъ порученій, но бѣда въ томъ, что самого то сторожа не отыщешь!

По нашему крайнему разумѣнію, вопросъ о сторожахъ не былъ бы такимъ труднымъ для разрѣшенія вопросомъ, если бы онъ былъ

опредѣленъ какими либо обязательными постановленіями. Сами собою сельскія общества никогда не дойдутъ до сознанія необходимости упорядочить это дѣло. Приходы имѣющіе храмы, необходимо бы обязать содержаніемъ сторожей болѣе правильнымъ и независящимъ отъ произвола сильныхъ мужиковъ, притомъ часто раскольниковъ. Получая плату помѣсячно или по третямъ года правильно, сторожа къ своему дѣлу относились бы внимательнѣе, дорожа своимъ мѣстомъ, боясь выговоровъ и замѣчаній за неисправности, а болѣе всего вычетовъ за опущенія по службѣ.

Неудовлетворительная постановка этого вопроса зависитъ вообще не отъ недостатка матеріальныхъ средствъ приходовъ, а отъ недостатка вниманія самихъ прихожанъ къ этому дѣлу. Такъ или иначе церковь все-таки не остается безъ сторожа и деньги ему съ грѣхомъ пополамъ уплачиваются, но все неудобство состоитъ въ томъ, что никогда порядка не бываетъ и безъ вмѣшательства власти, духовной или свѣтской,—его по селамъ мы еще не скоро дождемся потому что время выбора сторожей для заправиль-міроѣдовъ преріятное время. Въ неудержимомъ у русскаго человѣка влеченіи выпить «на доровщину», міроѣдами забывается и постъ; такъ какъ выборы сторожей обыкновенно производятся недѣли за двѣ до Рождества Христова. Скажутъ, что дѣло священника вразумить своихъ прихожанъ; но гдѣ и когда говорить священнику объ этомъ міроѣдамъ? Въ церкви? но и во дни, когда храмъ бываетъ полонъ молящимися, міроѣдовъ здѣсь не бываетъ,—они заняты сборами податей, они судятъ правыхъ и виновныхъ, соглашаются, какъ бы пропить общественную землю или закрыть земско общественное училище. (Въ моемъ приходѣ во время литургіи міроѣдами рѣшаются самыя важныя общественныя дѣла, чѣмъ они и объясняютъ свое нехождение къ богослуженію въ продолженіи цѣлаго года).

— «День» пишетъ, что чрезвычайное харьковское уѣздное земское собраніе, постановивъ назначить пособіе церковно-приходскимъ шеоламъ въ уѣздѣ лишь при условіи участія въ епархіальномъ училищномъ совѣтѣ, съ правомъ голоса, не менѣе двухъ членовъ отъ уѣзднаго земства, возбудило, вмѣстѣ съ тѣмъ, ходатайство о предоставленіи земству права избранія изъ своихъ гласныхъ означенныхъ двухъ членовъ. По настоящему предмету миистерство внутреннихъ дѣлъ входило въ сношеніе съ оберъ-прокуроромъ Св. Синода, который увѣдомилъ, что, согласно разъясненіямъ Св. Синода, епархіальнымъ преосвященнымъ предоставлено приглашать представителей земства къ участию въ занятіяхъ

уѣздныхъ отдѣленій епархіальнаго училищнаго совѣта въ качествѣ членовъ оныхъ, почему дѣйствительный тайный совѣтникъ К. П. Побѣдоносцевъ проситъ предложить чрезъ кого слѣдуетъ харьковскому уѣздному земству, при назначеніи церковно-приходскимъ школамъ пособій, руководствоваться приведеннымъ разъясненіемъ Св. Синода объ условіяхъ, на которыхъ возможно и желательно единеніе земства и духовнаго вѣдомства въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія.

— Въ Петербургѣ существуетъ кружокъ лицъ, поставившій свою цѣлью безмездную раздачу въ праздничные дни въ храмахъ духовно-нравственныхъ брошюръ. На дняхъ послѣ богослуженія, члены этого кружка впервые по его возникновеніи собрались въ квартирѣ одного изъ нихъ М. И. Мятлина для выслушанія отчета о дѣятельности кружка и обсужденія вопросовъ, касающихся его дальнейшей дѣятельности. Въ кружкѣ участвовало 24 лица, каждый членъ жертвовалъ на расходы кружка по его усмотрѣнію, но не менѣе 1 р. Кромѣ того члены содѣйствовали увеличенію средствъ кружка сборомъ пожертвованій, какъ денежныхъ, такъ и матеріальныхъ, въ его пользу въ кругу своихъ знакомыхъ. Всего въ распоряженіе кружка въ теченіе прошлаго года поступило 720 р. и сверхъ того довольно большое число различнаго рода брошюръ религіознаго содержанія. Въ теченіе года было роздано до 900 экземпляровъ брошюръ. Практика кружка выяснила, между прочимъ, недостатокъ у насъ подходящихъ для раздачи въ дни нѣкоторыхъ особо чтимыхъ народомъ праздниковъ, относящихся до нихъ брошюръ, а также брошюръ, поставляющихъ своею задачею искорененіе предрасудковъ и суевѣрій. Въ виду этого на сегодняшнемъ совѣщаніи было рѣшено войти въ соглашеніе съ обществомъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія касательно выработки программы для составленія такихъ брошюръ и затѣмъ изыскать мѣры какъ къ ихъ составленію, такъ и изданію. Сверхъ того признано желательнымъ организованіе духовно-нравственныхъ и религіозныхъ бесѣдъ въ храмахъ ближайшихъ къ Петербургу селеній.

— Простой нашъ народъ имѣетъ много разнаго рода предрасудковъ и суевѣрій. Священникъ о. Лавдышевъ изложилъ нѣкоторые изъ нихъ, въ «Тоб. Еп. Вѣд.». Такъ онъ говоритъ:

1) при таинствѣ крещенія младенцевъ мной было замѣчено, что когда вслѣдъ за крещеніемъ младенца восприемникъ или восприемница (по выраженію простонародья, кумъ или кума) получаютъ отъ

священника постриженные имъ волоса новокрещеннаго младенца, то, закатавъ ихъ въ приготовленный предъ симъ воскъ, бросаетъ въ купель съ водой, и смотритъ въ купель—потонетъ или нѣтъ воскъ въ водѣ купели. Если потонетъ, то это, по убѣжденію воспріемниковъ, означаетъ, что младенецъ умретъ скоро, а если не потонетъ, то будетъ живъ. Замѣтивъ напряженное вниманіе одного изъ воспріемниковъ новокрещеннаго младенца, и при томъ грамотнаго человѣка, я спросилъ его: зачѣмъ онъ смотритъ въ купель? Воспріемникъ отвѣтилъ, что смотрѣлъ на положеніе воска въ водѣ купели съ сказанной цѣлю. Я не опустилъ этого случая безъ вниманія и объяснилъ прихожанину своему—воспріемнику, что воскъ потонуть вовсе въ водѣ купели не можетъ, потому что онъ легче воды, что и доказалъ тутъ же ему на опытѣ. При чемъ я съ силою бросилъ, и при томъ съ высоты, воскъ въ воду и онъ нѣсколько потонулъ въ водѣ и тутъ же моментально выплылъ изъ воды на поверхность ея. Крестьянинъ вполнѣ убѣдился въ справедливости моихъ словъ и на слѣдующій разъ, когда онъ былъ воспріемникомъ другого младенца и когда воспріемница стала замѣчать положеніе воска въ водѣ купели, то онъ довольно серьезно и сознательно сказалъ ей: вы, бабы, ничего не понимаете, а туда же еще съ примѣтами связываетесь. Развѣ воскъ, продолжалъ онъ, можетъ потонуть въ водѣ, когда онъ легче ее? На это воспріемница ничего не отвѣтила своему куманьку и молча отошла отъ купели. Когда совершенно кончилось крещеніе младенца, то воспріемникъ доказалъ шарикомъ воска въ водѣ купели своей воспріемницѣ, что потонуть воскъ въ водѣ совсѣмъ не можетъ и ее въ свою очередь убѣдилъ въ ложности предразсудка узнавать живучесть ребенка по положенію воска въ крещальной водѣ. О семъ же мной вскорѣ ведено было собесѣдованіе въ церкви съ прихожанами и на опытѣ доказана несостоятельность этого предразсудка крестьянъ. И слава Богу! послѣ рѣдко стали встрѣчаться случаи примѣтъ за воскомъ въ купели при св. таинствѣ крещенія.

2) При таинствѣ брака я замѣтилъ, что по совершеніи сего таинства присутствующіе при бракѣ разсматриваютъ свѣчи бракосочетавшихся и смотря потому, которая изъ свѣчей больше сгорѣла и чья она (жениха или невѣсты), узнаютъ, кто больше проживетъ—мужъ или жена. Замѣтивъ этотъ предразсудокъ крестьянъ, я постарался, насколько могъ, на опытѣ доказать новобрачнымъ, что скорость горенія свѣчи болѣе зависитъ отъ степени ея собственной температуры. Такъ, если свѣчу женихъ держитъ голой го-

рячей рукой, а невеста держать свѣчу обернувши у руки свѣчу платкомъ, то у жениха, такъ какъ свѣча будетъ мягче и болѣе согрѣтой отъ жара руки, сторитъ нѣсколько скорѣе, чѣмъ у невесты, у которой черезъ платокъ свѣча не можетъ такъ согрѣться и размягчиться. Послѣ произведеннаго мной опыта, всѣ присутствовавшіе сознали справедливость моихъ словъ и разубѣдились въ своемъ повѣрѣніи узнавать по свѣчамъ долготу жизни брачующихся.

Средство останавливать кровотеченіе. Берутъ кусокъ ваты, окунаютъ въ кипятокъ и прикладываютъ на обрѣзанное мѣсто. Кровь очень быстро останавливается. Чѣмъ горячѣе вода, тѣмъ лучше. Употребляютъ и другое средство—обыкновенный красный лакъ; чѣмъ лакъ гуще, тѣмъ скорѣе порѣзъ заживаетъ (газ. Гатцука, 1889 г., № 21).

Золотушная мазь. Взять одинъ или два золотника истолченныхъ въ мелкій порошокъ п просѣянныхъ цвѣтовъ простой ромашки и 1 золотникъ просѣяннаго порошка молодыхъ побѣговъ калины, стереть съ 7 золотниками сливочнаго не соленнаго масла, прикладывать къ больнымъ мѣстамъ на тряпочкѣ.

Противозолотушный сборъ. 1) Смѣшать по равной части изрѣзанныхъ листьевъ воложскихъ орѣховъ, черной смородины и молодыхъ побѣговъ калины. 2) Смѣшать по равной части изрѣзанныхъ цвѣтовъ аютиныхъ глазокъ, травы череды и мать-мачихи. 3) Смѣшать по 2 части травы череды, листьевъ воложской орѣшины и травы аютиныхъ глазокъ и 1 часть стеблей сорочьихъ ягодъ или сладкогорькаго паслена. Всѣ эти сборы пьютъ, какъ чай 2 или 3 раза въ день по чашкѣ, заваривая отъ чайной до десертной ложки на чашку кипятка.

Средства противъ ломоты и ревматизма. Обыкновенная летучая мазь. Приготавливается чрезъ смѣшеніе 3 частей (напр. 3 чайныхъ ложекъ) деревяннаго или прованскаго масла съ 1 чашкой нашатырнаго спирта. Сбивать и взбалтывать минуту 5; сохранять въ плотно закупоренной стеклянкѣ. *Мыльно-скипидарная мазь.* Изрѣзавъ въ мелкіе кусочки 1 часть зеленаго мыла, растворить въ 8 частяхъ терпентиннаго масла (чистаго скипидара). Надо взбалтывать эту смѣсь въ закупоренной стеклянкѣ до тѣхъ поръ, пока мыло растворится. *Березовая мазь.* Стереть 1 часть изсушенныхъ и истертыхъ въ мелкій порошокъ березовыхъ листьевъ съ 2 частями топленнаго свиного сала («Воскр.» № 1—2 1889 г.).

ДУХОВНО - МУЗЫКАЛЬНЫЯ

СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕЛОЖЕНІЯ

П. Г. ГРИГОРЬЕВА.

№ 32. Отъ юности моя 40 к., № 33. Четыре стиха, Богородицѣ 40 к., № 34. Приндiate новаго винограда и многолѣтіе (на три дѣтскихъ голоса) 50 коп., № 35. Слава вышнихъ Богу, Дѣва днесь и многолѣтіе (на три дѣтскихъ голоса) 50 к., № 36. Пѣніе на вѣчаніи 1 руб., № 37. Виждь мою скорбь и болѣзнь 40 к., № 38. Величитъ душа моя Господа (тріо и хоръ) 60 к., № 39. Херувимская, пѣснь, Кіево-Лаврскаго распѣва 50 к., № 40. Аще и всегда распіаю Тя 35 к.; НОВОЕ ИЗДАНИЕ: № 41. Господи спаси благочестивыя и Святый Боже 40 коп., № 42. Херувимская пѣснь. (Э-моль) 50 к., № 43. Лѣвый ликъ, на Литургіи Всилія Великаго 60 к., № 44. Тебе поемъ. № 3-й (Эфъ-дуръ) 50 к., № 45. Отче нашъ. № 3-й (Це-моль) 50 к., № 46. Въ молитвахъ неусыпающую Богородицу 30 к., № 47. Радуйтеся праведни о Господѣ 50 к., № 48. Чашу спасенія прииму 50 к., № 49. Свѣте тихій и Господь воцарися 50 к., № 50. Хвалите имя Господне 30 к., № 51. Господи аще небыхомъ, многая множество, всесвятая Богородице, все упованіе, не отврати лица, даждь еси достояніе 60 к., № 52. Благословлю Господа 20 к., № 53. Ангельскіе предъидите силы 30 к., № 54. Егда представленіе пречистаго тѣла Твоего. (Успенію Божей Матери) 40 к., № 55. Въ шестый мѣсяць. (Стихира, на литіи Благовѣщенію) 25 к., № 56. Возлюблю Тя Господи крѣпосте моя (концертъ) 60 к., № 57. Кто въздетъ на гору Господню (концертъ) 60 к., № 58. Боже, Боже мой воими ми (концертъ) 60 к., № 59. Приклопи Господи ухо Твое (концертъ) 60 к., № 60. Помилуй мя Боже по величій милости Твоей (концертъ) 60 к., № 61. Достояно есть. (Сербскаго распѣва) 50 к., № 62. Шестопсалміе 50 к., № 63. Dies irae № 2. Requiem. Mozart (съ русскимъ текстомъ, съ аккомпан. фортепіано и фисгармоніи) 75 коп., № 64. Lacrimosa № 7. Requiem. Mozart (съ русскимъ текстомъ, съ аккомпан. фортепіано и фисгармоніи) 60 коп., № 65. Херувимская пѣснь (Це-моль) 50 к.—О православномъ церковномъ пѣніи 25 к.

Продается въ Москвѣ у А. Б. Гутхейль (Кузнецкій мостъ д. Юнкеръ) и въ Оренбургѣ у издателя П. Григорьева.

Пересылку (кромѣ за-границы) во всѣ мѣста Россіи издатель принимаетъ на свой счетъ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИЖКА:

Справедливы-ли обвиненія возводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на Православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и Государство“.

А. Рождествова.

Изданіе Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ».

Харьковъ, 1889 г. Цѣна 60 коп. Книгопродавцамъ обычная уступка.

Съ требованіями надобно обращаться въ г. Харьковъ, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской духовной Семинаріи.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получить также слѣдующее сочиненіе:

ДРЕВНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ СОФИСТЫ.

Т. Ф. Брендано,

профессора частной школы политическихъ наукъ.

Переводъ съ французскаго *Якова Новицкаго*. С. П. В. 1886 г.
Цѣна съ пересылкою 1 р. 50 к.

Вышія награды на послѣднихъ выставкахъ.

Ф А Б Р И К А

Сусального Червоннаго Золота, Серебра и Двойнику
ТОРГОВАГО ДОМА

Н. Левлева и Л. Виноградова.

ТРЕБОВАНІЯ ИНОГОРОДНИХЪ ГГ. ЦЕРКОВНЫХЪ СТАРОСТЬ, ПОЗОЛОТЧИКОВЪ, ЗАВОДЧИКОВЪ ВОСКОВЫХЪ СВѢЧЕЙ И ДРУГИХЪ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ
ВЫПОЛНЯЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

Прейсъ-Куранты высылаются бесплатно.

Въ Москвѣ: Ильинская, домъ Хлудова, близъ Биржи.

Въ книжномъ магазинѣ А. А. Карцова (Москва, Фуркасовскій переулокъ, д. Обидиной) продаются слѣдующія книги:

1) Полное собраніе проповѣдей Высокопреосвященнѣйшаго Димитрія, Архіепископа Одессаго и Херсонскаго, въ 5-ти томахъ. Т. 1-й: Слова и бесѣды на праздники Господскіе; т. 2-й: Слова и бесѣды на праздники Богородичныя и дни святыхъ; т. 3-й: Слова и бесѣды на дни воскресныя отъ недѣли Фоминной до недѣли Мытаря и Фарисей; т. 4-й: Слова и бесѣды на дни воскресныя отъ недѣли Мытаря и Фарисей до Пасхи и на Великій постъ; т. 5-й: Слова и бесѣды на дни высокопраздничныя, на освященія храмовъ, на тексты, на разные случаи и погребенія. Цѣна каждому тому 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. Приложение особое къ „Полному собранію проповѣдей“ Архіепископа Димитрія съ перечнемъ всѣхъ проповѣдей, съ обозначеніемъ темъ и заглавныхъ текстовъ и подробнымъ указателемъ содержанія ихъ. Выйдетъ лѣтомъ 1890 г.

2) Никитскій, С. П. Вѣра православной восточной Греко-Россійской церкви, по ея символическимъ книгамъ. Систематическій сборникъ извлеченій изъ опредѣленій соборовъ Вселенскихъ и Помѣстныхъ, Правилъ св. Апостоловъ и св. Отцевъ, Посланій патріарховъ православно-каѳолической церкви о православной вѣрѣ, православнаго исповѣданія каѳолической и Апостольской церкви Восточной и Католическаго Филарета, митропол. Московскаго. Тетрадь первая: вѣроученіе. Изд. 2-е. Цѣна 50 к., съ перес. 60 к.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія рекомендована какъ прекрасное пособіе при обученіи Закону Божию въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также для выписки въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ; учебн. Комит. при Св. Синодѣ рекомендована для духовныхъ семинарій въ качествѣ полезнаго пособія при изученіи догматическаго Богословія; Училищ. Совѣтомъ при Св. Синодѣ допущена въ церковно-приходскія школы въ качествѣ пособія законоучителямъ этихъ школъ.

Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета на 1890 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются

I. Въ отдѣлѣ наукъ: учебныя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; общенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по учебнымъ командамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертациа, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за-границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорнѣю коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, состоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обзорнѣя преподаванія, распределенія лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскія курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературныя съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложений.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб. съ пересылкою. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 р. 50 к. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ Ѡ. Мищенко.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первая двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листовъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ нумера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 в., за два раза 18 в., за три раза 24 в.